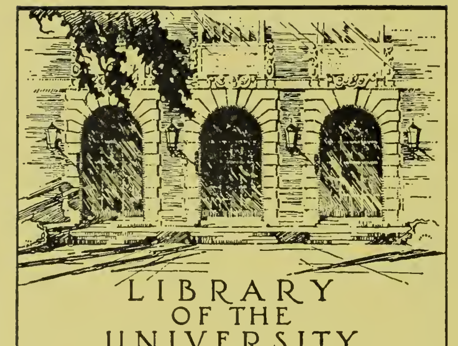
АЛЕКСАНДРЪ

I

РУССКАЯ

БЫЛЬ

МОСКВА.— 1908.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и издат. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

Исторія Россіи — профессора Шимана.

Александръ Первый.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Первое русское изданіе съ 2 портретами и многими рисунками и картинами

Изданіе Московскаго К-скаго Т-ва
„Образованіе".

Мы не можемъ сказать, чтобы внѣ Петербурга русскій народъ раздѣлялъ тѣ бурныя ликованія, какими русское дворянство привѣтствовало убійство Павла. За то всеобщими были надежды, съ которыми встрѣченъ былъ молодой, еще не достигшій 24 лѣтъ новый государь. Императрицу-мать Марію Өеодоровну [1]), которая хотѣла было, подобно Екатеринѣ, взять правленіе въ свои руки, мало знали и еще меньше того любили. Въ ея натурѣ не было того, что могло бы сдѣлать ее главой партіи и ее

[1]) Записки Чарторижскаго. „Въ первыя минутыона казалась готовой на все, чтобы захватить въ свои руки бразды правленія и отомстить за убійство супруга. Но въ императрицѣ Маріи не было вовсе того, что могло бы увлечь, вызвать воодушевленіе и добровольное самопожертвованіе... быть можетъ, этому способствовалъ и ея иностранный нѣмецкій выговоръ, который она сохранила въ русской рѣчи“. Этотъ фактъ удостовѣренъ множествомъ лицъ и можетъ считаться исторически установленнымъ.

безъ труда отстранила вылощенная любезность Александра. Молодой императоръ предоставилъ ей по внѣшности блестящее, но въ политическомъ смыслѣ безразличное положеніе и сумѣлъ удержать ее въ этомъ положеніи нѣжной внимательностью и проявленіями сыновней почтительности; онъ согласился также удалить изъ Петербурга наиболѣе ненавистныхъ ей лицъ, которыя прямо или косвенно участвовали въ убійствѣ Павла,—правда, не тотчасъ же, а лишь тогда, когда онъ убѣдился, что для него самого отъ этого не явится опасности, и только тѣхъ, кто нарушилъ его личные планы, какъ Паленъ и Панинъ. Вообще же убійцы не были наказаны, да это, пожалуй, и не было возможно. Даже Яшвиль, извѣстный всѣмъ, какъ фактическій убійца Павла, былъ только сосланъ въ Восточную Россію, а Николай Зубовъ даже сидѣлъ рядомъ съ Александромъ на коронаціонномъ обѣдѣ въ Москвѣ. Но своей матери Александръ никогда не прощалъ неудачной попытки завладѣть властью. До самой своей смерти подвергалъ онъ ея переписку перлюстраціи и слѣдилъ особенно за ея отношеніями съ ея племянникомъ, принцемъ Евгеніемъ Вюртембергскимъ, которому нѣсколько дней благосклонности императора Павла должны были отравить и испортить всю дальнѣйшую жизнь. Ни одинъ изъ Павловичей не забывалъ и не прощалъ ему его кандидатуры на престолъ.

Но все это было тщательно хранимой тайной, извѣстной однимъ только участникамъ. Всему же свѣту видна была только трогательная скромность, которую Александръ проявлялъ къ матери, и усердіе, какое онъ прилагалъ къ тому, чтобы залечить раны, причиненныя своеволіемъ и страстями Павла.

Наступившая эра послѣднихъ реформъ не коснулась, однако, основныхъ бѣдъ государства, и могущественная петербургская бюрократія скоро поняла, что новый царь, если и расположенъ дѣлить съ нею, то не иначе какъ для виду, доставшуюся ему власть. Когда сенатъ, въ отвѣтѣ на одинъ изъ императорскихъ запросовъ, высказалъ намѣреніе истолковать свои права и обязанности такъ, что получилось нѣчто въ родѣ конституціоннаго ограниченія самодержавія въ Россіи, то Александръ сумѣлъ ввести его въ прежнія границы. Кромѣ того, спустя нѣсколько мѣсяцевъ уже выяснилось, что съ новымъ царемъ выступитъ на сцену и новое поколѣніе людей. Сотрудниковъ Екатерины, находившихся еще въ живыхъ, Александръ держалъ вдали отъ себя, поскольку это было возможно безъ столкновеній; поколѣніе современниковъ Павла, за немногими исключеніями, также отошло на задній планъ. Эти-то обойденные и составили первую коалицію

недовольныхъ при дворѣ Александра и собрались вокругъ матери императора, которая чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе чувствовала свое политическое безсиліе.

Александръ правилъ вначалѣ съ помощью своихъ сверстниковъ: Кочубея, Строганова, Чарторижскаго и Новосильцева [1]), которые жили, какъ и онъ, въ мірѣ иллюзій и такъ же мало знали Россію и ея потребности и нужды, какъ и царь. Если присоединить сюда вліяніе Лагарпа, два восходящихъ свѣтила—Сперанскаго и Аракчеева и, стоящаго особнякомъ, Парро, то это и составитъ кружокъ людей, которые пользовались довѣріемъ Александра въ первые годы его царствованія и не были простыми фигурантами. Наиболѣе замѣчательная мысль, вышедшая изъ этого кружка, заключалась въ томъ, чтобы въ день коронаціи даровать Россіи основныя права по образцу Habeas corpus. Этотъ планъ остался невыполненнымъ, какъ и многія другія намѣренія Александра, но по главному своему содержанію онъ заслуживаетъ того, чтобы его спасти отъ забвенія, какъ свидѣтельство того образа мыслей, который былъ близокъ императору. Будь онъ осуществленъ, онъ включилъ бы Россію въ число правовыхъ государствъ. Основные параграфы проэкта гласятъ слѣдующее:

1. До произнесенія судебнаго приговора обвиняемый не можетъ быть ограничиваемъ въ правахъ.

2. Всякій, кто преданъ суду, имѣетъ право избрать себѣ защитника и какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ дѣлать на законномъ основаніи отводъ судей.

3. Всякій, кто въ теченіе трехъ дней по своемъ задержаніи, не былъ допрошенъ, имѣетъ право требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго освобожденія.

4. Въ качествѣ оскорбленія Величества подлежатъ наказанію только поступки, а не словесныя или письменныя мнѣнія.

5. Кто однажды оправданъ судомъ, тотъ не можетъ быть еще разъ привлеченъ къ суду по тому же дѣлу.

6. Жалобы частныхъ лицъ противъ правительства должны по дѣйствующему судебному уставу разбираться на томъ же основаніи, что и другія жалобы.

---

[1]) Трехъ послѣднихъ называли тріумвиратомъ, въ которомъ, по словамъ де-Местра, Строгановъ былъ Леонидомъ. Совѣщанія Александра съ этими друзьями въ т. наз. «неоффиціальномъ комитетѣ» касались всей политики Россіи.

7. Никакія подати и налоги не могутъ быть введены иначе, какъ именнымъ указомъ, опубликованнымъ Сенатомъ [1]).

Этотъ актъ былъ составленъ скорѣе по польскому, чѣмъ по англійскому образцу и такъ и остался призракомъ, который никогда не облекался въ тѣлесную форму. Одно ужъ то, что эти «основныя права» вовсе не упоминаютъ о личной свободѣ человѣка, показываетъ, что къ центру вопроса и не рѣшались подойти. Но уничтоженіе пытокъ и тайной полиціи было дѣйствительно, объявлено, что, впрочемъ, не помѣшало засѣчь на смерть въ царствованіе Александра I безчисленное множество народа и снова завести черезъ нѣсколько лѣтъ тайную полицію, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ большей властью. Она много лѣтъ была однимъ изъ главнѣйшихъ занятій императора, который руководилъ лично дѣятельностью тайной полиціи въ большей степени, чѣмъ когда-либо раньше или позже, и контролировалъ ее съ помощью искусной системы контршпіонства. Осенью 1802 г. послѣдовала замѣна коллегій восемью министерствами и учрежденъ комитетъ министровъ для обсужденія общихъ государственныхъ вопросовъ. При этомъ бросалось въ глаза, что среди вновь назначенныхъ министровъ преобладали люди старой школы, между тѣмъ, какъ любимцы императора фигурировали лишь на вторыхъ мѣстахъ — въ качествѣ товарищей министровъ. Однако вскорѣ Александръ нашелъ способъ удалить нѣкоторыхъ изъ стариковъ. Теоретическій либерализмъ шелъ у него рука объ руку съ закоренѣлой, упрямой самодержавной волей. «Ты все хочешь учить», крикнулъ онъ однажды министру юстиціи Державину,—«а я—самодержавный царь и хочу, чтобы было такъ, а не иначе!»

Знатоки человѣческой души, какъ напр., старый министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій, уже въ то время считали, что ко всѣмъ этимъ порывамъ не стоитъ относиться серьезно, и смотрѣли безъ особеннаго страха на зарождавшіеся въ это же самое время планы Александра, касавшіеся освобожденія крѣпостного крестьянства. Такого же мнѣнія былъ и близкій другъ императора, князь Чарторижскій. «Императоръ», пишетъ онъ, «любитъ внѣшнія формы свободы, какъ можно любить представленіе. Онъ любовался собою при внѣшнемъ видѣ либеральнаго правленія, потому что это льстило его тщеславію; но

---

[1]) Участіе Сперанскаго въ этихъ первыхъ конституціонныхъ попыткахъ было доказано раньше всѣхъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. («Графъ Строгановъ». Историческое изслѣдованіе эпохи Александра I).

кромѣ формы и внѣшности онъ ничего не хотѣлъ и ничуть не былъ расположенъ терпѣть, чтобы онѣ обратились въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно согласился бы на то, чтобы каждый былъ свободенъ, лишь бы всѣ добровольно исполняли одну только его волю». Когда дѣло доходило до выполненія, то Александръ обыкновенно откладывалъ на неопредѣленное время то, что было, повидимому, твердо рѣшено, а затѣмъ забывалъ о немъ. Если же онъ впослѣдствіи возвращался къ старымъ проектамъ, то нѣкоторое время усердно взвѣшивалъ ихъ заново, но конечный результатъ оставался всегда одинъ и тотъ же: въ исполненіе они не приводились. Это касается и позднѣйшихъ большихъ конституціонныхъ проектовъ, послѣдняя формулировка которыхъ (поскольку дѣло шло о Россіи) относится къ періоду преобладающаго вліянія Сперанскаго и съ которыми Александръ носился, какъ съ любимыми идеями, въ такое время, когда остальные планы реформъ были уже давнымъ-давно погребены.

Самая существенная сторона дѣла заключается въ томъ, что, въ дѣйствительности, старые непорядки русскаго управленія, равно какъ и грубѣйшіе недостатки судопроизводства, ничуть не были устранены. За все время царствованія Александру не удалось разорвать замкнутое кольцо бюрократіи изъ 14 классныхъ чиновъ; наоборотъ, какъ разъ въ его время она стала еще могущественнѣе, чѣмъ прежде, и въ той же пропорціи возросла и ея подлость, продажность и безбожная безсовѣстность. Вообще, невозможно представить себѣ положеніе вещей хуже, чѣмъ оно было въ дѣйствительности; при случаѣ оно обнаруживалось на судѣ, напр., въ дѣлѣ генерала Льва Дмитріевича Измайлова или генералъ-губернатора Сибири Іоанна Борисовича Пестеля, при чемъ насъ ужасаютъ не столько преступленія, совершенныя этими высокопоставленными лицами, сколько полнѣйшее бездѣйствіе по отношенію къ нимъ правосудія и органовъ управленія. Попытки императора бороться съ этими ужасными непорядками съ помощью издаваемыхъ ad hoc указовъ терпѣли и должны были терпѣть неудачу, такъ какъ онѣ тонули въ безднѣ безчисленнаго множества указовъ и распоряженій, которыя, начиная съ 1649 г., образовали совершенно необозримую массу. Все это императору было хорошо извѣстно. Еще въ началѣ царствованія одна анонимная записка обратила его вниманіе на необходимость систематической кодификаціи законовъ, и онъ еще 5-го іюня 1801 г. учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ министра графа Завадовскаго, которой было поручено

подготовить эту кодификацію. Въ изданномъ съ этой цѣлью императорскомъ рескриптѣ опредѣленно говорится, что господствующія въ законахъ неясность и неопредѣленность парализуютъ ихъ силу и дѣлаютъ призрачными право и справедливость. Но эта комиссія проработала более четверти вѣка, не оставивши ни одного живого слѣда своей бумажной дѣятельности; столь же безплодными оказались и другія попытки ограничить всеобщую подкупность. Для всего царствованія Александра оставалось въ силѣ страшное слово историка Карамзина: «Если захотѣть выразить однимъ словомъ то, что дѣлается въ Россіи, то нужно сказать: воруютъ». Александръ высказалъ почти то же самое еще въ февралѣ 1796 г. въ письмѣ къ Лагарпу: «Всѣ грабятъ, не встрѣтишь честнаго человѣка, это ужасно» [1]). О такихъ лицахъ, какъ оба князя Зубовы, Пассекъ, князь Барятинскій, оба фельдмаршалы Салтыковы, графъ и князь, и «многіе другіе» изъ занимавшихъ высокій постъ при дворѣ императрицы Екатерины,— онъ отзывался вскорѣ затѣмъ, какъ о людяхъ, которыхъ онъ не желалъ бы имѣть даже въ качествѣ лакеевъ; онъ писалъ, что портитъ себѣ кровь, видя, путемъ какихъ низостей достигаются отличія, не имѣющія въ его глазахъ никакой цѣны; онъ-де всегда страдаетъ, когда приходится бывать при дворѣ и т. п. [2]). Но всѣ эти слова относятся къ тому времени, когда у него еще не было того богатаго опыта, какой дало ему въ этомъ именно направленіи царствованіе его отца. Для того, чтобы понять правительственныя дѣйствія Александра, необходимо поэтому всегда принимать въ расчетъ то сочетаніе теоретическаго либерализма съ практическимъ презрѣніемъ къ людямъ, которое онъ принесъ съ собою на престолъ, какъ результатъ своего жизненнаго опыта. Онъ желалъ, конечно, совершенно серьезно снять съ чести русскаго государства позднѣйшее пятно, но онъ чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ, когда оглядывался вокругъ себя и убѣждался, что тѣ именно люди, которыхъ ему приходилось дѣлать блюстителями права и справедливости, сами безсовѣстно преслѣдуютъ свои личныя выгоды. По этому поводу намъ достовѣрно извѣстны самые рѣзкіе отзывы императора, и можно считать установленнымъ, что онъ сталъ, въ концѣ концовъ, умышленно закрывать глаза, чтобы не быть вынужденнымъ къ

---

[1]) «Tout le monde pilla, on ne rencontre pas d'honnête homme, c'est affreux». Письмо къ Лагарпу черезъ вѣрную оказію отъ 21-го февраля 1796.

[2]) Письмо къ Кочубею, послу въ Константинополѣ, черезъ вѣрную оказію отъ 10-го мая 1796.

вмѣшательству, если приходилось опасаться замѣны плохого худшимъ [1]). Ни происхожденіе, ни воспитаніе не сообщали ему того честнаго возмущенія, которое, какъ у Фридриха Вильгельма I, переходитъ въ энергичное вмѣшательство. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ большимъ скептикомъ онъ дѣлался по отношенію къ людямъ и фаталистомъ—по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ своей страны. Онъ вмѣшивался только при случаѣ, и главная задача его приближенныхъ заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ него все непріятное, въ какой бы формѣ оно къ нему не приближалось.

Россіи начала XIX вѣка нуженъ былъ государь, который бы съ рѣшительной односторонностью посвятилъ бы свои силы внутреннимъ дѣламъ и сдѣлалъ ихъ главнымъ предметомъ и цѣлью своей работы; Александру же его природныя склонности сообщили одностороннее, но діаметрально противоположное направленіе. Когда прошло первое опьянѣніе, во время котораго онъ чувствовалъ потребность осчастливить свой народъ реформами, всѣ его интересы и все его честолюбіе обратилось къ внѣшней политикѣ, и послѣдняя завладѣла имъ до того, что она до конца оставалась для него главнымъ дѣломъ; поэтому и всѣ позднѣйшіе законодательные и организаціонные труды въ области внутреннихъ дѣлъ страны получаютъ правильное освѣщеніе, если ихъ поставить въ связь съ внѣшней политикой императора.

Если прослѣдить главнѣйшія перемѣны во внѣшней политикѣ Александра и ихъ вліяніе на собственную жизнь русскаго государства, то прежде всего бросается въ глаза, что событія, имѣвшія мѣсто до 1812 г., почти совсѣмъ затушеваны позднѣйшими, и за немногими исключеніями не оставили по себѣ стойкихъ слѣдовъ. Очень большое значеніе имѣлъ дружественный союзъ, заключенный въ Мемелѣ въ 1802 г. между Александромъ и прусскимъ королевскимъ домомъ; онъ больше, чѣмъ все остальное, давалъ тонъ европейской политикѣ въ первую половину нашего вѣка и даже позже. Но въ своей основѣ онъ покоился на странномъ сочетаніи личныхъ симпатій и одинаковыхъ склонностей съ политическимъ недоразумѣніемъ. Обѣ стороны мечтали о русско-прусскомъ союзѣ, но одна видѣла въ немъ гарантію своего нейтралитета, а другая—средство для достиженія военной

---

[1]) Ioseph de Maistre: Mémoires et correspondance. 18/30-го августа 1803. («Въ концѣ концовъ, вотъ результатъ: среди громадныхъ богатствъ всѣ разорены, никто не платитъ долговъ и нѣтъ вовсе справедливости»).

и политической славы. Насчетъ мнѣнія Фридриха Вильгельма не можетъ быть никакихъ сомнѣній, цѣли же Александра были для новаго друга окутаны туманомъ той самой «невской сантиментальности», которая окутывала самую сущность его натуры. Въ высшей степени замѣчательно, что въ это самое время въ разрѣзъ съ прусскими связями императора выступила на сцену идея возстановленія Польши, представителемъ которой явился князь Адамъ Чарторижскій. Одно время могло казаться, что Александръ сдѣлается, дѣйствительно, орудіемъ этой польской идеи и ради нея рѣшится на войну съ Пруссіей [1]). И если дѣло не дошло до этой войны, если, наоборотъ, Пруссія была приведена къ разрыву съ Наполеономъ и—въ союзѣ съ Россіей—къ позору Тильзитскаго мира, то въ этомъ и теперь еще приходится видѣть что-то роковое. Въ эту эпоху перегонявшихъ другъ друга контрастовъ особенно выдѣляется день Аустерлица, такъ какъ отъ него у Александра остались впечатлѣнія, которыхъ онъ никогда не могъ вполнѣ побороть. Онъ подвергалъ себя опасности съ большимъ безстрашіемъ, чѣмъ можно было оправдывать въ его положеніи, и поставилъ свою храбрость внѣ всякаго сомнѣнія [2]). Но что ему недоставало хладнокровія и глазомѣра полководца,—объ этомъ также не могло быть отнынѣ двухъ мнѣній. Онъ самъ это ощущалъ и чувствовалъ «побитой не столько армію, сколько себя самого» [3]). Онъ старался исправить этотъ недостатокъ тѣмъ, что сталъ усерднѣе прежняго заниматься военными упражненіями, и весь ушелъ въ мелочи строевой службы, которая казалась русскимъ невыносимой. Поэтому послѣ Аустерлица множество офицеровъ гвардіи вышло

---

[1]) Не соображенія дружбы побудили въ 1805 г. Александра отказаться отъ первоначальныхъ намѣреній противъ Пруссіи. Еще 5 лѣтъ спустя онъ сознавался, что у него былъ такой планъ. Ср. его разговоръ съ Чарторижскимъ 5-го апрѣля 1810 г. Въ рѣшающемъ мѣстѣ говорится: «Вы думали, конечно... о 1805 г.... о тогдашнемъ моемъ пребываніи въ Пулавахъ. Я и самъ теперь вижу, что то былъ подходящій, даже единственный моментъ; тогда легко можно было сдѣлать то, что теперь могло бы быть исполнено только съ большимъ трудомъ, но не надо забывать, что противъ насъ была бы *вся прусская армія*».

[2]) Де-Местръ: «Два или три раза бросался онъ въ ряды австрійцевъ и не упустилъ ничего, что могло бы ихъ (гвардейцевъ) воодушевить и соединить, но всѣ его усилія принесли ему только славу...»

[3]) Де-Местръ «Записки и переписка». Письмо къ Виктору Эммануилу I отъ декабря 1805 г.—19/31-го января 1806 г.: «Императоръ считаетъ себя безполезнымъ для своего народа, оттого что онъ не въ состояніи командовать арміей, и это его очень огорчаетъ...»

въ отставку, но это не заставило императора усумниться въ своей системѣ. За нее онъ держался до самой смерти,—даже вопреки опыту позднѣйшихъ лѣтъ.

Второе обстоятельство заключалось въ его антипатіи къ Австріи и особенно къ императору Францу. Она также не исчезла подъ вліяніемъ позднѣйшихъ обстоятельствъ, хотя внѣшній видъ этому, казалось, противорѣчилъ. Совсѣмъ иначе судилъ онъ о Пруссіи и ея королѣ. Нельзя поставить ему въ вину исходъ войны 1806—1807 гг., едва ли также все можно объяснить превосходствомъ генія Наполеона. Въ Пруссіи рушилась самоувѣренность системы, которая считалась совершенной и которая тѣмъ не менѣе во всѣхъ отношеніяхъ пережила самое себя; для Россіи же оказалось невозможнымъ избѣжать соглашенія съ Наполеономъ вслѣдствіе полнаго отсутствія финансовыхъ и нравственныхъ силъ, что пагубнымъ образомъ проявилось въ видѣ колоссальныхъ злоупотребленій во всѣхъ военныхъ поставкахъ. Александръ былъ вынужденъ въ 1808 году лишить всѣхъ чиновниковъ приза комиссаріата и интендантства (за исключеніемъ двухъ), права ношенія военнаго мундира; тѣмъ самымъ они были публично признаны ворами. Государственный кредитъ былъ истощенъ, и курсъ рубля въ нѣсколько мѣсяцевъ упалъ на 50% [1]), но важнѣе всего то, что императоръ не питалъ довѣрія къ своимъ генераламъ и кромѣ того находился подъ вліяніемъ партіи, руководимой великимъ княземъ Константиномъ и настаивавшей на скорѣйшемъ заключеніи мира. Согласился ли бы Петръ Великій или Екатерина II въ подобномъ положеніи на миръ,—сказать трудно; но образъ дѣйствія Александра согласовался съ внутренними требованіями его характера. Хотя съ іюня 1807 г. и начинается наполеоновскій періодъ его царствованія, тѣмъ не менѣе онъ ни на минуту не обрывалъ вполнѣ своей дружбы со смертельнымъ врагомъ французскаго императора, прусскимъ королемъ; наоборотъ, онъ берегъ ее и держалъ въ запасѣ, не упуская въ то же время тѣхъ выгодъ, которыя ему давалъ и обѣщалъ въ будущемъ союзъ съ Фран-

---

[1]) Въ 1774 г. бумажный и серебряный рубль стояли наравнѣ, въ 1795 г. 100 къ 86, въ 1809 г. 100 къ 50. Послѣднее указаніе не вполнѣ точно; еще 1-го января 1808 г. бумажный рубль стоилъ 50. Отъ этого паденія курса пострадали прежде всего капиталисты и состоявшіе на жалованіи чиновники, которые стали возмѣщать свои потери усиленными поборами.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей еще въ 1804 г. въ особой запискѣ указывалъ на угрожающій крахъ. «Эта статья», говоритъ де-Местръ,—«единственная въ своемъ родѣ. Въ ней все раскрыто».

цiей. Однако, этотъ французскiй перiодъ его царствованiя былъ въ Россiи крайне непопуляренъ. Офранцузившееся русское дворянство, главнымъ образомъ, и отвернулось тогда въ душѣ отъ него, а религiозный характеръ, который Александръ старался придать въ 1806 г. войнѣ съ французами, послужилъ въ рукахъ недовольныхъ оружiемъ противъ самого царя. Ему ставили въ виду союзъ съ человѣкомъ, котораго онъ самъ велѣлъ во всѣхъ церквахъ провозгласить антихристомъ; напоминали о томъ, что Тильзитскiй миръ былъ подписанъ въ годовщину Полтавской битвы; и всѣ были недовольны общимъ упадкомъ благосостоянiя, — слѣдствiемъ вынужденнаго разрыва съ богатой торговой Англiей. Прiобрѣтенiе Финляндiи ничуть не считалось эквивалентомъ, равносильнымъ жертвамъ Россiи и усиленiю Францiи, но больше всего русскихъ патрiотовъ возмутило основанiе государства Варшавскаго. Хотя они и не знали, что удержанiе польскаго герцогства подъ управленiемъ саксонскаго короля было дѣломъ рукъ Александра, который хотѣлъ этимъ путемъ отклонить болѣе опасныя комбинацiи и удержать на будущее время русскiе виды на Польшу, однако, они все-таки упрекали его въ томъ, что онъ уступилъ давленiю Наполеона и согласился признать этотъ новый порядокъ вещей. Ни предусмотрительная осторожность царя, не упускавшаго изъ виду русскихъ выгодъ, ни принудительность положенiя, въ которомъ онъ находился, не были правильно поняты его современниками. Было бы лучше,—говорилъ тогда одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ патрiотовъ [1]), обнаруживая полное непониманiе общаго политическаго положенiя,—если бы Россiя согласилась на присоединенiе Швецiи или даже Берлина, чѣмъ признать герцогство Варшавское. Въ одномъ письмѣ, которое было доставлено Александру и которое циркулировало въ копiяхъ по Петербургу и, какъ теперь установлено, было сочинено анонимомъ 25-го августа 1807 г. [2]), настроенiе страны было охарактеризовано слѣдующимъ образомъ.

Оно начинается указанiемъ на ликованiе, съ какимъ было встрѣчено начало царствованiя императора, и одобряетъ первыя реформы, которыя, однако, были выполнены плохо или остались вовсе невыполненными. Теперь же, говорится тамъ, Россiя на-

---

[1]) Карамзинъ въ запискѣ о старой и новой Россiи.

[2]) Оригиналъ былъ написанъ по-французски; въ Петербургѣ были распространены выдержки на русскомъ языкѣ съ позднѣйшими добавленiями и измѣненiями, которыя соотвѣтствовали политическому положенiю даннаго момента.

ходится въ самомъ критическомъ положеніи; высокомѣріе, невѣжество, коварство и всеобщее поврежденіе нравовъ толкнули ее въ пропасть, и нужна высокая мудрость, величайшая осторожность и соединенныя силы всѣхъ, кто любитъ отечество, для того, чтобы спасти ее отъ гибели. Всѣ они скорѣе отдали бы послѣднюю каплю крови, чѣмъ подписали бы позорный Тильзитскій миръ, и по всеобщему возмущенію этимъ позоромъ царь можетъ судить, чего онъ могъ бы ждать отъ своего народа, если бы рѣшилъ вернуться на славный путь своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе государства ужасно. Со стороны Грузіи и Астрахани грозно надвигается чума, всѣ кочевыя племена до самой китайской границы находятся въ возстаніи. Внутренняя и иностранная торговля стала, среди уральскихъ казаковъ и рабочихъ на пермскихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ бунтъ, въ нѣмецкихъ губерніяхъ крестьяне ждутъ только сигнала для возстанія. Въ столицахъ царитъ дороговизна, окраинныя губерніи голодаютъ и страдаютъ отъ недостатка работниковъ вслѣдствіе рекрутскихъ наборовъ и мобилизацій запасныхъ. Подати и налоги разорили всѣ классы общества, и если несмотря на общее отчаяніе все-таки сохраняется спокойствіе, то это объясняется только совершенно исключительнымъ долготерпѣніемъ русскаго народа.

Двѣ войны истощили финансы; не принесли никакой пользы и только способствовали увеличенію числа ассигнацій и окончательному разоренію крестьянъ. Къ тому же со стороны ненасытныхъ чиновниковъ продолжается система притѣсненій, и кажется даже, будто само правительство ихъ въ этомъ поддерживаетъ. Армія потеряла сознаніе своего достоинства, у нея нѣтъ довѣрія къ своимъ нѣмецкимъ начальникамъ; она плохо питается и плохо вооружена. Запасные, мобилизованные для войны, идутъ на укомплектованіе арміи вопреки торжественному обѣщанію монарха [1]). Можетъ ли народъ довѣрять государю, который его такъ обманулъ? Съ флотомъ дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ съ арміей. Онъ не рѣшается показаться въ тѣхъ водахъ, гдѣ раньше господствовалъ. Въ департаментѣ иностранныхъ

---

1) Въ 1886 было мобилизовано 612.000 чел. запасныхъ; послѣ битвы при Пултускѣ число ихъ было уменьшено до 252.000, но и это составляло тяжелое бремя для страны. Въ сентябрѣ 1807 г. былъ объявленъ роспускъ запасныхъ, но помѣщикамъ, городскимъ и сельскимъ общинамъ было предоставлено право оставить запасныхъ на службѣ взамѣнъ рекрутскаго набора, и такъ именно и дѣлалось, потому что это было удобнѣе для господъ.

дѣлъ миръ подписали иностранцы, и отечество можетъ утѣшаться хоть тѣмъ, что вѣчный позоръ этого мира не легъ ни на одно русское имя. Новый же союзникъ царя знаетъ не только всѣ тайны русскаго кабинета, но и держитъ шпіоновъ во всѣхъ губерніяхъ государства и готовитъ изолированной Россіи уничтожающую войну (которая отложена только вслѣдствіе испанскаго возстанія) [1]. Тѣмъ временемъ Россія ведетъ безславную войну съ Турціей, а персидская война тянется безо всякаго успѣха; въ то же время грозно поднимается Англія и Швеція. А Наполеонъ все усиливаетъ свое могущество, готовый каждую минуту ринуться на ослабленную Россію.

Таково положеніе вещей. Почти достигнута вершина бѣдствій, но еще во власти императора помочь странѣ. Пусть онъ, подобно своимъ предшественникамъ Петру и Екатеринѣ II, взглянетъ съ полнымъ довѣріемъ на свой народъ и прогонитъ кучку иностранцевъ, питающихся кровью, которая струится изъ ранъ Россіи.

Все письмо заканчивается пламеннымъ обращеніемъ къ царю:

«Государь! Отъ истинныхъ русскихъ Вы можете ожидать всего. Воспряньте ихъ духомъ, будьте сильны ихъ силой, смѣлы ихъ мужествомъ. Гордитесь ихъ гордостью, и благодарное потомство причислитъ Васъ къ великимъ государямъ, которые царствовали на славу отечества.

Положитесь прежде всего на дворянство, этотъ истинный оплотъ престола, которое всегда считало своей привилегіей проливать свою кровь за отечество... Тогда каждый гражданинъ вмѣнитъ себѣ въ священный долгъ работать всѣми силами для общаго блага; тогда прекратятся всѣ позорныя распри, и правительство найдетъ во всѣхъ слояхъ народа энергію, солидарность и то счастливое согласіе, безъ котораго даже величайшіе геніи не могутъ ничего осуществить для всеобщаго блага».

Легко понять, почему страстный тонъ этого письма не произвелъ на императора желательнаго впечатлѣнія. Во-первыхъ, онъ могъ лучше всего другого замѣтить риторическія преувеличенія. Со стороны чумы, въ дѣйствительности, не грозило никакой опасности, волненія сибирскихъ кочевниковъ вообще не были политическимъ факторомъ, а мнимое возстаніе на Дону и ожидавшійся бунтъ крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ были смѣшными фантазіями; съ персидской же войной онъ разсчитывалъ вскорѣ управиться, а война съ Турціей составляла часть

---

[1] Позднѣйшая приписка 1809 и 1810 гг.

Императоръ Александръ I. Работы Боровиковскаго.
Снято у Е. В. В. К. Сергѣя Александровича. Печатается въ первый разъ.

тильзитской програмы, значеніе которой легко могло остаться неяснымъ для непосвященныхъ. Къ тому же русское дворянство, вѣрность и патріотизмъ котораго выставляли предъ нимъ, какъ якорь спасенія, являлось ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Онъ его мало уважалъ,—въ лучшемъ случаѣ, лишь теоретически, да иначе оно и быть не могло,—и не безъ основанія считалъ его виновникомъ тѣхъ бѣдъ, за которыя авторъ этого письма, казалось, хотѣлъ сдѣлать отвѣтственнымъ его самого. Кромѣ того, тильзитская политика была дѣломъ его собственныхъ рукъ, а тѣ самые голоса, которые теперь твердили объ измѣнѣ, передъ перемиріемъ энергичнѣе другихъ требовали прекращенія военныхъ дѣйствій и заключенія мира во что бы то ни стало. Наоборотъ, за продолженіе войны выступалъ «иностранецъ» баронъ Будбергъ. Такимъ образомъ, императоръ имѣлъ право считать, что эти нападки крайне несправедливы. Но за то онъ не забывалъ тона этого посланія,—свободнаго и даже угрожающаго, несмотря на всѣ увѣренія въ лойяльности; а оппозиція, которую его политика встрѣчала теперь на каждомъ шагу, привела къ тому, что онъ сталъ еще болѣе недовѣрчивъ и недоступенъ [1]). Въ этомъ отношеніи годы между Тильзитомъ и Калишемъ имѣли для него рѣшающее значеніе. Онъ никогда не могъ примириться съ полученными тогда впечатлѣніями; съ этихъ поръ онъ старался наружно внушать къ себѣ довѣріе путемъ кажущейся откровенности и какъ бы полной довѣрчивости, на самомъ же дѣлѣ обнаруживалъ такое двуличіе и упорную скрытность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, какъ рѣдко кто другой [2]). Въ искусствѣ самообладанія онъ достигъ совершенства, и если хотѣлъ что-либо скрыть, то оставался даже для наиболѣе близкихъ ему людей неисповѣдимъ, неразгаданъ и непонятъ.

Въ центрѣ оппозиціи союзу съ Франціей стояла его мать, императрица Марія Ѳеодоровна. Иностранные послы при рус-

---

[1]) Въ 1807 г. чиновникъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, П. Г. Дивовъ составилъ еще болѣе рѣзкую по содержанію записку. Она носитъ заглавіе: «Разсказъ о царствованіи императора Александра I, написанный для него одного». Была ли она, дѣйствительно, представлена Александру,—не установлено.

[2]) Впрочемъ, де-Местръ писалъ еще въ 1806 г.: «Если есть на свѣтѣ ревнивый и недовѣрчивый въ отношеніи политики дворъ, то это—дворъ россійскій. Онъ освѣщаетъ всѣ наши шаги, вскрываетъ всѣ наши письма, устраняетъ насъ отъ себя съ замѣтнымъ нерасположеніемъ; если кто-нибудь изъ чиновниковъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ выразитъ желаніе васъ посѣтить, что долженъ считать себя безвозвратно погибшимъ»...

скомъ дворѣ, повидимому, переоцѣнивали ея вліяніе, такъ какъ предполагали, что за сплетнями и демонстраціями петербургскаго общества стоитъ рѣшимость и воля, которыхъ, въ дѣйствительности, не было; но понятно, что они тревожились, когда въ недовольныхъ кругахъ говорилось о необходимости перемѣнить правленіе, а именно устранить сыновей Павла и возвести на престолъ великую княжну Екатерину Павловну [1]). Это воскресли живыя воспоминанія о счастливыхъ дняхъ женскаго правленія. Объ обѣихъ императрицахъ, Маріи и Елизаветѣ, никто и не думалъ; послѣдняя была бы совершенно глуха къ подобнымъ планамъ. О Маріи Ѳеодоровнѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя это сказать съ такою же опредѣленностью. Ея дворъ въ Павловскѣ былъ центромъ оппозиціи, и это отзывалось на сторонникахъ и представителяхъ французской политики императора. Но къ сильной иниціативѣ она никогда не была способна ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Она боролась булавочными уколами, которые могли быть непріятны, но не опасны, и радовалась тому, что внѣшнимъ блескомъ затмевала дворъ императора, который тяготился всякимъ этикетомъ [2]); въ концѣ концовъ, она удовлетворилась тѣмъ, что императоръ предоставилъ ей воспитаніе дочерей и обоихъ младшихъ великихъ князей, Николая и Михаила, и не вмѣшивался въ ея отдѣльную область: въ руководство оффиціальными благотворительными учрежденіями. Въ сущности, она была вполнѣ счастлива, когда проѣзжала по улицамъ Петербурга въ своей парадной каретѣ, запряженной шестеркой лошадей (Александръ и Елизавета довольствовались обыкновенно парной запряжкой), или когда ѣздила верхомъ, по своему обыкновенію, въ мужскомъ костюмѣ, или же когда устраивала у себя торжественные пріемы, на которыхъ обнаруживался весь

---

[1]) Депеша Стединга отъ 28-го сентября—10-го октября 1807 г. Заговору недостаетъ будто бы только главы. Каппингъ также сообщалъ Алонеусу въ декабрѣ 1807 г., что ему изъ частныхъ писемъ извѣстно, будто въ Петербургѣ составились заговоры, направленные противъ правительства, и со дня-на-день ожидается взрывъ. Въ этомъ сказывалось излишнее довѣріе къ сплетнямъ, распространявшимся по петербургскимъ салонамъ съ величайшей беззастѣнчивостью. Нельзя было и думать, чтобы великая княжна Екатерина согласилась быть орудіемъ или даже главой мнимаго заговора. Но Александръ, несомнѣнно, зналъ объ этихъ слухахъ и слѣдилъ за ними съ крайнимъ недовѣріемъ.

[2]) Императоръ Павелъ при вступленіи на престолъ постановилъ, чтобы императрица послѣ его смерти считалась старше царствующей императрицы, получала содержаніе отъ двора и 1 милліонъ рублей въ годъ. Императрица Елизавета получала только 600.000 рублей въ годъ.

блескъ строжайшаго этикета. Для императрицы Елизаветы она всегда была недоброй свекровью; она никогда не могла забыть, что $^{11}/_{23}$-го марта Елизавета была свидѣтельницей ея безплодныхъ попытокъ захватить окровавленную корону Павла, и злоупотребляла первенствомъ, которое ея сынъ за ней признавалъ, умышленно унижая и огорчая его супругу. Пресловутое согласіе въ царской семьѣ было не болѣе, какъ обманчивымъ призракомъ. Елизавета въ 1807 г., какъ и до самаго конца своей жизни, твердо стояла за политику Александра, несмотря на пренебреженіе, на которое она имѣла полное право жаловаться. Но въ интимныхъ письмахъ къ матери она давала исходъ своей стѣсненной душѣ.

«Императрица, писала она 29-го августа 1807 г.,—которая, какъ мать, должна была бы поддерживать и защищать интересы сына, дошла въ своей непослѣдовательности и тщеславіи до того, что стала какъ бы главою недовольныхъ. Всѣ недовольные (а ихъ очень много) собираются вокругъ нея и превозносятъ ее до облаковъ. У нея никогда не бывало въ Павловскѣ такого большого общества, какъ въ нынѣшнемъ году. Не могу сказать, до какой степени меня это возмущаетъ». Донесенія Савари и Коленкура вполнѣ подтверждаютъ жалобы Елизаветы. Но они свидѣтельствуютъ также о томъ, что императрица не имѣла никакого вліянія на политику и поэтому можетъ быть игнорируема.

Живое и вполнѣ правдоподобное описаніе пребыванія прусской королевской четы въ Петербургѣ (въ декабрѣ 1808 г. и январѣ 1809 г.), сохранившееся въ запискахъ королевы Луизы, изображаетъ картину разыграннаго ad hoc образцоваго семейнаго счастья,—картину, созданную для иностранныхъ гостей и нисколько не отвѣчающую печальной дѣйствительности. Здѣсь необходимо коснуться нѣсколько ближе этихъ вещей, такъ какъ они характеризуютъ фамильный духъ и плохо согласуются съ атмосферой добродѣтели, какой старался окружить себя петербургскій дворъ.

Александръ еще при жизни императрицы Екатерины пересталъ интересоваться своей супругой (вопреки противоположнымъ увѣреніямъ въ его перепискѣ съ Лагарпомъ) и послѣ ряда мимолетныхъ связей [1]) вступилъ въ длительную связь съ женою

[1]) Съ актрисой Филлисъ, г-жей Шевалье, дѣвицей Жоржъ; относительно послѣдней см. у де-Местра (1808 г. апрѣль): „Друзья императрицы пытались излѣчить Александра отъ привязанности къ принцессѣ съ помощью дѣвицы Жоржъ“ и дальнѣйшія подробности.

будущаго гофмаршала, Маріей Антоновной Нарышкиной, урожд. княжной Четвертинской; за ея сестрой ухаживалъ великій князь Константинъ Павловичъ, разведенный въ 1801 г. со своей кобургской супругой [1]), и навѣрно женился бы на ней, если бы этому рѣшительно не воспротивились Марія Ѳеодоровна и Александръ. Въ то время, когда прусская королевская чета пріѣзжала въ Петербургъ, Александръ былъ больше, чѣмъ когда-либо, въ сѣтяхъ г-жи Нарышкиной; она даже сопровождала его въ поѣздкѣ въ Эрфуртъ, а Марія Ѳеодоровна была довольна тѣмъ, что онъ держался вдали отъ своей супруги. Эта связь упрочилась еще больше, послѣ того, какъ въ іюлѣ 1810 г. умерла дочь Александра отъ Нарышкиной, Зинаида, и лишь въ 1812 г., благодаря вынужденной изъ-за войны разлукѣ [2]), временно прекратились эти нечистыя отношенія; впрочемъ, по возвращеніи Александра они возобновились снова и вообще никогда вполнѣ не прекращались, хотя мистическій періодъ императора и придалъ имъ другой характеръ. Замѣчательно, что Нарышкина чувствовала за собою достаточно силы, чтобы въ 1807 г. выступать противъ, а въ 1812 г. за французовъ,—это показываетъ, какъ сильно императоръ былъ къ ней привязанъ.

Итакъ, мы находимъ въ царской семьѣ не согласіе, а только кажущееся единодушіе; въ сущности, всѣ они были одиноки; ихъ связывали другъ съ другомъ только внѣшнія формы этикета, которыя то соединяли, то снова разлучали ихъ, да еще то совершенство, съ какимъ всѣ участники разыгрывали свои роли.

---

[1]) Письмо Гедувиля къ Талейрану, январь 1804 г. «Великій князь, вѣрный своей любви къ княжнѣ Четвертинской, принималъ участіе въ судьбѣ сестры княжны, г-жи Нарышкиной; онъ продолжаетъ проводить почти всѣ вечера съ княжной у г-жи Нарышкиной и вступилъ бы сь нею во вторичный бракъ, если бы этому не противилась вдовствующая императрица и императоръ. Константинъ сдѣлалъ княжнѣ предложеніе въ 1803 г».

[2]) Эрнстъ Морицъ Арндръ, «Странствія и переживанія съ ф.-Штейномъ»: у Александра была на ряду съ нею (царицей) открытая любовница, жена обергофмаршала княжна—Нарышкина. Въ обществѣ сплетничали и о царскихъ побочныхъ дѣтяхъ; лейбъ-медики распространяли противоположныя сплетни: «царь-де воображаетъ о себѣ, какъ и во многомъ другомъ, больше, чѣмъ можетъ»...

Де-Местръ: «Принцесса Амалія (Баденская) говорила одной моей знакомой, что сестра ея можетъ быть счастлива только въ могилѣ». Коленкуръ писалъ 17-го января 1811 г.: «Г-жа Н. болѣе, чѣмъ когда-либо,—предметъ мечтаній; императоръ проводитъ у нея ежедневно, по крайней мѣрѣ, часъ; однимъ словомъ, обращеніе съ нею лучше, чѣмъ когда-либо. Возвращеніе изъ Москвы князя Гагарина, котораго считаютъ ея любовникомъ, ничего не измѣнило».

Изъ этого по отношенію къ политической дѣятельности императора слѣдуетъ, что о вліяніи «семьи» на него не можетъ быть и рѣчи; мать, супруга, братья и сестра старательно заботились о томъ, чтобы избѣжать малѣйшаго столкновенія, которое могло бы вывести наружу скрытыя, но всѣмъ участникамъ хорошо извѣстныя противорѣчія. Между Александромъ и императрицей Елизаветой лежала къ тому же тайна, которая восходила къ первымъ годамъ ихъ брака и, вѣроятно, никогда не будетъ вполнѣ раскрыта, но которая давила обѣ стороны сознаніемъ какой-то вины.

Такимъ образомъ, на французскій періодъ царствованія Александра нужно смотрѣть, какъ на эпоху, за которую онъ одинъ несъ и желалъ нести отвѣтственность; ему одному и была вполнѣ извѣстна ея тайна. Ни изъ чего не видно, чтобы онъ когда-либо вѣрилъ въ продолжительностъ союза съ Франціей. Но онъ думалъ, что личное положеніе Наполеона долго будетъ оставаться непоколебимымъ, и считалъ нужнымъ извлечь для себя пользу изъ временныхъ обстоятельствъ. Надежда на то, что ему удастся удержать интересы Россіи и его собственное громадное честолюбіе въ равновѣсіи съ могуществомъ Франціи и честолюбіемъ Наполеона, не пережила кризиса Эрфуртскаго конгресса [1]); окончательно же иллюзіи Александра разсѣялись лишь съ вторичнымъ крушеніемъ Австріи и связанной съ нимъ польской политикой Наполеона, а также съ его женитьбой на Маріи-Луизѣ. Съ этихъ поръ Александръ сталъ готовиться къ рѣшительной борьбѣ; онъ ее предвидѣлъ, но хотѣлъ по возможности отсрочить.

Въ Наполеонѣ Александра поражалъ не только великій полководецъ, но и великій организаторъ, умный и беззастѣнчивый деспотъ, сумѣвшій укротить опьяненный свободой французскій народъ и удовлетворить его фиктивными свободами. Ему казалась образцовой и организація политической полиціи французскаго императора. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ онъ расчитывалъ у него поучиться и извлечь для себя пользу. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ, какъ и раньше, выдвигалъ впередъ свой либе-

---

[1]) «Никто не рѣшается произнести имя «Тильзитъ». Когда же англійскій посолъ недавно говорилъ о немъ оффиціально, то императоръ велѣлъ ему отвѣтить, что «онъ ставитъ себѣ въ упрекъ только двѣ слабости заключеніе Тильзитскаго мира и поѣздку въ Эрфуртъ, но думалъ, что не получитъ за это упрека со стороны своихъ союзниковъ, такъ какъ, служа общему дѣлу, онъ и ради нихъ *пожертвовалъ* собою». Dresden St. Arch. Missions de St.-Pétersbourg, $^{12}/_{24}$—$_{20}$ іюля 1817.

рализмъ и теорію всеобщаго благоденствія, а подъ рукою старался присмотрѣться къ техникѣ его абсолютизма. Онъ сразу замѣтилъ громадное преимущество французскаго абсолютизма передъ исконнымъ русскимъ самодержавіемъ: это былъ контрастъ между порядкомъ и хаотическимъ безпорядкомъ, системой и произволомъ, и Александръ отлично понялъ всѣ преимущества порядка и концентрированной правительственной машины Наполеона, работающей цѣлесообразно до послѣдняго колеса и стягивающей всѣ силы государства.

Повидимому, Александръ долго колебался, какой путь ему избрать, чтобы выставить противъ мудрой правительственной машины Наполеона что-нибудь равноцѣнное. Оппозиція, выступавшая со всѣхъ сторонъ противъ его новой системы, дѣйствовала прежде всего парализующимъ образомъ. Интимные и близкіе друзья, съ помощью которыхъ онъ правилъ, казалось, начали отъ него отходить; а такъ какъ путемъ олигархіи фаворитовъ и генераловъ дѣло, повидимому, дальше уже не могло идти, то онъ и рѣшился возможно больше сконцентрировать силу и назначилъ 13/25-го января 1808 г. любимца Павла, недоброй памяти, графа Аракчеева военнымъ министромъ, а 19/31-го октября того же года Сперанскаго статсъ-секретаремъ.

Первое изъ этихъ назначеній явилось совершенно неожиданнымъ [1]), несмотря на знаки милости, какими еще Александръ до тѣхъ поръ дарилъ графа. Во время войны 1807 г. императоръ былъ доволенъ только организованной Аракчеевымъ артиллеріей. Въ воздаяніе его заслугъ онъ еще 27-го іюня / 9-го іюля 1807 г. произвелъ его въ генералы отъ артиллеріи. Къ концу года онъ далъ ему право отдавать приказы, равные по силѣ царскимъ указамъ; осенью 1809 г. по всѣмъ войскамъ былъ отданъ приказъ воздавать ему царскія почести даже въ присутствіи самого императора,—отличіе, котораго не удостаивался даже великій князь Константинъ. Если не считать личныхъ отношеній, восходившихъ по временамъ императрицы Екатерины, и убѣжденіе въ безусловной преданности этого человѣка, то къ такимъ необычайнымъ милостямъ могли побудить Александра двоякаго рода соображенія. Во-первыхъ, ему нуженъ былъ желѣзный кулакъ, для того, чтобы возстановить въ арміи дисциплину и порядокъ, а во-вторыхъ, онъ прекрасно зналъ, какой ненавистью

[1]) Де-Местръ, январь 1808: «Вдругъ точно изъ-подъ земли, безъ всякихъ предвѣстниковъ, вышелъ генералъ Аракчеевъ».

пользовался Аракчеевъ [1]). Умнѣйшая голова среди наблюдателей петербургскихъ дѣлъ того времени, сардинскій агентъ графъ де-Местръ думаетъ, что Александру хотѣлось имѣть подлѣ себя страшилище съ огромной силой («un épouvantail de première force»), и это, конечно, вѣрно. Тогда императора еще не боялись; кромѣ того, Александру было важно переложить свою собственную непопулярность на Аракчеева, который принялъ на себя это бремя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Императоръ нуждался въ немъ особенно еще потому, что разсчитывалъ соединить неумолимый абсолютизмъ, знаменуемый назначеніемъ Аракчеева, съ тѣмъ фиктивнымъ конституціонализмомъ, который Наполеонъ воздвигъ на развалинахъ французской республики и съ помощью котораго онъ подчинилъ себѣ всѣ силы западной и южной Европы.

Итакъ, онъ взялъ съ собою въ Эрфуртъ самаго способнаго изъ своихъ чиновниковъ, тайнаго совѣтника Михаила Михаиловича Сперанскаго и поставилъ его въ прямыя сношенія съ Наполеономъ, который не преминулъ обсудить съ нимъ въ подробныхъ бесѣдахъ различные вопросы управленія [2]). Результатомъ этихъ разговоровъ явился цѣлый рядъ выдающихся проектовъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ упомянутый выше проектъ конституціи для Россіи. Хотя онъ никогда и не былъ осуществленъ, тѣмъ не менѣе выраженныя въ немъ намѣренія пріобрѣли величайшее значеніе, во-первыхъ, потому, что оставались любимой мечтою Александра, а затѣмъ и потому, что ихъ существованіе не осталось тайной, такъ какъ самъ Александръ не разъ ихъ высказывалъ. Та форма, въ какой имъ была дана финляндская конституція, послужила для общества первымъ указаніемъ, а въ устройствѣ польскихъ дѣлъ, которыя тогда все еще были центромъ интересовъ Александра, конституціонныя доктрины играли весьма существенную роль. Александръ до конца жизни считалъ, что эти планы реформъ въ принципѣ должны быть полезны; если же онъ ихъ не приводилъ въ исполненіе, то обвинялъ въ этомъ не себя, а возлагалъ вину на неблагопріятныя условія времени и на незрѣлость народа, повелителемъ котораго его поставило провидѣніе.

---

[1]) «Противъ Аракчеева только императрицы, графъ Ливенъ, генералъ Уваровъ, Толстые, словомъ, всѣ, кто къ нимъ примыкаетъ. Онъ сокрушаетъ всѣхъ». Де-Местръ.

[2]) Наполеонъ говорилъ, что онъ—«единственная свѣжая голова въ Россіи», и этимъ мѣтко опредѣлилъ выдающійся умъ, отличавшій Сперанскаго отъ остальныхъ русскихъ сановниковъ.

Въ это время была осуществлена организація Государственнаго Совѣта (1-го января 1810 г.); манифестъ, которымъ возвѣщалось это событіе, казалось, намекалъ на то, что это—только первый шагъ по пути къ рѣшительному конституціонализму, а Сперанскій, несомнѣнно, работалъ въ этомъ направленіи.

Вліяніе Сперанскаго усилилось еще оттого, что въ это время Александръ уже не былъ такъ близокъ, какъ раньше, со своими прежними друзьями и любимцами: Кочубей, Куракинъ, Новосильцевъ, Строгановъ не были болѣе посвящены въ его мысли, какъ во времена «неоффиціальнаго комитета»; Чарторижскій стоялъ въ сторонѣ и былъ готовъ перейти во французскій лагерь, если бы тамъ открывались для будущности Польши лучшіе виды, а канцлеръ Румянцевъ былъ фигурантомъ и служилъ простодушнымъ орудіемъ оффиціальной политики императора, который велъ свою тайную политику безъ его участія. Въ Сперанскомъ же императоръ нашелъ человѣка, который, подобно Аракчееву, не имѣлъ связей съ знатными родами страны, который благодаря своему прилежанію и дарованіямъ выдвинулся изъ ничтожества и собственными силами добрался до первыхъ рядовъ русской бюрократіи, который зналъ Россію, жилъ въ то же время идеалами новыхъ французскихъ государственныхъ теорій и—что̀ для Александра всегда было обстоятельствомъ величайшей важности,—казалось, зависѣлъ исключительно отъ императора [1]).

Такимъ образомъ, въ 1809—1812 гг. Сперанскій занялъ единственное въ своемъ родѣ положеніе въ Россіи, подобное тому, какое тогда занималъ и еще въ большой степени занялъ послѣ великой войны Аракчеевъ; но только положеніе послѣдняго было прочнѣе уже по одному тому, что Александръ сознавалъ свое умственное превосходство надъ Аракчеевымъ, тогда какъ онъ не могъ скрывать отъ себя, что уступаетъ Сперанскому, какъ въ познаніяхъ, такъ и въ строгой логичности ума. Однако, необычайная ловкость помогала этому человѣку обходить этотъ камень преткновенія. Такія отношенія привели постепенно къ тому, что Сперанскій, въ качествѣ работающаго съ императоромъ статсъ-секретаря, фактически занялъ мѣсто перваго,—лучше сказать, единственнаго министра, такъ какъ всѣ дѣла направлялись къ царю черезъ него и обыкновенно тотчасъ же рѣшались между ними обоими. Насколько извѣстно, Сперанскій никогда не

[1]) Киселевъ также указываетъ въ своихъ запискахъ на эту особенность Александра. Когда К. былъ на аудіенціи у государя въ апрѣлѣ 1816 г., тотъ ему сказалъ: «Не забудь, что я тебѣ сказалъ въ Парижѣ: у тебя нѣтъ другой протекціи, кромѣ меня».

злоупотреблялъ своимъ огромнымъ вліяніемъ въ личныхъ выгодахъ или ради неблаговидныхъ цѣлей; это былъ безусловно честный человѣкъ, но онъ не могъ долго удержаться около Александра (что было въ порядкѣ вещей), такъ какъ для него всего важнѣе были идеальныя цѣли, и въ этомъ смыслѣ онъ смотрѣлъ и на царя, какъ на свое орудіе.

Аракчеевъ, ревниво слѣдившій за возраставшимъ значеніемъ Сперанскаго, думалъ въ концѣ 1809 г. даже выйти въ отставку, когда Александръ по совѣщаніи со Сперанскимъ помимо него учредилъ Государственный Совѣтъ; но императоръ убѣдилъ его остаться въ должности. Онъ держалъ его про запасъ, какъ бы предвидя, что ему будетъ полезна слѣпая преданность этого человѣка, когда другой надоѣстъ или сдѣлается могущественнымъ. Недовѣріе царя было всегда направлено больше на способныхъ, чѣмъ на неспособныхъ слугъ.

При изученіи стойкихъ слѣдовъ, оставленныхъ царствованіемъ Александра I, нельзя обойти молчаніемъ исторію опалы Сперанскаго, такъ какъ она во многихъ отношеніяхъ обозначаетъ поворотъ къ новымъ принципамъ и новой системѣ правленія; съ другой стороны, мы встрѣчаемъ Сперанскаго снова при Николаѣ I за разработкой остатковъ реформенныхъ идей, переживших его паденіе.

Въ наибольшей милости у императора Сперанскій былъ въ теченіе 1810 и первой половины 1811. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, которыя уже тогда знали, что рано или поздно произойдетъ съ Наполеономъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и посредничество, возложенное на него при отправкѣ въ Парижъ графа Нессельроде весною 1810 г. Нессельроде было поручено, помимо русскаго посла въ Парижѣ, графа Куракина, и безъ вѣдома канцлера, графа Растопчина, поставить императора въ прямыя сношенія съ Талейраномъ и черезъ него вывѣдать истинныя намѣренія Наполеона [1].

[1]) Румянцевъ началъ свою карьеру при дворѣ великаго князя Павла Петровича, потомъ былъ посланникомъ при рейнскихъ дворахъ и въ этой должности принималъ участіе въ интригахъ, которыя имѣли цѣлью обмѣнъ Баваріи на австрійскія Нидерланды и повели къ учрежденію союза государей. Онъ пользовался особой милостью Маріи Θеодоровны и былъ ей обязанъ своей дальнѣйшей карьерой. Въ глазахъ Александра это было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы не оказывать ему полнаго довѣрія. Насколько крѣпко Румянцевъ до самаго конца держался за идею союза съ Франціей, видно изъ того, что въ апрѣлѣ 1812 г. онъ отказался контрасигнировать отвѣтъ Александра Наполеону; когда же французскія войска перешли русскую границу онъ былъ настолько пораженъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ.

Нессельроде адресовалъ свои письма на имя Сперанскаго, который передавалъ ихъ императору, и послѣдній все больше и больше укрѣплялся въ убѣжденіи, что на тильзитскаго друга приходится смотрѣть скорѣе, какъ на врага. То обстоятельство, что ничего не подозрѣвавшій канцлеръ Румянцевъ велъ въ это же время оффиціально прежнюю политику союза съ Франціей, характеризуетъ отношеніе Александра къ его высшимъ сановникамъ и показываетъ, какъ существенно отличается тайная исторія этой критической эпохи отъ исторіи оффиціальной.

Однако, въ образѣ дѣйствій Сперанскаго было одно слабое мѣсто, изъ-за котораго этотъ человѣкъ, отличавшійся вообще трезвымъ и яснымъ умомъ, сталъ въ противорѣчіе съ царемъ. Сперанскій былъ франкмасонъ и возымѣлъ странную мысль воспользоваться организаціей ложъ для близкой его сердцу реформы русскаго духовенства. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы основать масонскую ложу, которая имѣла бы филіальныя ложи по всему русскому государству и принимала бы въ братья наиболѣе способныхъ духовныхъ лицъ. Онъ разсчитывалъ поднять черезъ нихъ нравственный уровень всего русскаго духовенства и сдѣлать его такимъ образомъ полезнымъ членомъ государственнаго организма. Онъ добился, дѣйствительно, того, что императоръ черезъ завѣдующаго полиціей приказалъ закрыть временно всѣ ложи, но не добился принятія новаго ритуала ложъ, выработаннаго имъ совмѣстно съ нѣсколькими друзьями (Пессаровіусомъ, Феслеромъ и Гауеншильдомъ). Тѣмъ не менѣе, въ надеждѣ на послѣдующее утвержденіе онъ открылъ въ іюнѣ 1810 г. первую великую ложу. Императоръ, правда, прямо не отказалъ ему въ утвержденіи, но уклонялся отъ рѣшенія и Сперанскій замѣтилъ, что «дѣло тутъ нечисто». Недовѣріе Александра еще не было направлено противъ самого Сперанскаго, но оно коснулось части его братьевъ по ложѣ; нельзя также отрицать и того, что все учрежденіе внушало ему сомнѣнія. Съ марта 1801 г. онъ чувствовалъ невольный страхъ передъ всякой тайной организаціей; хотя ему были извѣстны статуты и имена масоновъ, тѣмъ не менѣе онъ боялся появленія какого-нибудь вліянія, которое могло бы ускользнуть отъ его контроля. Но у масонства были и другіе противники. Возникшее въ противовѣсъ французскому союзу теченіе въ защиту русской старины и духовенство были два его принципіальныхъ врага; къ нимъ присоединились еще личные противники Сперанскаго, которые по той или иной причинѣ старались его устранить.

Мысль о необходимости пожертвовать Сперанскимъ ради болѣе благопріятнаго настроенія въ Россіи явилась Александру впервые, кажется, подъ вліяніемъ сочиненія Карамзина «о древней и новой Россіи», переданнаго царю его сестрой великой княжной Екатериной Павловной въ мартѣ 1811 г. Хотя Карамзинъ прямо и не называлъ Сперанскаго, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно подчеркивалъ, что во всеобщемъ недовольствѣ виновны реформы императора, такъ какъ онѣ ослабили и подорвали самодержавіе, — личное правленіе самодержавнаго государя. Спасеніе въ абсолютизмѣ и только въ немъ одномъ: «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, а надъ всѣми ими царь, какъ единственный законодатель, единственный источникъ всякой власти,—такова основа русской монархіи, которая рѣшеніями правителей можетъ быть упрочена или ослаблена».

Этимъ самымъ, конечно, подвергалось проклятію все, что было совершено Сперанскимъ въ согласіи съ императоромъ, и все, что было еще только намѣчено, а Александръ, которому та же мысль преподносилась въ разныхъ видахъ и врагами статсъ-секретаря, укрѣпился постепенно въ представленіи о вредности этого человѣка. Когда же явилась непосредственная опасность войны съ Наполеономъ, то для его устраненія оставалось сдѣлать одинъ только шагъ. Императоръ никакъ не могъ предпринять войны, пока на немъ лежало проклятіе непопулярности. Ему нужна была жертва, чтобы привлечь на свою сторону безмолвный патріотизмъ русскихъ, большая сенсація и внѣшній поводъ, правдоподобный и убѣдительный даже для простодушныхъ людей. Нельзя, впрочемъ, не признать и того, что императоръ долженъ былъ, дѣйствительно, свободно располагать всѣми средствами строжайшаго абсолютизма, разъ онъ предпринималъ войну съ Наполеономъ. Въ такіе критическіе дни конституціонные планы были неисполнимы, и такъ какъ носителемъ этихъ идей всѣ считали Сперанскаго, то онъ и долженъ былъ быть устраненъ.

Вступить на путь коварства, для того чтобы погубить Сперанскаго, императору было тѣмъ легче, что ему донесли о нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженіяхъ статсъ-секретаря, которыя можно было истолковать, какъ гнусную неблагодарность и измѣну той дружбѣ, какой его удостаивалъ царь. Сперанскій былъ тайно окруженъ шпіонами, которые передавали императору его подчасъ рѣзкія сужденія; кромѣ того, онъ и самъ повредилъ себѣ въ глазахъ императора тѣмъ, что рѣшительно от-

совѣтовалъ ему брать на себя главное командованіе въ случаѣ войны съ Наполеономъ. Къ врагамъ Сперанскаго причислялъ себя и Аркачеевъ; князь Александръ Голицынъ видѣлъ въ немъ противника своихъ религіозныхъ идей, а будущій фельдмаршалъ, князь Волконскій, питалъ противъ него личную обиду; къ этой достаточно могущественной коалиціи присоединились еще великая княжна Екатерина, Растопчинъ, Карамзинъ, министръ полиціи Балашевъ и вскорѣ еще шведъ, генералъ баронъ Армфельдъ, призванный самимъ Александромъ въ руководители интриги,—словомъ, всѣ, кто былъ въ непосредственномъ общеніи съ императоромъ. Въ этой же игрѣ принималъ участіе и часто упоминаемый въ тайной исторіи той эпохи агентъ Бурбоновъ, Вернегъ. Но всѣ они играли роль только болѣе или менѣе посвященныхъ въ дѣло орудій въ рукахъ императора, который пользовался ими для того, чтобы опутать Сперанскаго сѣтями мнимой измѣны, погубить его и взвалить на его голову вину за ненавистныя реформы, за французскую политику послѣднихъ пяти лѣтъ и за тѣ воображаемыя и дѣйствительныя ошибки, которыя русскій народъ приписывалъ императору.

День 17/29-го марта 1812 г., когда произошло паденіе Сперанскаго, обозначаетъ собою поворотный пунктъ въ жизни Александра. Закончился французскій періодъ его царствованія со всѣми его надеждами, иллюзіями, разочарованіями и колебаніями. Пожертвовавши Сперанскимъ, императоръ внутренно закрылъ себѣ путь къ отступленію. Онъ шелъ сознательно на бой не на жизнь, а на смерть. Кромѣ Швеціи, гдѣ—наслѣдный принцъ Бернадотъ примкнулъ къ русской политикѣ и далъ ему возможность вывести войска изъ Финляндіи [1]), и Англіи, союзъ съ которой обезпечивалъ берега, у него не было другихъ союзниковъ. Польша отказалась отъ него несмотря на то, что онъ предлагалъ возстановить королевство на основѣ личной уніи съ Россіей съ границами по Двинѣ, Березинѣ и Днѣпру, а переговоры съ Литвой черезъ графа Огинскаго мало обезпечивали вѣрность этихъ губерній въ случаѣ побѣды Франціи. Пруссія и Австрія состояли союзницами Наполеона: первая не могла иначе поступить, послѣ того какъ Александръ рѣшилъ вести оборонительную войну, вторая же слѣдовала дальновидному и хладнокровному политическому расчету. Со стороны Пруссіи Александръ заручился обѣщаніемъ ограничиться самыми

[1]) Союзъ Александра съ Бернадотомъ былъ заключенъ осенью 1810 г. черезъ Чернышева. Въ такихъ же тайныхъ отношеніяхъ находился Александръ и къ кортесамъ въ Кадиксѣ.

необходимыми враждебными дѣйствіями и могъ надѣяться на переходъ къ нему короля въ случаѣ благопріятнаго оборота дѣлъ; со стороны же Австріи на первыхъ порахъ не приходилось бояться энергичнаго веденія войны. И та, и другая собирались не воевать, а оперировать; тѣмъ не менѣе съ обѣими державами приходилось считаться, какъ съ противниками.

Императоръ чувствовалъ себя внутренно окрѣпшимъ отъ перехода къ библейской вѣрѣ, которая была ему до сихъ поръ совершенно чужда и которая должна была быть испытана теперь, въ тревожное время. Высшее Существо (Être suprême) обратилось для него въ личнаго Бога, который въ мудрости своей правитъ судьбами государствъ и людей. На этого-то справедливаго Бога, который не отворачивается отъ угоднаго Ему дѣла, онъ и надѣялся. Наполеонъ казался ему все больше и больше олицетвореніемъ злого начала, и передъ его душой вставалъ вопросъ, не суждено ли ему сдѣлаться противъ него орудіемъ Господнимъ. Мечтанія его юношескихъ лѣтъ начали превращаться въ набожный мистицизмъ, и этимъ-то особеннымъ душевнымъ настроеніемъ объясняется многое въ поведеніи Александра въ 1812 г.

Сюда относится не только внушенное ему рѣшеніе отказаться отъ главнаго командованія и вопреки собственной склонности выдвинуть впередъ людей, которыхъ требовала народная молва и которымъ довѣрялъ не онъ, а народъ, но прежде всего та твердость, съ какой онъ противостоялъ искушенію закончить войну новымъ заключеніемъ мира съ Наполеономъ. Въ этомъ его, несомнѣнно, поддерживала смѣлая и твердая увѣренность Штейна, но всего важнѣе было жившее въ немъ самомъ рѣшеніе дождаться конца, и вѣра, это этотъ конецъ не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ гибели Наполеона. Война на русской почвѣ доставляла ему мало радости. Онъ видѣлъ ошибки и промахи своихъ полководцевъ, зналъ, что Бородинская битва, которую онъ велѣлъ праздновать, какъ побѣду, была пораженіемъ, что пожаръ Москвы былъ вовсе не геройскимъ подвигомъ Растопчина, а результатомъ позорной небрежности [1]),

---

[1]) Представленіе, будто сожженіе Москвы—дѣло народнаго героизма, принесено въ Россію съ Запада. Въ Англіи предсказывали пожаръ Москвы. Издаваемый въ Лондонѣ «Courier d'Angletèrre» пишетъ 29 сентября 1812 г.: «Если армія Бонапарте, когда онъ подойдетъ къ Москвѣ, будетъ еще достаточно сильна, чтобы сдѣлать исходъ сраженія сомнительнымъ, то нужно сжечь городъ въ томъ случаѣ, если его нельзя будетъ защищать». А 6-го октября: «Если Бонапарте не остановился передъ Москвой, то городъ бу-

люди казались ему ничтожными и жалкими. Всюду «маловѣры и трусы», и во главѣ ихъ его мать, императрица Марія Өеодоровна, которая рѣшительнѣе всѣхъ осуждала Тильзитскій миръ, а теперь заклинала сына помириться съ Наполеономъ, и братъ Константинъ, «кричавшій на всѣ улицы и дворцы: мира, мира!» Канцлеръ Румянцевъ и Аркачеевъ агитировали также за миръ, такъ что за исключеніемъ нѣмцевъ и императрицы Елизаветы въ Петербургѣ въ то время почти никто не держалъ его стороны. Если же генералы рѣшались требовать отъ императора черезъ англичанина Уильсона отставки Румянцева, то это показывало, конечно, что въ арміи царило болѣе твердое настроеніе, чѣмъ въ столицѣ, но Александромъ было понято почти какъ бунтъ. Мистическое настроеніе, которымъ онъ былъ преисполненъ, еще увеличивало въ немъ гордость самодержца; Сперанскаго онъ, по крайней мѣрѣ, самъ избралъ жертвой, чтобы устранить недовольство массъ, но второй жертвы онъ не позволитъ у себя требовать. Румянцевъ остался въ должности, и только въ августѣ 1814 г., когда всѣ условія перемѣнились и давно заглохло воспоминаніе о дерзкой просьбѣ арміи, Александръ далъ отставку канцлеру [1]).

Періодъ Наполеоновскаго нашествія имѣлъ гораздо больше значенія для внутренняго развитія самого Александра, чѣмъ всего русскаго народа. Въ тревожные дни и мѣсяцы, принесенные ему 1812-мъ годомъ, Александръ не сталъ ближе къ народу. Онъ замкнулся въ себѣ еще больше, чѣмъ прежде, и не радовался ходу войны. Онъ мало уважалъ людей, которымъ, въ концѣ концовъ, достался успѣхъ? Кутузова онъ и впослѣдствіи всегда презиралъ [2]), и если и предоставилъ ему главное командованіе, когда конечная побѣда была уже почти обезпечена, вмѣсто того, чтобы взять его на себя (что̀ было вполнѣ возможно), то сдѣлалъ онъ это хотя и не вполнѣ доб-

детъ сожженъ. Если Бонапарте въ Москвѣ, то ясно, что русскій императоръ отдалъ приказъ поджечь столицу».

[1]) Начиная съ декабря 1812 г. Румянцевъ находился не у дѣлъ. Онъ нѣсколько разъ просилъ объ отставкѣ, напр., 1/13-го марта 1813 г. и 5/17-го декабря 1813. «Какую пользу могу я принести», жаловался онъ,— «если служу, не ведя никакихъ дѣлъ?»

[2]) «Общество желало его назначенія, и я его назначилъ; самъ же я умываю руки». Шильдеръ III стр. 98. Александръ подумывалъ даже о томъ, чтобы смѣстить Кутузова и снова передать главное командованіе Барклаю-де-Толли. Когда открывался памятникъ Кутузову въ Бунцлау, Александръ отказался принять участіе въ торжествѣ.

ровольно, но все-таки преимущественно подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго настроенія, въ которомъ находился. Кромѣ того, его угнетали необычайные ужасы этой войны. Жестокая дѣйствительность, отъ которой онъ, противъ обыкновенія, не могъ укрыться, отравляла ему всякую радость. Онъ никогда не могъ забыть того, что ему пришлось пережить въ Вильнѣ, страшныхъ сценъ въ бернардинскомъ монастырѣ въ Мseparately Меречѣ, а также ужасающихъ донесеній о звѣрской жестокости русскихъ солдатъ и крестьянъ по отношенію къ беззащитнымъ врагамъ [1]). Императора и впослѣдствіи никогда не удавалось склонить осмотрѣть русскія поля сраженій, между тѣмъ какъ въ Германіи или Франціи онъ никогда не упускалъ случая отпраздновать гордыя воспоминанія своихъ успѣховъ. Лучшимъ днемъ для него всегда оставалась годовщина Кульма; здѣсь и подъ Лейпцигомъ, а позже и подъ Феръ-Шампенуазъ онъ принималъ участіе лично, и хотя поля сраженій и здѣсь были залиты кровью и покрыты трупами, тѣмъ не менѣе это все-таки была война, державшаяся культурныхъ формъ, а не варварство, проявлявшееся вездѣ на священной русской землѣ. Въ Германіи, кромѣ того, выросло у него сознаніе своихъ способностей.

Руководство всѣми политическими выступленіями Россіи (а это означало тогда почти всю политику европейскаго континента) сосредоточилось въ его рукахъ. Онъ чувствовалъ себя защитникомъ Европы противъ Наполеона, и знаменитое «онъ или я», которое при принятіи вызова являлось для него единственно возможнымъ исходомъ, оставалось до конца основнымъ направленіемъ его дѣйствій. Съ удивительнымъ искусствомъ сохранилъ онъ въ цѣлости всѣ нити, которыя должны были его погубить, сумѣлъ соблюсти свою тайну и безо всякой заносчи-

---

[1]) Генералъ сэръ Р. Уильсонъ «Нашествіе въ Россію»: «Всѣхъ плѣнниковъ, безъ различія, раздѣвали до нага и заставляли идти въ такомъ видѣ колоннами, или же оставляли на произволъ и забаву крестьянамъ, которые не давали имъ, какъ они хотѣли, направлять дула ружей на свои собственныя головы и груди, чтобы покончить свои страданія наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ способомъ,—такъ какъ крестьяне думали, что такое смягченіе пытки будетъ «оскорбленіемъ мстительнаго русскаго Бога, который лишитъ ихъ на будущее время своего покровительства». Вслѣдъ за этимъ Уильсонъ передаетъ видѣнную имъ собственными глазами ужасную картину: смертельный ударъ, нанесенный великимъ княземъ Константиномъ, голому плѣннику по его собственной просьбѣ и т. д.

Уильсонъ послалъ императору депешу съ просьбой принять какія-либо мѣры; но Александръ былъ безсиленъ противъ «грубости и фанатизма народа».

вости заставилъ признать за собою первенствующую роль предъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III и императоромъ Францомъ. Вскорѣ уже не могло быть больше сомнѣній въ томъ, что онъ—духовный вождь коалиціи и, вопреки Меттерниху, оставался имъ, пока длилась борьба съ Наполеономъ. Въ эту эпоху, когда борьба съ Франціей, казалось, уничтожила отдѣльные интересы народовъ и правителей, притупилась и чувствительность народовъ и государей къ чужому вмѣшательству, и Александръ пользовался этимъ съ извѣстной наивностью, при чемъ въ то же время само собою, молча, подразумѣвалось, что въ Россію чужое вліяніе не должно проникать.

Впослѣдствіи, когда въ Германіи снова обнаружилась чувствительность къ русскому вліянію, Александръ сначала удивился, а потомъ почувствовалъ себя лично оскорбленнымъ. Въ особенности настроеніе прусскаго офицерства казалось ему почти измѣной. Съ Австріей его интересы совпадали въ одномъ пунктѣ, а именно въ томъ, чтобы сдерживать идею германскаго объединенія и конструировать систему искусственнаго равновѣсія, при которой бы сѣверъ и югъ другъ друга взаимно нейтрализовали. Это стремленіе осталось одной изъ основъ русской политики и перешло къ преемникамъ Александра; объ него разбивались всѣ надежды прусскихъ патріотовъ. Эта политика не прекращалась даже въ тѣ дни, когда русско-прусская дружба достигла своего апогея и родственная связь между династіями, казалось, была особенно прочна. Необычайная заслуга Пруссіи во время освободительной войны какъ разъ и возбудила у Александра рядъ сомнѣній; онѣ же въ значительной степени и вызвали тѣ огромныя военныя приготовленія Россіи, которыя нашли злополучное, но упрямо поддерживаемое выраженіе въ военныхъ поселеніяхъ.

Чрезвычайно трудно охарактеризовать въ короткихъ словахъ переворотъ, произведенный въ Александрѣ эпохой освободительной войны и новымъ распредѣленіемъ Европы.

Съ одной стороны, искренняя, но, вслѣдствіе почти полнаго недостатка религіознаго и догматическаго образованія, неясно понимаемая набожность заводила его въ дебри мистики и все больше и больше укрѣпляла его въ мысли, что онъ—избранное орудіе спасительнаго Божества, совершенно такъ же, какъ Наполеонъ послужилъ бичемъ Божіимъ для выполненія великихъ дѣлъ Провидѣнія; съ другой стороны, у него было ясное представленіе о тѣхъ особенныхъ задачахъ, которыя онъ готовился разрѣшить въ интересахъ Россіи и Европы. Къ этому присое-

динялось еще вліяніе неизгладимыхъ слѣдовъ, которые оставил-въ немъ принципы политики его отца. Онъ хотѣлъ побѣдоносно ввести ихъ въ политическую практику, но только въ болѣе возвышенномъ и очищенномъ истинной религіозностью толкованіи; при этомъ, по его мнѣнію, само собою подразумѣвалось, что Россія должна воздать ему должное и онъ долженъ получить благодарность всего міра.

Изъ собственныхъ словъ Александра всего вѣрнѣе можно понять, какимъ образомъ эти представленія сдѣлались его духовнымъ достояніемъ. Всегда, когда ему приходилось возвращаться къ 1812—15 гг., его разсказъ оставался сходнымъ и, вѣроятно, лучше всего формулированъ въ разговорѣ, который онъ велъ въ Берлинѣ съ епископомъ Эйлертомъ 20-го сентября 1818 г.: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Господень на снѣговыхъ поляхъ наполнилъ мое сердце такой жаркой вѣрой, какой я до сихъ поръ никогда не испытывалъ. Теперь я позналъ Бога, какимъ его открываетъ Св. Писаніе; теперь я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ. Во мнѣ созрѣло и окрѣпло рѣшеніе посвятить себя и свое царствованіе прославленію Его. Съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ; спасенію Европы я обязанъ своимъ спасеніемъ и освобожденіемъ». Изъ этого признанія императора необходимо сдѣлать двоякій выводъ: что «болѣзненную операцію внутренняго самоочищенія» онъ, по его мнѣнію, только началъ въ Россіи, закончилъ же ее лишь въ Германіи и Франціи, такъ что конечнымъ моментомъ нужно считать, вѣроятно, сентябрь 1815 г.,— и во-вторыхъ, что вліяніе госпожи Крюденеръ и ея единомышленниковъ было лишь случайностью, а никакъ не однимъ изъ рѣшающихъ или даже единственно рѣшающимъ обстоятельствомъ, которому обязанъ своимъ возникновеніемъ священный или, какъ выражается Александръ, «братскій и христіанскій союзъ». То своеобразное обстоятельство, что основныя религіозныя идеи манифеста священнаго союза согласовались съ принципами политики Романовыхъ и съ политическими интересами Россіи, понятно само собою и вовсе не можетъ трактоваться, какъ искусный шахматный ходъ. Мы знаемъ въ точности, чего хотѣлъ и къ чему стремился Александръ и съ какихъ точекъ зрѣнія онъ разсматривалъ политическіе вопросы; онъ высказалъ это отчетливо въ проектѣ инструкціи русскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ; замѣчательно, что въ этихъ секретныхъ указаніяхъ, имѣющихъ въ виду политику минуты, можно уже найти тѣ идеи, которыя изложены въ манифестѣ

священнаго союза и даже отчасти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Но еще болѣе замѣчательно основаніе, на которомъ построена эта инструкція. Александръ былъ единственнымъ европейскимъ государемъ, которому идеи 1789 г. являлись въ свѣтѣ вѣчныхъ истинъ, который вдохновился ими и никогда не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ воспринятыхъ отсюда смолоду идеаловъ. Тамъ, гдѣ онъ впослѣдствіи на практикѣ уклонялся отъ этихъ идеаловъ, всегда можно доказать присутствіе особой внѣшней побудительной причины, которая давала ему возможность извинять или оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ. Во время освободительныхъ войнъ у него не въ Россіи, а на германской почвѣ созрѣло дальнѣйшее убѣжденіе, что священный союзъ— въ сущности, дѣло не государей, а народовъ. Духъ времени увлекъ за собою государей и создалъ какъ воинственныя, такъ и конституціонныя стремленія, съ которыми должна считаться мудрая политика, служащая дѣлу мира. А такъ какъ никакая человѣческая сила не въ состояніи вернуть умы къ прежнему направленію, то политика должна была бы поставить себѣ задачей изслѣдовать нравственное состояніе народовъ и съ этой точки зрѣнія привести во взаимное соотвѣтствіе територіальное распредѣленіе, конституціонныя условія и отношенія государствъ, союзъ которыхъ образовалъ великую европейскую семью. Такимъ образомъ, царь дошелъ до того пункта, который долженъ былъ бы привести его къ требованію національныхъ государствъ съ конституціоннымъ строемъ. Но такъ далеко онъ не заходитъ. Онъ довольствуется констатированіемъ, что сохраненіе мелкихъ самостоятельныхъ государствъ признано, въ сущности, безцѣльнымъ. Одни его отношенія къ Пруссіи и Австріи уже исключали всякую мысль о національномъ объединеніи Германіи, не говоря ужъ о томъ, что онъ съ самаго начала имѣлъ въ виду удержать среднія нѣмецкія государства въ легкой зависимости. Гораздо послѣдовательнѣе былъ онъ въ вопросѣ о конституціи. Онъ былъ крайне недоволенъ изданіемъ хартіи Людовика XVIII, такъ какъ, по его мнѣнію, король долженъ былъ скорѣе подчиниться конституціи, установленной французскимъ народомъ. Точно также считалъ онъ вредной политической ошибкой, что Вѣнскій конгрессъ не ввелъ вездѣ представительной системы. Только такимъ образомъ можно было, по его мнѣнію, достигнуть цѣли конгресса и установить полное и всеобщее равновѣсіе. Александръ былъ того мнѣнія, что англо-франко-австро-баварскій союзъ 3-го января 1815 г. былъ направленъ противъ его конституціонныхъ идей. Онъ будто бы

стоялъ передъ дилеммой: или отстоять свои принципы съ оружіемъ въ рукахъ, или ихъ видоизмѣнить. Такъ какъ первое было нелѣпо, то онъ уступилъ, и такимъ образомъ явились договоры относительно Польши, Саксоніи, Сардиніи и др., хотя онъ пускалъ въ ходъ всевозможныя средства, чтобы въ переговорахъ «отстоять права и интересы народовъ, которые цѣною безчисленныхъ жертвъ пріобрѣли новыя права на покой и блаженство».

Англійское предложеніе о взаимной гарантіи вѣнскихъ договоровъ Александръ принялъ, хотя и догадался, что мысль эта была внушена недовѣріемъ къ нему. Онъ готовъ былъ даже распространить эту гарантію на неприкосновенность Турціи, — подъ условіемъ дружественнаго урегулированія Бухарестскаго мира.

Въ связи съ этимъ стоитъ и его объясненіе, что онъ не заключилъ союза 25-го марта 1815 г. только съ цѣлью свергнуть Наполеона и возстановить на престолѣ Людовика XVIII; онъ позаботится и о томъ, чтобы законные интересы французскаго народа не были принесены въ жертву ложной политикѣ или корыстнымъ видамъ отдѣльнаго лица. Франція не должна быть унижена и истощена, но и не должна стать отдѣльной союзницей опредѣленнаго правительства [1]). Для блага Европы скорѣе было необходимо, чтобы она сдѣлалась снова интегральной частью европейской системы. Нужно нейтрализовать тотъ духъ, который призвалъ обратно Наполеона, и защитить тѣ народы, которые всего доступнѣе для революціонной заразы. Но такой цѣли можно достигнуть не силой, а просвѣщенной и либеральной политикой [2]).

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, также играетъ нѣкоторую роль воспоминаніе о союзѣ 3-го января 1815 г. Если императоръ Александръ, несмотря на глубокую антипатію къ французамъ, впослѣдствіи всегда старался пріобрѣсть ихъ расположеніе, то тутъ дѣйствовало основное соображеніе—желаніе предупредить возможность англо-французскаго или франко-австрійскаго союза.

[2]) Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, понятія «либеральный» и «консервативный» еще не были въ глазахъ императора Александра политически противоположными. Консерватизмомъ онъ называетъ осуществленіе христіанскихъ началъ: «начала мира, согласія и любви, являющіяся плодомъ христіанской религіи и морали... эти консервативныя заповѣди»...

Противоположностью либеральному для него является, съ одной стороны, понятіе «революціонный», а съ другой, «придворный» или, по его выраженію, «интересы министерства». Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что дѣйствительнымъ источникомъ гражданской свободы служатъ «заповѣди братства и любви», и манифестъ Священнаго Союза былъ, по его мнѣнію, «либераленъ». Лишь подъ вліяніемъ Меттерниха понятіе «либеральный» получаетъ въ его глазахъ другое значеніе.

Императоръ подчеркиваетъ, что ему приходится считаться съ ревнивымъ отношеніемъ державъ, которое еще усилилось вслѣдствіе послѣдней войны. Онъ-де старается устранить его и поэтому отказался отъ всякихъ особыхъ преимуществъ, какъ на войнѣ, такъ и во время переговоровъ. Европа обязана его умѣряющему дѣйствію мирнымъ исходомъ конгресса и системой взаимныхъ гарантій. Этимъ исключено образованіе отдѣльныхъ союзовъ, равно какъ и подготовка такихъ союзовъ для будущаго, и его послы должны держаться того же направленія. Наибольшую близость онъ чувствуетъ къ Пруссіи и Швеціи, представителямъ которыхъ должно оказываться особое довѣріе. Общее направленіе своей политики онъ опредѣляетъ какъ въ высшей степени миролюбивое и не стремящееся ни къ какимъ завоеваніямъ; на этомъ онъ стоитъ и послѣ второго Парижскаго мира. Въ этомъ же преимущественно и слѣдуетъ видѣть политическое содержаніе манифеста Священнаго Союза. Въ разъясненіи, посланномъ графу Ливену въ Лондонѣ 18/30-го марта 1816 г., императоръ совершенно серьезно развиваетъ далѣе эту мысль и даетъ увѣренія, что христіанскій характеръ манифеста отъ 14/26-го сентября 1815 года не заключаетъ въ себѣ никакой угрозы для нехристіанскихъ государствъ. Повидимому, онъ вѣрилъ, что возвышенный примѣръ христіанскихъ добродѣтелей неминуемо окажетъ свое дѣйствіе и на мусульманскій міръ [1]). Это—апокалиптическій кругъ идей; имъ онъ былъ преисполненъ и несмотря на всѣ разочарованія не покидалъ его до конца жизни.

[1]) «Подъ вліяніемъ одного только примѣра и благодаря мирному воздѣйствію счастья, которымъ будутъ пользоваться христіанскіе народы подъ опекой ихъ религіи, можно надѣяться, что ея утѣшительный свѣтъ распространится на всѣ народы безъ различія»... Письмо императора Александра къ Ливену, С.-Петербургъ 18-го марта 1816 г.

1. *Государственный строй, управленіе, юстиція.*

Въ 1806 г. по Петербургу ходилъ написанный въ Москвѣ листокъ, который выражалъ возбужденное настроеніе того времени слѣдующимъ образомъ:

Грѣхъ—умеръ.
Право—сожжено.
Доброта—сжита со свѣта.
Искренность—спряталась.
Справедливость—въ бѣгахъ.
Добродѣтель—проситъ милостыню.
Благотворительность—арестована.
Отзывчивость—въ сумасшедшемъ домѣ.
Правосудіе—погребено подъ развалинами права.
Кредитъ—обанкротился.
Совѣсть—сошла съ ума и сидитъ на вѣсахъ правосудія.
Вѣра—осталась въ Іерусалимѣ.
Надежда—со своимъ якоремъ лежитъ на днѣ морскомъ.
Любовь—отъ холода заболѣла.
Честность—вышла въ отставку.
Кротость—заперта за ссору на съѣзжей.
Законъ—виситъ на пуговкахъ у сенаторовъ.
И терпѣніе скоро лопнетъ.

Выраженное здѣсь въ эпиграмматической формѣ недовольство, которое уже на пятомъ году встрѣченнаго съ такимъ восторгомъ царствованія Александра охватило образованные русскіе круги, не только сохранилось, но еще усилилось въ теченіе

дальнѣйшаго царствованія императора. Одинъ изъ наиболѣе высокопоставленныхъ русскихъ сановниковъ [1]), въ день полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти Александра (27-го ноября 1825 г.), такъ охарактеризовалъ въ своемъ дневникѣ положеніе государства:

«Если прослѣдить всѣ событія этого царствованія, то мы увидимъ полное разстройство внутренняго управленія, потерю всякаго вліянія въ области иностранныхъ отношеній и отсутствіе какихъ-либо видовъ на пріобрѣтенія для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отрасляхъ управленія накопился огромный горючій матеріалъ, который можетъ каждую минуту вспыхнуть».

«Исаакіевскій соборъ въ его нынѣшнемъ состояніи разрушенія является вѣрнымъ подобіемъ правительства. Его испортили, потому что хотѣли построить на старомъ фундаментѣ новый соборъ изъ массы новаго матеріала и въ то же время сохранить ничтожную часть стараго мраморнаго зданія. Это стоило огромныхъ денегъ, однако, пришлось остановить стройку, когда было понято, насколько опасно строить, если планы тщательно не разработаны».

«Точно также обстоитъ дѣло и съ государственными дѣлами: нѣтъ твердаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ двигаются ощупью. Разрушено все, что было хорошо и прекрасно, и замѣнено вредными новшествами, частью слишкомъ сложными, частью вовсе неисполнимыми. Генералъ-губернаторамъ даютъ по 5 губерній, между тѣмъ какъ ни одно изъ назначенныхъ лицъ не въ состояніи управлять хотя бы одной. Содержатъ армію въ милліонъ солдатъ и смиряются передъ турками, потому что страшатся затронуть принципъ законности. Неужели не видятъ опасностей, грозящихъ намъ отъ умноженія сектъ, отъ расторженія всякихъ нравственныхъ узъ, отъ униженія всего того, что еще имѣло въ глазахъ людей вѣсъ и значеніе. Правосудіе парализуется всевозможными распоряженіями, которыя имѣютъ характеръ законовъ и все-таки вызвали всеобщее ожесточеніе, такъ какъ пропитаны якобинскимъ духомъ. Очень трудно объяснить всѣ эти несообразности; ихъ можно понять, только допустивши, что онѣ произошли отъ особенностей характера Александра I».

---

[1]) Сенаторъ Дивовъ, который въ качествѣ перваго совѣтника вѣдомства иностранныхъ дѣлъ обыкновенно замѣщалъ Нессельроде во время его отсутствія.

Заключительное замѣчаніе, несомнѣнно, попадаетъ въ корень дѣла, хотя нельзя забывать и того, что второй существенный факторъ, именно дѣйствительное состояніе принятыхъ императоромъ дѣлъ, является смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Русская дѣйствительность въ видѣ данныхъ экономическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ условій упорно сопротивлялась идеальнымъ планамъ, которые Александръ хотѣлъ осуществить быстрымъ ходомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше укрѣпляла его въ убѣжденіи, что его народъ можно воспитать для лучшаго будущаго единственно только средствами деспотизма. Такимъ образомъ, Россія Александра I даетъ намъ картину государства, воспитываемаго либеральнымъ идеалистомъ для свободныхъ установленій и человѣческаго образа жизни путемъ жестокаго и недовѣрчиваго деспотизма. Но въ то время какъ либеральныя реформы, которыя должны были завершиться русской конституціей, пріостановились послѣ первыхъ же сангвиническихъ порывовъ и не вышли изъ стадіи вѣчно новыхъ проектовъ, старые недостатки продолжаютъ существовать, къ нимъ присоединяются новые, и въ конечномъ итогѣ получается картина безвыходной путаницы, полнѣйшей неудачи и почти невыносимаго гнета.

Помимо унаслѣдованнаго своеволія, замѣченнаго еще Лагарпомъ, и перешедшаго у императора Александра въ непреодолимое упрямство, вѣроятно, рано созрѣвшая и съ годами усиливавшаяся мизантропія наиболѣе виновата въ томъ, что онъ сначала медлилъ съ осуществленіемъ излюбленныхъ либеральныхъ идей, а потомъ и вовсе отложилъ ихъ въ долгій ящикъ, между тѣмъ какъ распоряженія, дѣлавшіяся разъ отъ разу для усиленія его власти, всегда приводились въ исполненіе немедленно и съ безпощадной строгостью. Когда Сперанскаго нужно было погубить, его обвинили въ томъ, будто онъ сказалъ про царя: «онъ слишкомъ слабъ, чтобы управлять, и слишкомъ силенъ, чтобы надъ нимъ властвовать», [1]), и, дѣйствительно, возможно, что это мѣткое выраженіе исходитъ отъ него. Надъ Александромъ никогда никто не властвовалъ. Ни Чарторижскому, ни Сперанскому, ни другимъ его совѣтникамъ, даже Лагарпу [2]) не

---

[1]) Эта саркастическая характеристика относилась первоначально къ Людовику XV.

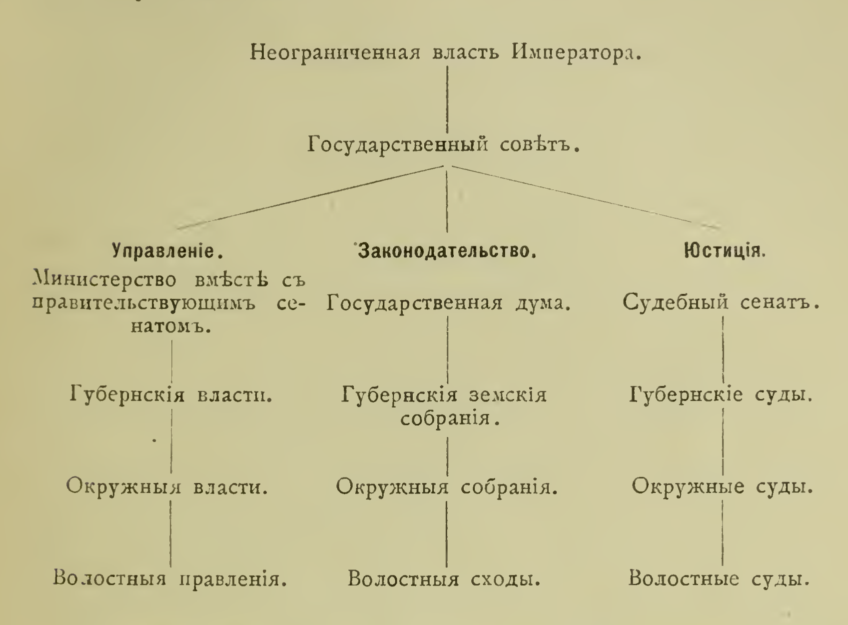
[2]) Вліяніе Лагарпа держалось такъ долго только потому, что онъ былъ достаточно уменъ, чтобы не пріѣзжать въ Петербургъ, и еще потому, что самъ онъ былъ человѣкомъ не дѣла, а добродѣтельныхъ убѣжденій. Когда же онъ впослѣдствіи началъ критиковать политику императора, то Александръ и отъ него также отказался.

удалось сдѣлать его своимъ орудіемъ. Александръ шелъ съ ними по одному пути, пока видѣлъ въ этомъ пользу для себя и для государства, и всегда готовъ былъ тотчасъ же отойти отъ своихъ друзей и фаворитовъ, лишь только они становились въ его глазахъ слишкомъ могущественны.

Аракчеевъ, составляющій какъ будто исключеніе, держался только тѣмъ, что принципіально отказывался отъ собственной воли и никогда не требовалъ ничего, кромѣ свободы въ выборѣ средствъ для исполненія царской воли. Невозможно доказать, чтобы хоть одна поданная имъ мысль внесла что-либо новое въ политическое направленіе императора. Онъ былъ орудіемъ, которому предоставлялось неограниченное поле дѣйствія и безграничная власть именно потому, что онъ готовъ былъ безпрекословно выполнять то, что ему приказывалось. Въ глазахъ императора его достоинство и заслуга еще больше повышалась оттого, что онъ былъ предметомъ страшной ненависти, которую сносилъ охотно и не безъ самодовольства. Это освобождало Александра, по его мнѣнію, отъ личной отвѣтственности. Онъ завидовалъ всякой популярности, былъ крайне чувствителенъ къ малѣйшему противорѣчію и особенно ко всякому строгому сужденію; со стороны же Аракчеева ничего подобнаго нельзя было ожидать. Такимъ образомъ на самого царя и падаетъ полная отвѣтственность за все, что творилось въ государствѣ. Аракчеева, который, въ концѣ концовъ, былъ занятъ преимущественно военными поселеніями, онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ употребить для проведенія любого мѣропріятія: для устраненія и наказанія нечестныхъ чиновниковъ, въ особенности высокопоставленныхъ, для уничтоженія крѣпостного права, даже для введенія конституціи, — орудіе не отказалось бы служить. Но царь ни разу не хотѣлъ произнести рѣшительное слово, а графъ Аракчеевъ во всѣхъ этихъ вопросахъ былъ безконечно далекъ отъ собственной иниціативы. Въ глазахъ императора, политическая вина Сперанскаго заключалась въ томъ, что у него была эта иниціатива и что онъ считалъ развитіе своихъ идей высокой — нравственной необходимостью, которую въ крайнемъ случаѣ можно ради самой цѣли нравственно навязать царю хотя бы окольнымъ путемъ. Это его и погубило, независимо отъ извѣстныхъ намъ политическихъ обстоятельствъ, и мы должны будемъ сдѣлать отсюда и изъ совершенно аналогичныхъ позднѣйшихъ случаевъ выводъ, что и за то, что не было сдѣлано, отвѣтственность падаетъ прежде всего и преимущественно на самого царя.

Цѣль, которой хотѣлось достигнуть Александру, видна изъ обоихъ проектовъ конституціи, съ которыми онъ въ принципѣ согласился: изъ проекта Сперанскаго отъ октября 1809 г. и Новосильцева, законченнаго между 1819 и 1821 гг.

Сперанскій изобразилъ наглядно основныя идеи своего проекта въ слѣдующей схемѣ:

Фундаментомъ конституціоннаго плана Сперанскаго служитъ французская конституція 1799 г. Онъ старается насколько возможно приладить ея идеи къ русскимъ условіямъ; исходя изъ волости, какъ политическаго союза нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, онъ переходитъ къ устройству округовъ, отсюда къ губернскимъ представительствамъ и, наконецъ, къ государственной думѣ, которой должна принадлежать законодательная власть совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ и императоромъ; параллельно этому и органы юстиціи и управленія точно также оканчиваются наверху государственнымъ совѣтомъ и императоромъ, снизу же начинаются съ волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ и черезъ соотвѣтствующія окружныя и губернскія учрежденія доходятъ въ области управленія до министерствъ и правительствующаго сената, а въ области юстиціи до судебнаго сената.

Хотя императору и принадлежитъ законодательная иниціатива, тѣмъ не менѣе законъ вступаетъ въ силу лишь послѣ того, какъ онъ формулированъ и принятъ государственной думой и

затѣмъ одобренъ государственнымъ совѣтомъ и императоромъ. Правительство имѣетъ право отдавать распоряженія, но оно несетъ отвѣтственность въ томъ, что ими не будутъ нарушены законы; поэтому Сперанскій предлагаетъ передавать и распоряженія на разсмотрѣніе государственной думы.

Согласно этому, силу закона имѣетъ дарованная императоромъ конституція и относящіеся къ ней органическіе законы: гражданское, уголовное, торговое и крестьянское право; всѣ относящіяся къ нимъ дѣйствующія дополненія и разъясненія: судебные уставы, правительственные указы относительно учрежденія присутственныхъ мѣстъ, предписанія насчетъ податей и другихъ мѣропріятій, ведущихъ за собою всеобщее обложеніе, безразлично касается ли дѣло постоянныхъ или временныхъ налоговъ и т. д. Все остальное дѣлается за отвѣтственностью правительства и по его усмотрѣнію; сюда относится опредѣленіе правъ подданныхъ, которыхъ Сперанскій дѣлитъ на три группы: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и другихъ свободныхъ людей и, наконецъ, несвободныхъ, и которымъ онъ даетъ нѣкоторыя общія права (русскія droits de l'homme). Ихъ онъ формулируетъ въ четырехъ пунктахъ слѣдующимъ образомъ:

1. Никто не можетъ быть наказанъ безъ судебнаго приговора.

2. Никто не долженъ нести личную службу по произволу другого, но законъ опредѣляетъ каждому по его сословію тотъ родъ службы, къ которому онъ обязанъ [1]).

3. Каждый имѣетъ право пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность и распоряжаться ею на основаніи закона. Пріобрѣтеніе же недвижимой населенной земельной собственности дозволяется только опредѣленнымъ сословіямъ.

4. Никто не обязанъ нести матеріальную службу по произволу другого.

Если бы всѣ эти четыре положенія были проведены въ жизнь, то у дѣйствующаго во всемъ государствѣ крѣпостного права и у опирающагося на право неравенства сословій тѣмъ самымъ, конечно, была бы отнята почва. Это составило бы огромный шагъ впередъ, и его одного было бы достаточно, чтобы обезпечить за царствованіемъ Александра I безсмертную славу. Сперан-

[1]) Въ примѣчаніи къ этому пункту Сперанскій говоритъ: 1-й пунктъ даетъ и несвободнымъ право обращаться къ суду, освобождаетъ ихъ тѣмъ самымъ отъ подсудности помѣщику и уравниваетъ передъ закономъ съ остальными подданными. 2-й же пунктъ освобождаетъ крестьянъ отъ произвольной отдачи въ рекруты. «На этомъ покоится личная свобода». Этимъ путемъ предполагалось фактически уничтожить несвободное состояніе.

скій не имѣлъ въ виду установить политическое равноправіе. Политическія права должны были зависѣть отъ владѣнія земельной собственностью или денежнымъ имуществомъ и кромѣ того предполагать нѣкоторый точно не указанный образовательный цензъ. И то, и другое предполагалось у лицъ дворянскаго происхожденія, что вовсе не соотвѣтствовало реальнымъ условіямъ. Поэтому они пріобрѣтаютъ полностью всѣ гражданскія и политическія права, въ то время какъ среднее сословіе получаетъ участіе въ политическихъ правахъ смотря по имущественному положенію каждаго въ отдѣльности или же въ зависимости отъ полученія на государственной службѣ личнаго или потомственнаго дворянства. «Рабочій народъ» устраняется при всякихъ условіяхъ отъ политическихъ правъ. Это означало, въ сущности, передачу политическихъ правъ дворянству и бюрократіи, а также небольшому числу купцовъ, которые могли идти въ счетъ [1]).

Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же представленія, какія позже были выражены въ польской конституціи.

Подъ политическими правами Сперанскій разумѣлъ активное участіе въ дѣятельности государственныхъ учрежденій по законодательству, правосудію и управленію. Органы же государственной власти частью уже существуютъ, частью же еще должны быть созданы: это — государственная дума, сенатъ и министерства; къ нимъ въ качествѣ четвертаго члена присоединяется государственный совѣтъ, въ которомъ, въ концѣ концовъ, сходятся всѣ нити. Такъ какъ дѣятельность этихъ четырехъ государственныхъ учрежденій должна охватывать все государство, то Сперанскій считаетъ необходимымъ ради большей равномѣрности новое дѣленіе Россіи. Онъ предлагаетъ раздѣлить все пространство Россіи на области и губерніи, при чемъ первыя (Сибирь до Уральскаго хребта, Кавказъ съ Астраханью, Грузіей и Оренбургомъ, Земля Войска Донского и, наконецъ, Новороссія) получаютъ особое устройство согласно дѣйствующимъ въ нихъ мѣстнымъ законамъ, въ послѣднихъ же должно господствовать полное однообразіе. Губерніи должны состоять изъ районовъ въ 100—300 тысячъ душъ [2]) и дѣлиться на 2—5 округовъ, а послѣдніе на волости, центромъ которыхъ служитъ городъ или, за его отсутствіемъ, село.

---

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что даже среди самаго богатаго купечества нерѣдко попадались неграмотные.

[2]) Не человѣкъ, а мужскихъ ревизскихъ душъ.

На этомъ проектѣ новаго дѣленія государства построена у Сперанскаго система народнаго представительства. Фундаментомъ, на которомъ покоится все остальное, служитъ низшая единица—волость. Въ каждой волости разъ въ три года происходитъ собраніе землевладѣльцевъ и старостъ царскихъ деревень (волостная дума), которое избираетъ членовъ волостного правленія, выслушиваетъ отчеты, избираетъ депутатовъ въ окружную думу и докладываетъ окружной думѣ о волостныхъ потребностяхъ.

Окружная дума состоитъ изъ представителей волостей и собирается разъ въ три года. Она избираетъ членовъ окружнаго совѣта и окружнаго суда, а также депутатовъ въ губернскую думу, изъ которой такимъ же путемъ образуется государственная дума, по своему положенію равная сенату и министерствамъ. Государственная дума собирается безъ особаго созыва каждую осень и засѣдаетъ сколько нужно для разсмотрѣнія внесенныхъ предложеній. Она можетъ быть отсрочена или распущена, но только на основаніи одобреннаго государственнымъ совѣтомъ рѣшенія правительства.

Участіе въ засѣданіяхъ государственной думы должно было быть обязательнымъ, а избранному собраніемъ и утвержденному императоромъ предсѣдателю предлагалось дать титулъ «канцлера государственной думы». Главная работа отводилась шести комиссіямъ [1]), которыя также имѣли право выбирать для себя предсѣдателей и секретарей. Одинъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта указываетъ имъ программу работъ. Собственной инициативой они пользуются въ вопросахъ, касающихся пользъ и нуждъ государства, и если нужно привлечь министровъ къ отвѣтственности или сдѣлать представленіе о нарушеніи основныхъ законовъ.

Объ обсужденіяхъ въ общихъ собраніяхъ вовсе нѣтъ и рѣчи; для нихъ, повидимому, не предназначалось никакихъ дѣлъ, кромѣ избранія предсѣдателя, секретаря и комиссій. Что касается устройства суда, то достаточно указать на то, что всѣ судьи должны были быть избраны, а сенатъ служитъ высшей инспекціей.

Наконецъ, имѣлось еще въ виду образовать изъ состава правительствующаго сената тайный кабинетъ, съ которымъ царь долженъ былъ обсуждать чрезвычайныя и секретныя дѣла.

[1]) Комиссія государственныхъ законовъ, гражданскихъ законовъ, уставовъ и указовъ, финансовъ, далѣе, комиссія для принятія министерскихъ отчетовъ и еще одна для представленій о пользахъ и нуждахъ государства.

Этотъ проектъ конституціи былъ одобренъ императоромъ Александромъ въ октябрѣ 1809 г.; по сравненію съ прошлымъ Россіи, онъ давалъ русскому народу поразительно много. Участіе въ законодательствѣ, бюджетное право, отвѣтственность министровъ, самоуправленіе до самыхъ низовъ, гарантіи равенства передъ закономъ, защита отъ административнаго произвола—все это въ суммѣ означало больше, чѣмъ простое включеніе Россіи въ число правовыхъ государствъ.

Перенесеніе же центра тяжести въ комиссіи, а не въ общія собранія государственной думы можно только одобрить. Русскій парламентъ едва ли обнаружилъ бы такую зрѣлость, какую предполагаетъ публичное обсужденіе порученныхъ ему государственныхъ вопросовъ. Но мы вправѣ предположить, что работа въ комиссіяхъ могла бы сдѣлаться постепенно школой политическаго воспитанія. Почти незамѣтно должны были бы быть устранены даже наиболѣе тяжелыя послѣдствія системы крѣпостного права,—и это было бы громаднымъ шагомъ впередъ. Но нужно сознаться, что проектъ конституціи былъ незаконченъ и незрѣлъ и что онъ ставилъ передъ русскимъ обществомъ задачи, которыя оно едва ли могло бы разрѣшить. Нетрудно себѣ представить, что оно постепенно освоилось бы съ новыми порядками и что устраненіе цѣлаго ряда основныхъ недостатковъ предшествовавшаго государственнаго строя и системы управленія, а также сословныхъ отношеній принесло бы значительную пользу и перевѣсило бы тотъ вредъ, который проистекалъ бы отъ недостаточной подготовки русскаго народа къ жизни и работѣ въ предложенныхъ Сперанскимъ конституціонныхъ формахъ. Пришлось бы переждать періодъ броженія, можетъ быть, даже революціонныхъ движеній, и изъ этого періода смутъ вышла бы потомъ новая Россія. Но это было бы возможно и мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы царь взялъ исполненіе въ свои руки и поставилъ бы въ полную зависимость отъ него всѣ остальныя задачи, разрѣшенія которыхъ бы требовала переживаемая критическая эпоха. Такъ поступилъ Петръ Великій, осуществившій свои великія реформы среди войны со шведами и тѣмъ самымъ создавшій новую Россію.

Но Александръ не унаслѣдовалъ вовсе положительныхъ силъ Петра. По всему своему складу онъ былъ одаренъ скорѣе пассивными, чѣмъ активными способностями; ему недоставало прежде всего любви къ творческой работѣ, въ реформахъ же духъ его искалъ скорѣе эстетическаго наслажденія, которое доставляется самосозерцаніемъ, когда находятъ себѣ выраженіе благородныя

намѣренія и возвышенныя чувства. Потребность обратить ихъ въ дѣйствія и осуществить въ реальной политической жизни была въ немъ очень ничтожна. Къ тому же его вниманіе постоянно отвлекалось крупными міровыми дѣлами.

Изъ проектовъ Сперанскаго получила осуществленіе только огранизація государственнаго совѣта; все остальное осталось по старому. Самое главное заключалось въ томъ, что законы и распоряженія, до утвержденія императоромъ, обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, а Александръ затѣмъ утверждалъ мнѣніе большинства [1]). Императоръ назначалъ членовъ государственнаго совѣта, въ составъ котораго по должности входили и министры и предсѣдательствовалъ лично или чрезъ особо назначаемаго замѣстителя въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Различали четыре департамента [2]) и соединенное засѣданіе, въ которомъ постановлялось окончательное рѣшеніе по разсмотрѣннымъ департаментами дѣламъ. Государственная канцелярія, во главѣ которой стоялъ государственный секретарь, подготовляла подлежавшія обсужденію дѣла и оказывала этимъ весьма опасное вліяніе на часто вялыхъ и по большей части недостаточно подготовленныхъ членовъ государственнаго совѣта. Однако, дѣло часто доходило и до страстныхъ преній. Здѣсь могли свободнѣе развернуться природныя ораторскія способности русскихъ. При государственномъ совѣтѣ состояли кромѣ того еще двѣ комиссіи: одна вырабатывала законопроекты, а другая принимала прошенія и разсматривала жалобы на сенатъ и на министерства.

Этимъ создавалась, конечно, возможность контроля надъ бюрократіей во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, что могло бы принести очень большую пользу, если бы въ государственномъ совѣтѣ засѣдали надлежащія люди и если бы Александръ согласился на такое ограниченіе своей самодержавной власти. Ни того, ни другого не случилось. Тамъ, гдѣ Александру было нужно, онъ и вопреки государственному совѣту умѣлъ настоять на своемъ. А съ назначеніемъ Аракчеева на постъ предсѣдателя военнаго департамента государственнаго совѣта, въ той отрасли управленія, которой, начиная съ поворота большой политики 1812 г., были

---

[1]) Эта формула гласитъ: «по выслушаніи государственнаго совѣта». Въ 1842 году она была отмѣнена. Какъ Александръ I, такъ и Николай часто утверждали мнѣніе меньшинства.

[2]) Законовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и военный.

подчинены всѣ остальныя силы государства, встала у руля властолюбивая и деспотическая воля.

Ближайшія задачи, поставленныя государственному совѣту Александромъ, заключались въ составленіи свода гражданскихъ законовъ, въ проектѣ реорганизаціи министерствъ и въ выработкѣ финансоваго плана. Для этихъ дѣлъ были установлены особыя общія собранія, въ которыхъ предсѣдательствовалъ императоръ въ теченіе 1811 и начала 1812 г.; текущія же дѣла рѣшались безъ него (обыкновенно по четвергамъ). Но Наполеоновское нашествіе снова все остановило, а послѣ войны государственный совѣтъ занимался почти исключительно спорными юридическими вопросами, переданными ему сенатомъ.

Никто въ Россіи не сожалѣлъ о постепенномъ упадкѣ государственнаго совѣта. Онъ не пріобрѣлъ популярности, потому что ему пришлось начать съ повышенія податей, а позже онъ оставался совсѣмъ въ тѣни.

Послѣ паденія Сперанскаго и возстановленія мира Александръ все-таки не оставлялъ мысли дать странѣ конституцію. Польская конституція имѣла въ его глазахъ значеніе подготовительнаго шага, и онъ не скрывалъ отъ польскаго парламента 1818 г., что дѣйствительной цѣлью его стараній является конституція для всей Россіи. На этомъ онъ твердо стоялъ. Онъ поручилъ Новосильцеву выработать новую русскую конституцію. Къ октябрю 1819 г. планъ ея ужъ былъ законченъ въ проектѣ, получившемъ безусловное одобреніе Александра, а затѣмъ на этой основѣ была дѣйствительно выработана новая конституція. Къ 1821 г. она уже была въ рукахъ у Александра, ожидая только царской подписи.

Въ этой конституціи многое напоминаетъ проектъ Сперанскаго отъ 1809 г. Его идеи дали общія очертанія для позднѣйшаго созданія; но нѣкотрую роль сыгралъ, конечно, и опытъ Александра и Новосильцева съ польской конституціей. Главное различіе заключается въ томъ, что вмѣсто предположенной Сперанскимъ однопалатной системы здѣсь выступаетъ двухпалатная, причемъ верхней палатой служитъ расширенный сенатъ, а нижней—представительное собраніе, частью выборное, частью назначенное. Оба вмѣстѣ составляютъ государственную думу, которой въ намѣстничествахъ и губерніяхъ соотвѣтствуютъ также двухпалатныя областныя и губернскія думы. Для всѣхъ нижнихъ палатъ дѣйствуетъ общее правило, на основаніи котораго для участія въ выборахъ требуется возрастъ не ниже 30-ти лѣтъ, обладаніе правами гражданства и уплата опредѣленныхъ пода-

тей, высота которыхъ устанавливается въ каждомъ намѣстничествѣ.

Государственная дума *обсуждаетъ* всѣ законопроекты, вносимые въ нее государственномъ совѣтомъ именемъ императора, предложенія императора, касающіяся повышенія или пониженія налоговъ, ихъ распредѣленія, равно какъ и всего государственнаго бюджета, и вообще все, о чемъ ее запроситъ императоръ.

Она обсуждаетъ также отчетъ общаго собранія государственнаго совѣта о положеніи государства и разбираетъ его въ

Паркъ въ Павловскѣ.

комиссіяхъ, выслушиваетъ представленія членовъ государственной думы по порученію избирателей и передаетъ извлеченіе изъ выраженныхъ въ письменной формѣ пожеланій государственному совѣту, который подноситъ его для рѣшенія императору. Законопроекты, редактированные въ государственномъ совѣтѣ, также обсуждаются въ комиссіяхъ [1]), но измѣнить ихъ на основаніи высказанныхъ въ комиссіяхъ соображеній можетъ только государственный совѣтъ.

---

[1]) Такихъ комиссій предусматривалось три: для законодательства, управленія и финансовъ.

Тильзитскій миръ. Снято у кн. Куракина.

Сессіи государственной думы сзываются, продолжаются, отсрочиваются и распускаются императоромъ. Каждая сессія длится 30 дней; императоръ рѣшаетъ, въ какую палату должны быть раньше внесены законопроекты; онъ же разрѣшаетъ свободное и публичное обсужденіе. Голосованіе производится устно, простымъ большинствомъ, но результатъ его выражаетъ собою лишь мнѣніе или пожеланіе.

Проектъ, внесенный въ одну палату, не можетъ быть измѣненъ другой палатой, а только принятъ или отклоненъ. Законопроектъ, принятый обѣими палатами, подносится императору, усмотрѣнію котораго предоставляется принять его или отклонить.

Избирательное право распространяется также на чиновниковъ и (что особенно замѣчательно) на военныхъ, но тѣ и другіе должны спрашивать согласія своего начальства [1]).

Мы не станемъ разбирать менѣе существенныя подробности, такъ какъ насъ интересуютъ только основныя идеи. Весь аппаратъ былъ созданъ съ цѣлью установить продуктивный контроль надъ бюрократіей и дать царю возможность видѣть дѣйствительныя условія русской жизни. Неудобная иниціатива снизу была тщательно устранена, такъ же тщательно соблюденъ совѣщательный характеръ представительныхъ учрежденій и приняты мѣры къ тому, чтобы правительство всегда имѣло возможность устранить нежелательныхъ лицъ отъ участія въ представительныхъ учрежденіяхъ, какъ путемъ тщательнаго подбора, такъ и путемъ прямого вліянія на выборы.

Распоряженія, касающіяся независимости юстиціи отъ администраціи, и вообще судебнаго вѣдомства, менѣе фиктивны и имѣютъ нѣкоторое реальное значеніе. Но всего важнѣе были гарантированныя императоромъ опредѣленія, которыя по англійскому образцу, ясно замѣтному и въ польской конституціи, обезпечиваютъ равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ и охраняютъ свободу личности и имущества отъ злоупотребленія властей [2]).

---

[1]) Распространеніе избирательнаго права на офицеровъ, такъ какъ рѣчь, конечно, идетъ только о нихъ, объясняется, вѣроятно, полной невозможностью при исключеніи военныхъ найти подходящихъ лицъ.

[2]) §§ 82—98:

§ 82. Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или задержанъ, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ законѣ, и съ соблюденіемъ предписанныхъ имъ формъ.

§ 83. Всякое произвольное задержаніе есть преступленіе, наказуемое согласно уложенію о наказаніяхъ.

Если бы всѣ эти общія узаконенія были дѣйствительно осуществлены, то получилось бы болѣе полное измѣненіе основъ общественной и частной жизни, чѣмъ при осуществленіи идей Сперанскаго. По необходимости постепенно уничтожилась бы крѣпостная зависимость, такъ какъ у владѣльцевъ отнималось право распоряжаться свободой, жизнью и имуществомъ ихъ «душъ». Правда, «общія узаконенія» не затрагиваютъ непосредственно этой проблемы, но лишаютъ ее основъ, а безъ послѣднихъ должно рано или поздно рухнуть все сооруженіе.

Для характеристики Александра имѣетъ большое значеніе то обстоятельство, что онъ не провелъ въ своей правительственной практикѣ даже той части «общихъ узаконеній», которую онъ могъ бы провести въ области управленія безъ ущерба для своей самодержавной власти. Мы имѣемъ въ виду прежде всего устраненіе произвола на судѣ и въ администраціи, произвола, который нигдѣ не выступаетъ въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ устройствѣ военныхъ поселеній, осуществленномъ царемъ съ безпощадной жестокостью, и въ полнѣйшемъ безсиліи правосудія надъ богатыми помѣщиками и высокопоставленными чиновниками и военными.

---

§ 84. Арестованному лицу должны быть указаны причины его ареста немедленно и въ письменной формѣ.

§ 85. Въ теченіе трехъ дней и, если прокуратура ходатайствовала объ отсрочкѣ, то не позже шести — каждое арестованное лицо должно быть представлено въ надлежащій судъ для производства надъ нимъ слѣдствія или суда, по установленнымъ формамъ, подъ страхомъ обвиненія въ злоупотребленіи властью того должностнаго лица, которое не выполнитъ въ точности этого предписанія. Если на предварительномъ слѣдствіи устанавливается невиновность обвиняемаго, то онъ немедленно долженъ быть отпущенъ на свободу.

§ 86. Во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ закономъ, лицо, внесшее залогъ, освобождается отъ предварительнаго заключенія.

§ 87. Никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ силу установленнаго закона, изданнаго раньше совершенія преступленія и законнымъ образомъ примѣненнаго надлежащимъ судомъ.

§ 88. Ходатайство о помилованіи допускается для всѣхъ лицъ, присужденныхъ къ смертной казни, къ ссылкѣ и каторжнымъ работамъ на срокъ болѣе 15 лѣтъ.

§ 89. Печати обезпечивается свобода, законъ долженъ установить средства для устраненія злоупотребленій со стороны печати.

§ 90. Каждый русскій подданный имѣетъ право поселиться въ иностранномъ государствѣ, переѣхать туда лично и перевести свое имущество, сообразно съ изданными по этому предмету законами.

§ 91. Русскій народъ получаетъ навсегда народное представительство: оно заключается въ сеймѣ, состоящемъ изъ государя и двухъ палатъ: пер-

Здѣсь, какъ и въ теченіе всего его царствованія, сказывается недостатокъ воли наряду съ яснымъ пониманіемъ: единственнымъ оправданіемъ императору, пожалуй, можетъ служить то обстоятельство, что онъ относился съ недовѣріемъ, и часто съ презрѣніемъ къ тѣмъ орудіямъ, которыми ему приходилось пользоваться.

Стоитъ на одну минуту взглянуть на русское государственное устройство въ его подлинномъ видѣ, чтобы замѣтить огромный контрастъ между идеально задуманными планами императора и тѣми условіями, съ которыми ему приходилось считаться.

Къ тому времени, когда закончился вмѣстѣ съ освободительной войной и первый періодъ организаторской дѣятельности Александра, центральное государственное управленіе состояло

вая, такъ называемая верхняя палата, образуется изъ сената; вторая, такъ называемая палата представителей, составляется изъ представителей и депутатовъ отъ общинъ.

§ 92. Гражданскія, общественныя и военныя должности могутъ исправляться только подданными государства.

§ 93. Всякій иностранецъ, получившій права гражданства, пользуется наравнѣ съ остальными жителями покровительствомъ законовъ и премуществами, которыя они ему обезпечиваютъ. Онъ можетъ, какъ они, остаться въ странѣ, выѣхать изъ нея и возвратиться сообразно установленнымъ законамъ. Кромѣ того, онъ можетъ пріобрѣтать недвижимое имущество.

§ 94. Всякій натурализованный иностранецъ, знающій русскій языкъ, можетъ быть допущенъ къ исправленію общественныхъ должностей послѣ 5 лѣтъ осѣдлости, при условіи безупречнаго поведенія.

§ 95. Тѣмъ не менѣе, государь можетъ по своему усмотрѣнію или по представленію государственнаго совѣта, допустить къ общественнымъ должностямъ иностранцевъ, отличающихся своими талантами.

§ 96. Лица, состоящія на общественной должности, могутъ быть уволены въ административномъ порядкѣ только тою властью, которая назначила ихъ на должность. Эта власть обязана сообразоваться съ установленными по этому предмету правилами. Всякое безъ исключенія лицо, занимающее общественную должность, отвѣтственно за свои служебныя дѣйствія.

§ 97. Всякая собственность, каково бы ни было ея назначеніе или характеръ, находится ли она на поверхности, или въ нѣдрахъ земли, и какому бы лицу она ни принадлежала, объявляется священною и неприкосновенною. Никто не можетъ посягать на нее, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Всякій, кто покушается на собственность другого, объявляется нарушителемъ общественной безопасности и, какъ таковой, подвергается наказанію.

§ 98. Однако, правительство имѣетъ право требовать отъ частнаго лица пожертвованія своею собственностью ради общественной пользы за справедливое вознагражденіе. Законъ долженъ установить случаи и правила примѣненія этого принципа.

изъ государственнаго совѣта, министерствъ и комитета министровъ, правительствующаго сената и святѣйшаго правительствующаго синода.

Государственный совѣтъ, основанный въ 1802 году и преобразованный въ 1810 г., долженъ былъ, какъ мы видѣли, стоять во главѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Каждое дѣло могло быть въ послѣдней инстанціи перенесено въ одинъ изъ его четырехъ департаментовъ. Здѣсь были департаменты: законовъ, военный, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и, наконецъ, государственной экономіи. Всѣ они должны были сообща «поддерживать порядокъ и охранять государство хорошими законами», какъ выразился Александръ 1/13-го января 1810 г. при открытіи преобразованнаго государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ является въ его глазахъ вѣдомствомъ, въ которомъ сходятся всѣ отрасли управленія въ ихъ отношеніи къ законодательству и черезъ которое онѣ доходятъ до императора. Здѣсь должны были выполняться тѣ функціи, которыя Сперанскій предназначалъ для государственной думы. При Александрѣ въ составъ государственнаго совѣта входило 76 лицъ, большею частью высшіе военные чины, бывшіе губернаторы и министры, отставные высшіе гражданскіе и придворные чины, кромѣ того всѣ состоящіе въ данное время въ должности министровъ.

Однако, какъ мы видѣли, государственный совѣтъ при Александрѣ никогда не имѣлъ того значенія, которое первоначально предполагалось ему дать. Его роль перешла частью къ министерствамъ, частью къ сенату, такъ что главная его дѣятельность состояла въ изданіи и толкованіи законовъ, а въ особыхъ случаяхъ и въ окончательномъ рѣшеніи трудныхъ судебныхъ дѣлъ.

Гораздо большее практическое значеніе имѣли 8 министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военное, морское, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, полиціи и торговли [1]). За исключеніемъ трехъ первыхъ, всѣ эти министерства образовались изъ соединенія существовавшихъ до 1802 г. 21 коллегіи и экспедиціи. Однако, вскорѣ начались между сенатомъ и министерствами споры о компетенціи. Кромѣ того, оказалось, что для произвола отдѣльныхъ министровъ открыто слишкомъ широкое поприще; наконецъ, отвѣтственность министровъ не была достаточно строго обусловлена и могла оказаться вполнѣ призрачной въ случаѣ покрытія указами императора. Поэтому Александръ въ 1810 году произвелъ

---

[1]) Къ нимъ впослѣдствіи было присоединено еще 4 министерства, въ томъ числѣ министерство двора.

преобразованіе, которымъ вводилось общее собраніе министровъ и совѣтъ министровъ. Это общее собраніе или комитетъ министровъ постепенно пріобрѣтало все большее и большее значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ въ немъ занялъ предсѣдательское мѣсто всемогущій любимецъ императора Аракчеевъ. Мало-по-малу здѣсь стали рѣшаться всѣ текущія дѣла. Одно ужъ то, что всѣ министры засѣдали не только въ государственномъ совѣтѣ, но и въ сенатѣ, давало имъ преобладающее значеніе. Кромѣ того, засѣданіе государственнаго совѣта не считалось законнымъ, если въ немъ не присутствовали, по крайней мѣрѣ, 5 министровъ, въ томъ числѣ министръ, къ вѣдомству котораго относилось подлежавшее разсмотрѣнію дѣло. Текущія же дѣла разсматривались въ комитетѣ, состоявшемъ изъ однихъ министровъ, при чемъ первое время императоръ самъ принималъ участіе въ его засѣданіяхъ. Только въ принципѣ считалось нужнымъ передавать важнѣйшія дѣла въ государственный совѣтъ.

Въ сентябрѣ 1805 г. комитетъ министровъ получилъ уставъ, по которому всѣ дѣла, требовавшія соглашенія между нѣсколькими вѣдомствами, должны были вноситься въ комитетъ, и который разрѣшалъ министрамъ, по ихъ усмотрѣнію, вносить сюда на обсужденіе также дѣла, подлежавшія внесенію въ государственный совѣтъ. Этимъ самымъ кругъ дѣятельности комитета значительно расширялся: всѣ дѣла, которыя должны были докладываться императору, все, что императоръ отъ себя передавалъ комитету, и, наконецъ, все, что самимъ министрамъ угодно было въ сомнительныхъ случаяхъ сюда вносить, — все это составляло предметъ его занятій. Рѣшенія принимались большинствомъ голосовъ, а императору подносился на утвержденіе журналъ засѣданій, такъ что окончательное рѣшеніе оставалось въ его рукахъ.

Начиная съ 1805 г., императоръ передавалъ на время своего отсутствія изъ страны комитету министровъ управленіе государствомъ съ особыми полномочіями [1]), поэтому его права оказались много выше, чѣмъ у остальныхъ властей. Однако, по возвращеніи императора изъ Эрфурта (28-го октября 1808 года), прекратилось участіе Александра въ его засѣданіяхъ. Онъ началъ принимать доклады отъ отдѣльныхъ министровъ и лишилъ комитетъ права приводить въ исполненіе рѣшенія, которыя не

---

[1]) Такъ было въ 1806, 1807, 1808, 1810, 1812—1814 гг. Журналы комитета велъ въ это время статсъ-секретарь Молчановъ.

были представлены на утвержденіе императора. Наоборотъ, сфера дѣятельности комитета продолжала по прежнему расширяться. Ему передавались на просмотръ даже доклады сената; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, прекратилась отвѣтственность министровъ передъ сенатомъ. Можно было почти сказать, что прежнее отношеніе перешло въ обратное, хотя въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ не было произведено никакихъ измѣненій. Если прежде законодательная дѣятельность Александра была направлена на децентрализацію, то съ 1808 г. обнаруживается у него стремленіе усилить исполнительную власть и полицію и придать своему правленію еще болѣе личный характеръ, чѣмъ раньше. Въ это именно время царь работалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ надъ переустройствомъ государства и, какъ мы помнимъ, въ его проектѣ конституціи нѣтъ мѣста для комитета министровъ. Но паденіе Сперанскаго и новое положеніе, созданное французскимъ нашествіемъ и участіемъ Россіи въ освободительныхъ войнахъ, привело къ тому, что комитетъ министровъ снова сдѣлался центромъ правительства. Въ лицѣ фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова императоръ назначилъ его предсѣдателемъ человѣка, пользовавшагося его безусловнымъ довѣріемъ, и ввелъ въ него кромѣ министровъ еще коменданта С.-Петербурга, министра полиціи и государственнаго контролера, такъ что комитетъ состоялъ изъ 13 лицъ [1]).

Графъ Растопчинъ зло, но, какъ всегда, остроумно нарисовалъ намъ портретную галлерею лицъ, поставленныхъ въ то время императоромъ во главѣ Россіи.

«Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ», пишетъ онъ, «былъ болѣзненый старикъ, который держался въ живыхъ только съ помощью аптеки. Онъ пользовался извѣстною милостью въ теченіе трехъ царствованій: при Екатеринѣ онъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи и военнымъ министромъ; она до-

---

[1]) Членами комитета министровъ въ 1812—1815 г.г. являются: графъ (впослѣдствіи князь) Н. И. Салтыковъ, его замѣститель С. К. Вязьмитиновъ, военный министръ князь А. И. Горчаковъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. П. Румянцевъ, министръ юстиціи Д. Д. Трощинскій, внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, финансовъ Д. А. Гурьевъ, народнаго просвѣщенія А. К. Разумовскій и князь А. Н. Голицынъ, полиціи А. Д. Балашевъ, государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ, управляющій министерствомъ полиціи и С.-Петербургскій военный губернаторъ С. К. Вязьмитиновъ (онъ же товарищъ предсѣдателя), въ качествѣ управляющаго вѣдомствомъ иностранныхъ исповѣданій и почтъ-директора опять князь А. Н. Голицынъ, государственный секретарь А. С. Шишковъ и секретарь комитета статсъ-секретарь П. С. Молчановъ.

вѣрила ему также воспитаніе обоихъ своихъ внуковъ — Александра и Константина. При Павлѣ онъ оставался военнымъ министромъ. Онъ сопровождалъ его въ 1781 и 1782 гг. въ путешествіи за границу и въ день вошествія на престолъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы. При Александрѣ онъ опирался на свои педагогическія права, и хотя воспитанникъ хорошо его зналъ, однако, онъ умѣлъ сохранять свое положеніе съ помощью небольшихъ интригъ, изъ которыхъ извлекалъ пользу. Онъ былъ очень уменъ, имѣлъ обширныя познанія и привыкъ къ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оказался совершенно безполезнымъ, такъ какъ былъ маловаженъ и лживъ. Никогда въ жизни онъ не говорилъ «да» или «нѣтъ», поэтому и его мнѣніе въ дѣлахъ ничего не значило. Онъ никогда ясно не высказывался, но выработалъ себѣ манеру говорить непонятно. Онъ былъ корыстолюбивъ и скупъ и пріобрѣлъ бы огромное состояніе, если бы обладалъ хотя частицей энергіи, которая одинаково необходима для великихъ героевъ и для великихъ разбойниковъ».

«Князь Лопухинъ, дворянинъ древняго рода, но очень бѣдный, вышелъ въ отставку полковникомъ и женился гдѣ-то въ провинціи на богатой наслѣдницѣ [1]). Императрица Екатерина во время своего пребыванія въ Москвѣ въ 1775 г., для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, была очень довольна полиціймейстеромъ Архаровымъ и просила его рекомендовать ей столь же усерднаго и дѣятельнаго человѣка. Онъ назвалъ своего друга Лопухина, и императрица назначила его с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Достигши чина генералъ-маіора, онъ сдѣлался московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ чинѣ генералъ-лейтенанта — ярославскимъ и вологодскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ этой должности онъ оставался до начала царствованія Павла, который уничтожилъ это генералъ-губернаторство».

«Князь Безбородко, сдѣлавшійся противъ воли любовникомъ Лопухиной, добился назначенія ея мужа сенаторомъ въ московскомъ департаментѣ и выхлопоталъ ему къ коронаціи орденъ Александра-Невскаго. Императоръ Павелъ обратилъ вниманіе на дочь Лопухина, которая съ нимъ кокетничала, вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, и чтобы быть ближе къ дочери, вызвалъ отца въ Петербургъ, сдѣлалъ его генералъ-прокуроромъ и далъ ему голубую ленту. Когда же семья Лопухина

---

[1]) На Прасковьѣ Ивановнѣ Левшиной. Ея родъ восходитъ къ вышедшему изъ Швабіи въ ноябрѣ 1365 г. Спеволѣ Левенштейну, который по-русски назывался Суволъ-Левша.

также переѣхала въ Петербургъ, онъ подарилъ ей красивый домъ, великолѣпный сервизъ, имѣніе, приносившее 200,000 р. доходу, возвелъ Лопухина въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлость, далъ ему свой портретъ,—все въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Когда же Лопухинъ вознамѣрился устранить лицъ, окружавшихъ императора и замѣнить ихъ своими креатурами,—то сломалъ себѣ шею: онъ долженъ былъ выйти въ отставку и жилъ въ Москвѣ, покинутый собственною дочерью. Въ началѣ царствованія Александра онъ ѣздилъ за границу, оттуда онъ былъ вызванъ и назначенъ министромъ юстиціи. Въ этой должности онъ оставался 5 лѣтъ и закончилъ свою карьеру предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Трудно быть способнѣе этого человѣка. Съ дальновиднымъ умомъ онъ соединяетъ необычайную проницательность и большую легкость въ работѣ. Онъ вкрадчивъ, льстивъ, съ дѣланной прямотой, большой поклонникъ прекраснаго пола, до крайности, лѣнивъ и лживъ. Этотъ человѣкъ сохранялъ свое положеніе умомъ, порочностью и терпѣніемъ и этимъ же способомъ пріобрѣлъ средства привязать къ себѣ множество людей, которымъ онъ оказалъ услугу и поведенія которыхъ онъ какъ будто не замѣчалъ».

«Вязьмитиновъ [1])—сынъ солдата. Онъ воспитался въ канцеляріи маршала Чернышева, обладавшаго цѣннымъ даромъ находить талантливыхъ людей и воспитывать ихъ. Вязьмитиновъ сдѣлался его адъютантомъ и служилъ затѣмъ въ арміи. При вступленіи на престолъ Павла онъ былъ пензенскимъ губернаторомъ. Императоръ перевелъ его въ военную коллегію и поставилъ во главѣ комиссіи, на которой лежала экипировка арміи. При императорѣ Александрѣ I онъ сдѣлался военнымъ министромъ, а затѣмъ во время войны с.-петербургскимъ главнокомандующимъ. За это онъ получилъ голубую ленту и, наконецъ, графскій титулъ, котораго онъ не передастъ по наслѣдству, такъ какъ онъ бездѣтенъ. Вязьмитиновъ былъ очень уменъ, былъ любитель изящныхъ искусствъ, недурной композиторъ, хорошо говорилъ по-русски, работалъ постоянно и легко, былъ честенъ и имѣлъ много качествъ, для того, чтобы сдѣлаться выдающимся государственнымъ человѣкомъ. Ему не хватало характера, его манеры и способъ обращенія напоминали о его происхожденіи. Ему пришлось слишкомъ долго напрягать свои силы, чтобы держаться на высотѣ важныхъ задачъ, которыя ему выпали, когда онъ былъ уже старъ».

---

[1]) Родился въ 1749 г., умеръ въ 1819 г.

«Составъ министерства былъ слѣдующій:

«Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Николай Румянцевъ; онъ былъ второй сынъ знаменитаго фельдмаршала, получилъ тщательное воспитаніе и путешествовалъ съ Гриммомъ, писателемъ и другомъ Екатерины. Онъ былъ посланникомъ во Франкфуртѣ и аккредитованъ при французскихъ принцахъ въ Кобленцѣ. При Павлѣ онъ сдѣлался оберъ-шенкомъ и получилъ голубую ленту. За Абосскій миръ Александръ назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ. Послѣ Эрфутской конференціи онъ былъ въ Парижѣ, и сопровождалъ императора въ Вильну (1812 г.), перенесъ тамъ ударъ и возвратился въ Петербургъ. Румянцевъ былъ свѣтскій человѣкъ, съ манерами вельможи. Его политика по отношенію къ Наполеону сводилась къ двумъ идеямъ: 1) выиграть время; 2) избѣжать войны.

«Публика, которая вѣрнымъ слугамъ всегда платитъ клеветою и является послушнымъ эхомъ глупости, считала его приверженцемъ Наполеона, пренебрегавшимъ интересами отечества. Эта клевета опровергается его именемъ, приверженностью его императору и благороднымъ образомъ мыслей.

«Министръ финансовъ Гурьевъ уменъ, крайне любезенъ въ небольшомъ кругу, но безъ иного образованія кромѣ плавной французской рѣчи. Онъ въ высшей степени пронырливъ и честолюбивъ, все относитъ къ себѣ, заваленъ дѣлами и исполняетъ ихъ въ полуснѣ; такъ же тяжелъ на подъемъ, какъ и медлителенъ въ работѣ, любитель поѣсть и охотникъ до новостей, легко доступенъ для прожектеровъ и готовъ всѣмъ пожертвовать для того, чтобы удержатся въ милости и увеличить свое состояніе.

«Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій состоитъ министромъ народнаго просвѣщенія; это — человѣкъ съ большими умственными способностями и познаніями, но эгоистичный и неописуемо вялый. Несмотря на неисчислимыя богатства, его имущественныя дѣла разстроены. Онъ вышелъ въ отставку при Екатеринѣ, а въ 1811 г. поступилъ снова на службу для того, чтобы получить нѣсколько орденовъ, которыхъ не хватало для его тщеславія.

«Маркизъ де-Траверсе происходитъ изъ Санъ-Доминго. Онъ былъ французскимъ офицеромъ во время революціи и еще при Екатеринѣ поступилъ капитаномъ на русскую службу и дошелъ до вице-адмирала. Министромъ онъ сдѣлался послѣ Чичагова. Это было ничтожество, безъ собственной воли и взглядовъ. Главною его заботой было обогащаться насчетъ поставокъ. Морскіе офицеры его ненавидѣли, а жена его била.

«Дмитріевъ былъ уволенъ при Екатеринѣ офицеромъ гвардіи Въ началѣ царствованія Павла онъ состоялъ подъ судомъ въ качествѣ заговорщика, но былъ признанъ невиновнымъ и поступилъ на гражданскую службу. Въ качествѣ московскаго сенатора, онъ былъ назначенъ въ 1810 г. министромъ юстиціи. Онъ могъ бы сдѣлаться полезнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, но онъ—поэтъ и состоитъ въ плѣну у своего воображенія. Онъ очень чувствителенъ, въ обществѣ неуклюжъ, очень ревнивъ къ тому, чтобы заставить считаться съ своимъ положеніемъ. Онъ оставилъ свою должность съ пенсіей въ 10000 рублей и принялъ на себя въ Москвѣ обязанности начальника тайной полиціи.

«Генералъ-лейтенантъ Горчаковъ временно получилъ управленіе военнымъ министерствомъ во время отсутствія Барклая-де-Толли для принятія главнаго командованія надъ арміями. Этотъ Горчаковъ приходится по матери племянникомъ великому Суворову, а по женѣ—племянникомъ фельдмаршалу Салтыкову. Будучи крайне незначителенъ, онъ считалъ себя красавцемъ, разъигрывалъ его и предоставилъ всѣ дѣла своему секретарю. Самъ онъ тратилъ все свое время на интриги для того, чтобы добиться милости двора и какой-нибудь награды. Онъ старался подражать своему дядѣ генералиссимусу Суворову, держалъ рѣчи къ солдатамъ, рекрутамъ и больнымъ въ госпиталяхъ».

Къ сожалѣнію, не хватаетъ продолженія этихъ характеристикъ, несмотря на нѣкоторую односторонность, крайне поучительныхъ. Онѣ объясняютъ намъ, почему результаты трудовъ комитета министровъ столь жалкіе. При этомъ нужно имѣть еще въ виду, что недостатки, несомнѣнно присущіе верхамъ администраціи, выступали еще въ гораздо большей степени у ихъ чиновниковъ — какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Это была цѣлая толпа людей, которые искали и находили собственную выгоду при исполненіи государственныхъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что пришлось расширить даже канцелярію комитета министровъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго распространенія круга ея дѣятельности; на комитетѣ лежало все бремя матеріальныхъ заботъ, вызванныхъ войною: мобилизація, обмундировка и содержаніе арміи, забота о пострадавшихъ отъ войны областяхъ и, наконецъ, все, что касалось финансовъ и полиціи [1]). Особенно большое значеніе получили два послѣднихъ вѣдомства.

---

[1]) Полиціей завѣдывалъ не министръ полиціи Балашевъ, а Вязьмитиновъ; императоръ Александръ презиралъ Балашева и не довѣрялъ ему, но не считалъ возможнымъ обходиться безъ него изъ-за его хитрости.

Необходимость соблюдать тайну привела въ это время къ образованію комиссіи изъ среды комитета министровъ, при чемъ Салтыковъ обыкновенно состоялъ членомъ этихъ особыхъ комиссій. Такъ, существовала сибирская комиссія, тарифная, особая комиссія по дѣламъ Волыни, Крыма, Донской области, Западныхъ губерній и т. д. Обыкновенно эти комиссіи должны были докладывать результаты своихъ трудовъ общему собранію, т.-е. комитету министровъ, но въ финансовыхъ и полицейскихъ дѣлахъ— тамъ, гдѣ этого требовала польза государства, предсѣдатель вмѣстѣ съ однимъ или нѣсколькими членами дѣлали окончательное постановленіе единолично.

Нѣкоторая перемѣна произошла лишь по окончаніи войны, вслѣдствіе обнаруженныхъ безчисленныхъ неправильностей и подлоговъ, такъ какъ среди виновныхъ оказалось нѣсколько членовъ комитета. Такъ, напримѣръ, военный министръ князь Горчаковъ былъ отданъ подъ судъ, а статсъ-секретарь Молчановъ посланъ за границу для поправленія здоровья. Его мѣсто занялъ 24 декабря 1815 г. статсъ-секретарь Марченко, который былъ подручнымъ императора во время войны и на вѣнскомъ конгрессѣ и велъ его переписку съ комитетомъ министровъ по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія Россіей, кромѣ военныхъ. Это былъ малороссъ, не знавшій ни одного иностраннаго языка, но умный и дѣловитый. Благодаря ему и, еще больше, благодаря особому положенію, данному императоромъ Аракчееву, который кромѣ родного зналъ только нѣмецкій языкъ, комитетъ министровъ сталъ болѣе русскимъ, Аракчеевъ сдѣлался блюстителемъ, а вскорѣ затѣмъ деспотическимъ хозяиномъ комитета министровъ; хотя права комитета ничуть не уменьшились, однако, члены его теряли свое вліяніе, по мѣрѣ того, какъ возрастало довѣріе царя къ Аракчееву, достигшее вскорѣ безграничныхъ размѣровъ. Министры больше не вызывались къ императору для доклада; по всѣмъ дѣламъ комитета докладывалъ одинъ Аракчеевъ. Между тѣмъ властолюбіе Аракчеева распространялось въ такой степени на всѣ мелочи, какъ и на самую суть дѣла; онъ стремился проявить свою волю какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ; Александръ же, въ противоположность Павлу, чувствовалъ глубокую антипатію ко всякой детальной работѣ; а такъ какъ всѣ государственныя дѣла могли входить въ сферу дѣятельности комитета министровъ, то Аракчеевъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ правителемъ страны. Обойти его не было никакой возможности, а его желѣзное прилежаніе и любовь къ порядку помогали ему одолѣть огромную работу, которую взваливало на

его плечи властолюбіе. Такое положеніе перваго любимца бросалось тѣмъ болѣе въ глаза, что, послѣ смерти фельдмаршала Салтыкова весною 1816 г., Александръ назначилъ предсѣдателя государственнаго совѣта князя П. В. Лопухина также предсѣдателемъ комитета министровъ, а его товарищами были такіе способные люди какъ Кочубей, адмиралъ Мордвиновъ и Куракинъ. Аракчеевъ до конца оставался только членомъ; но онъ былъ alter ego императора, а министры, въ сущности, его агентами. Къ тому же онъ былъ мстителенъ и ревнивъ къ милости императора, и умѣлъ не допускать непріятныхъ для него лицъ къ прямому общенію съ Александромъ; поэтому вскорѣ не осталось никого, кто бы не боялся и не ненавидѣлъ «дракона».

«У насъ, пишетъ 15-го декабря 1819 г. изъ Петербурга генералъ Закревскій своему другу генералу Киселеву,—теперь двоякаго рода чума: та, что свирѣпствуетъ у васъ и должна будетъ прекратиться, когда будутъ приняты надлежащія мѣры; другая же чума называется Аракчеевъ, и отъ нея наше отечество избавится только тогда, когда онъ умретъ,—до чего мы едва ли доживемъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ — самый вредный человѣкъ въ Россіи». Такъ думалъ не только Закревскій, но и всѣ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, за исключеніемъ только императора Александра. Мы уже указывали, какіе доводы можно привести для объясненія этого на первый взглядъ необъяснимаго факта. Нѣкоторую роль при этомъ сыграла, конечно, необычайная работоспособность этого человѣка и его умѣнье извлечь изъ подчиненныхъ все, что могло быть полезно для его цѣлей. Онъ могъ по первому же взгляду угадывать способности людей и ставить ихъ затѣмъ на надлежащее мѣсто. Онъ всегда исполнялъ то, что обѣщалъ, рѣшалъ быстро и умѣлъ настоять на исполненіи своихъ рѣшеній. За то его самого невозможно было ни къ чему принудить. Насколько хитро онъ умѣлъ преслѣдовать свои цѣли наверху,—настолько же онъ былъ беззастѣнчиво откровененъ со своими подчиненными и не стѣснялся передъ ними давать волю своимъ страстямъ. Они ни при какихъ условіяхъ не имѣли возможности на него жаловаться, поэтому ему не къ чему было дѣлать надъ собою усилій. Онъ былъ корыстолюбивъ, былъ по церковному набоженъ, какъ того требовалъ «порядокъ», всегда склоненъ къ строгости, которая могла доходить до безчеловѣчной жестокости, и страстный формалистъ; съ тѣхъ же поръ, какъ онъ сдѣлался душой и волей комитета министровъ, всѣ эти свойства нашли свое отраженіе и на всѣхъ отрасляхъ внутренняго управленія.

Единственнымъ вѣдомствомъ, вполнѣ ускользавшимъ отъ его вліянія, было министерство иностранныхъ дѣлъ, которое Александръ оставилъ за собой, какъ свою особую область; до 1821 г. въ немъ преобладало вліяніе Каподистріи, который въ заботѣ о судьбѣ своихъ греческихъ соотечественниковъ всегда старался сдѣлать восточныя дѣла центромъ политической дѣятельности Россіи. Нессельроде, который послѣ него одинъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, никогда не имѣлъ дѣйствительнаго вліянія на императора. Онъ былъ стилистомъ и редакторомъ депешъ и непосредственныхъ докладовъ—не болѣе, и, несмотря на постоянныя сношенія съ императоромъ, не имѣлъ никакой власти. Къ тому же ему недоставало характера и твердыхъ убѣжденій, но именно поэтому онъ и былъ удобенъ для нелюбившаго противорѣчій императора. Аракчеевъ не мѣшалъ ему въ его дѣлахъ, ихъ пути нигдѣ не пересѣкались. За то можно было думать, что сенатъ составитъ препятствіе для роста его всемогущества; но этого не случилось. Одно уже то, что мы знаемъ о значеніи, постепенно пріобрѣтенномъ комитетомъ министровъ, показываетъ, что сенатъ въ дѣйствительности занималъ лишь короткое время то положеніе, какое предназначилъ ему Александръ въ 1802 г.

Первоначально сенатъ долженъ былъ служить высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, и его рѣшенія, принятыя въ общихъ собраніяхъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, должны были считаться окончательными. Правда, и здѣсь верховная власть имѣла своего представителя въ лицѣ генералъ-прокурора (эту должность всегда занималъ министръ юстиціи). Если этотъ представитель государственныхъ интересовъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ сената, то могъ пріостановить его исполненіе, пока императоръ не выслушаетъ его и одного или нѣсколькихъ представителей сенатскаго большинства, а затѣмъ постановитъ окончательное рѣшеніе. Въ принципѣ однако нельзя было аппелировать на рѣшенія сената, какъ высшаго блюстителя закона. Единственнымъ законнымъ средствомъ, предусмотрѣннымъ противъ него, была жалоба императору. Но это всегда было опаснымъ шагомъ, такъ какъ жалобы, необоснованныя и признанныя незаконными, имѣли слѣдствіемъ то, что жалобщикъ отдавался подъ судъ.

Различали правительствующій и судебный сенатъ; первому было подчинено все управленіе государствомъ, послѣдній служилъ высшей аппеляціонной инстанціей для всѣхъ судовъ.

Возраставшая власть комитета министровъ дѣлала захваты въ обоихъ направленіяхъ. Если въ общемъ собраніи сената мнѣ-

нія расходились, то министръ юстиціи самъ предлагалъ спорные вопросы на рѣшеніе комитета министровъ; такимъ же образомъ и административныя дѣла брались по усмотрѣнію министровъ изъ подъ вѣдѣнія сената и передавались комитету министровъ. Вскорѣ, какъ мы видѣли, не могло быть вовсе и рѣчи объ отвѣтственности министровъ передъ сенатомъ. Такъ же рѣшительно отнято у него было и право опредѣлять, соотвѣтствуютъ ли вновь изданные законы такъ называемымъ основнымъ законамъ, и если оказывалось налицо нарушеніе основныхъ законовъ, то предлагать министрамъ вновь ихъ обсудить. Практика Александра привела постепенно къ тому, что сенатъ потерялъ вообще всякую иниціативу, даже въ дѣлахъ управленія. Этому могло, конечно, способствовать малое уваженіе императора къ сенату, въ виду состава его членовъ.

Одинъ изъ современниковъ, Пржекловскій, такъ описываетъ Александровскій сенатъ: «Кто достаточно старъ, чтобы помнить это время, тотъ знаетъ, чѣмъ былъ тогда сенатъ: тутъ были собраны въ департаментъ заслуженные люди различныхъ вѣдомствъ, большею частью почтенные, но до апатіи вялые и, за малыми исключеніями, дряхлые старики. Къ тому же очень многіе изъ нихъ не получили ни теоретической, ни практической подготовки къ своей судейской роли. Почти половина сената состояла изъ заслуженныхъ генераловъ, которые почему-нибудь не могли ожидать дальнѣйшаго повышенія въ своей военной карьерѣ. Другая половина состояла изъ знатныхъ лицъ, состарившихся гражданскихъ губернаторовъ и т. д. При такомъ составѣ нельзя было ожидать, чтобы сенаторы вникали въ глубь вещей, насколько это требовалось. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ докладовъ, которые читались и устно объяснялись главными секретарями, смотря по тому, какая партія сумѣла привлечь ихъ на свою сторону. Въ дѣйствительности, они и были судьями, хотя и непризванными, и потому даже безъ нравственной отвѣтственности. Они, не краснѣя, торговались съ заинтересованными партіями; кто больше платилъ, тому они ручались за вѣрный выигрышъ, и послѣ 10 или болѣе лѣтъ они были чудовищно-богатыми людьми. Счастливъ тотъ департаментъ, гдѣ оберъ-прокуроръ провѣрялъ доклады и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе; но это было рѣдкостью, потому что оберъ-прокуроры также принадлежали къ знатнымъ кругамъ и мало были способны видѣть насквозь хитро-изложенныя разсужденія докладчиковъ».

Само собою разумѣется, что и за секретарями, въ свою очередь, стояли низшіе чиновники, отъ которыхъ зависѣло передать

дѣло по формальнымъ причинамъ обратно въ низшую судебную инстанцію, откуда оно вышло, а такая волокита часто дорого оплачивалась.

Такого же мнѣнія были и люди, принадлежавшіе къ правительственнымъ кругамъ. Такъ, напримѣръ, посланникъ Воронцовъ пишетъ въ 1810 г.: «Особенность нашего времени—это недостатокъ въ способныхъ людяхъ. Не знаю, думаете ли Вы (А. Вяземскій) также, но меня эта бѣдность ужасаетъ. Дерзость, опасная даже у большихъ талантовъ, — у бездарныхъ является порокомъ, доходящимъ до обиднаго комизма. Отсутствіе всѣхъ способностей, въ связи съ невѣроятною самоувѣренностью! Только бы разбогатѣть, а тамъ безразлично, достигнута ли цѣль нечистымъ путемъ! И все это дѣлается для пріобрѣтенія роскоши и довольства и для удовлетворенія низшихъ животныхъ инстинктовъ. Картина непривлекательна, но клянусь, я не могу глазами видѣть ничего другого». (Архивъ Воронцова XIV).

Неуваженіе къ сенату дошло до того, что въ 1818 г. въ комитетѣ министровъ совершенно серьезно обсуждался вопросъ, не долженъ ли онъ вмѣшиваться въ дѣло, когда сенаторъ подозрѣвается въ подкупѣ и въ безчестности, и не слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ вызывать въ комитетъ самого подозрѣваемаго. Но единодушіе не могло быть достигнуто, и дѣло было передано въ государственный совѣтъ, который пришелъ къ заключенію, что, на основаніи указа 13-го ноября 1724 г., стороны могутъ подавать протестъ противъ сенатора, считающагося почему-нибудь пристрастнымъ; комитетъ министровъ присоединился къ мнѣнію государственнаго совѣта, но Александръ не утвердилъ этого рѣшенія. Онъ не любилъ шума и, вѣроятно, не безъ основанія боялся, что протесты станутъ повторяться все чаще и чаще.

Такимъ образомъ, власть и значеніе сената уменьшились, благодаря привилегированному положенію комитета министровъ и неспособности и ненадежности сенаторовъ; но еще гораздо въ большей степени этому способствовали генералъ-губернаторы, въ принципѣ состоявшіе подъ контролемъ сената.

Необходимо имѣть въ виду, что административное дѣленіе имперіи основывалось при императорѣ Александрѣ еще на узаконеніяхъ, осуществленныхъ Екатериною II въ 1775 г. За исключеніемъ обѣихъ столицъ, Петербурга и Москвы, составлявшихъ особыя административныя единицы и вообще особый типъ русскаго быта, вся имперія дѣлилась на намѣстничества съ населеніемъ въ 300—400 тысячъ душъ, т.-е. плательщиковъ податей

мужескаго пола. Каждое намѣстничество дѣлилось въ свою очередь на округа, съ населеніемъ въ 20—30 душъ, но намѣстничества не должны были заключать въ себѣ болѣе 12 округовъ; вся же администрація государства должна была быть организована по одному плану. Этотъ схематическій и однообразный порядокъ привелъ къ ряду несообразностей, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности разбирать, а послѣдовательное его проведеніе оказалось, въ концѣ концовъ, невозможнымъ. Павелъ его снова отмѣнилъ, вернулся, въ общемъ, къ дѣленію на губерніи, существовавшему до 1775 г., и возвратилъ прежнимъ привилегированнымъ провинціямъ ихъ особое положеніе и особыя права.

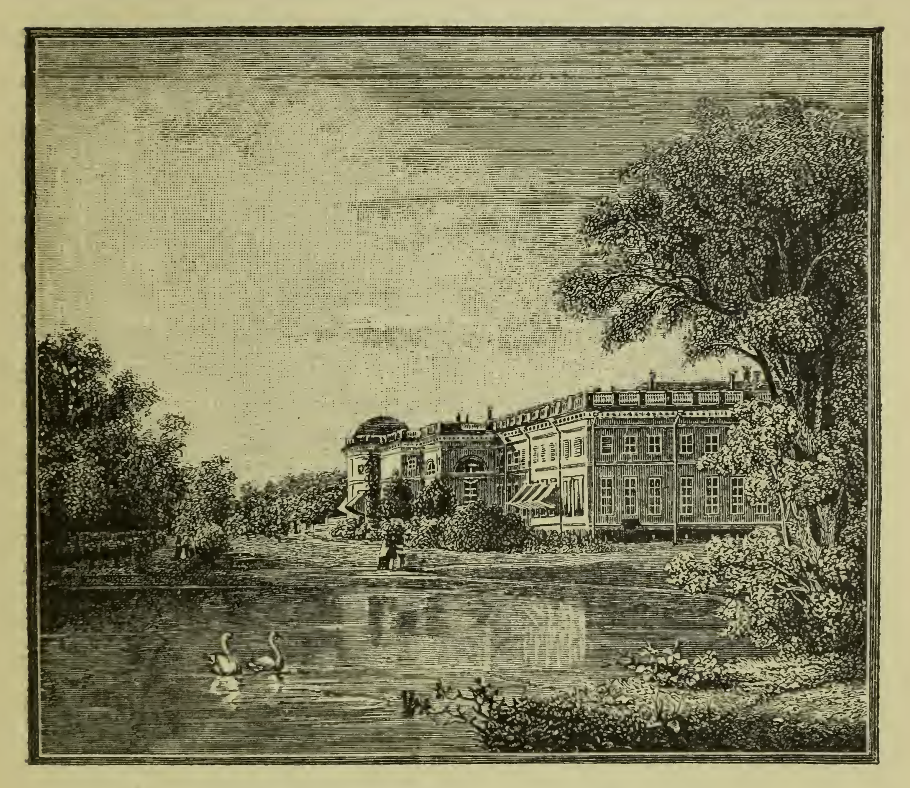
Императоръ Александръ занялъ среднее положеніе между обѣими системами. Онъ считался также съ историческими нравами провинцій, не давалъ крупнымъ административнымъ областямъ названія намѣстничествъ и сохранилъ губерніи. Но въ то же время онъ, во-первыхъ, назначилъ въ нѣкоторыя особо важныя губерніи генералъ-губернаторовъ съ обширными полномочіями, а затѣмъ соединилъ группы губерній въ генералъ-губернаторства, такъ что различали 36 губерній съ обыкновеннымъ управленіемъ и 12 генералъ-губернаторствъ, кромѣ великаго княжества финляндскаго, Грузіи, Имеретіи, Бѣлостока, Бессарабіи и Земли Войска Донскаго. Начиная съ 1823 г. стали примѣнять исключительно названіе «генералъ-губернаторъ» и «генералъ-губернаторство», а полномочія ихъ стали шире, чѣмъ у военныхъ губернаторовъ. Генералъ-губернаторъ сдѣлался настоящимъ начальникомъ гражданскихъ губернаторовъ.

Во всѣхъ русскихъ губерніяхъ бюрократическая организація была одинакова. Во главѣ ея стоялъ гражданскій губернаторъ, за нимъ такъ назыв. губернское правленіе, состоявшее изъ трехъ совѣтниковъ правленія, асессора, секретаря, губернскаго прокурора, двухъ фискаловъ, губернскаго архитектора, губернскаго землемѣра и одного или нѣсколькихъ низшихъ чиновниковъ.

Затѣмъ вездѣ была казенная палата, во главѣ которой стоялъ вице-губернаторъ, а въ его распоряженіи были три совѣтника, казначей, асессоръ и секретарь. Въ уголовномъ судѣ былъ предсѣдатель, членъ суда, 2 засѣдателя и секретарь; такъ же былъ устроенъ и гражданскій судъ. Кромѣ того, въ каждой губерніи былъ приказъ общественнаго призрѣнія и совѣстный судъ. Въ уѣздныхъ городахъ самыми вліятельными лицами были городничій и предводитель дворянства. Далѣе здѣсь былъ уѣздный судъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и земскій судъ, глава послѣдняго исправникъ съ засѣдателями и секретаремъ

исполняли полицейскія обязанности. Уѣздный казначей, податной инспекторъ, землемѣръ, врачъ и (не вездѣ) воинскій начальникъ замыкаютъ собою кольцо бюрократической цѣпи. Отдѣльное мѣсто занимаетъ, наконецъ, городская управа, по большей части мало замѣтная и безсильная.

Съ возрастаніемъ генералъ-губернаторской власти падало значеніе принадлежавшаго сенату права надзора; кромѣ того, генералъ-губернаторы сумѣли избавиться также отъ вмѣшательства

Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Съ гравюры Брандарда.

комитета министровъ. Они имѣли доступъ къ царю, который въ спорныхъ случаяхъ всегда былъ склоненъ повѣрить своимъ довѣреннымъ людямъ. Генералъ-губернаторы скоро замѣтили, что царь поддерживаетъ ихъ въ ихъ попыткахъ освободиться, насколько возможно, отъ контроля со стороны сената и министровъ и награждаетъ ихъ еще большимъ довѣріемъ за отстаиваніе и расширеніе своей самостоятельности, и они сдѣлались всемогущими повелителями довѣренныхъ ихъ управленію частей

имперіи. Эти маленькіе самодержцы, будучи даже одушевлены самыми лучшими намѣреніями, лишь съ трудомъ и очень рѣдко могли удержаться отъ того, чтобы не руководиться въ своей дѣятельности произволомъ вмѣсто закона. По этому пути пошли даже такіе выдающіеся люди, какъ герцогъ Ришельё; если же такая должность доставалась преступной натурѣ, какой былъ, напримѣръ, сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель, то право, справедливость и человѣколюбіе теряли всякое значеніе. Можно, однако, безо всякаго преувеличенія утверждать, что большинство генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ приближались скорѣе къ типу Пестеля, чѣмъ Ришельё, и что, вслѣдствіе этого, ни одна страна въ Европѣ не управлялась такъ плохо и несправедливо, какъ Россійская имперія при Александрѣ I. Средство, которое Александръ примѣнялъ для контроля губернской администраціи, заключалось въ командировкѣ сенаторовъ, облеченныхъ большими полномочіями, для ревизіи одной или нѣсколькихъ губерній. Но эти сенаторскія ревизіи очень часто не приводили къ цѣли, отчасти потому, что губернаторы были слишкомъ сильны, и вся бюрократія сверху донизу стояла другъ за друга, отчасти же потому, что сами сенаторы поддавались встрѣчавшимся искушеніямъ и шли на подкупъ. Наконецъ, случалось, что и самъ императоръ оставлялъ ихъ безъ поддержки.

Приведемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ началѣ царствованія Александра калужскимъ губернаторомъ былъ Дмитрій Ардальоновичъ Лопухинъ. Онъ былъ женатъ на Шереметьевой и находился въ родствѣ съ княземъ П. В. Лопухинымъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта, что ему, конечно, обезпечивало чрезвычайную протекцію. Въ своей губерніи онъ властвовалъ такъ, какъ будто въ Россіи не было царя, а на небѣ Бога. Всѣ знали, что онъ былъ воръ и разбойникъ и защитникъ всякой несправедливости. Всѣ поданныя на него жалобы оставались втунѣ. Когда Александръ вступилъ на престолъ, то поручилъ произвести ревизію этой губерніи В. Н. Каразину, пользовавшемуся большимъ его довѣріемъ. Ревизія осталась безъ послѣдствій, а между тѣмъ Лопухинъ за 7,000 рублей освободилъ братоубійцу помѣщика Хитрово отъ начатаго противъ него слѣдствія и оказался виновнымъ въ безчисленныхъ вымогательствахъ. Тогда императоръ рѣшился послать въ Калугу министра юстиціи Г. Р. Державина, но послѣдній объявилъ императору, что все будетъ напрасно, потому что у Лопухина слишкомъ сильные защитники. Онъ-де самъ готовъ вывести

правду наружу, но тогда и царь долженъ защитить праваго Бояре, сказалъ онъ, обманывали императрицу Екатерину и и Павла; честность и преданность, съ какою онъ старался выполнять ихъ порученія, всегда были напрасны; никогда право не побѣждало, а онъ самъ только наживалъ себѣ враговъ. Тогда императоръ Александръ поклялся, что поддержитъ его, и Державинъ, облеченный чрезвычайными полномочіями, принялся за дѣло. На немъ онъ самымъ печальнымъ образомъ потерпѣлъ крушеніе: хотя Лопухинъ послѣ 3-лѣтняго разслѣдованія и былъ отданъ подъ судъ, однако сенатъ, его оправдалъ, а Державинъ лишился изъ-за этого милости императора.

«Калужское дѣло», писалъ графъ Растопчинъ въ маѣ 1803 г.,— «все еще не пришло къ концу. Прежній губернаторъ Лопухинъ благоденствуетъ и веселится въ Петербургѣ... и мнѣ кажется, что быть атаманомъ разбойниковъ — въ высшей степени пріятная должность».

Такими же разбойничьими атаманами были: смоленскій генералъ-губернаторъ, иркутскій губернаторъ Трескинъ, курскій губернаторъ Протасовъ, покровителемъ котораго былъ ни больше, ни меньше, какъ самъ Н. Н. Новосильцевъ, и многіе другіе. Въ губернаторы шли для того, чтобы расплатиться съ долгами и, сверхъ того, разбогатѣть; историкъ Карамзинъ былъ, конечно, правъ, говоря, что большинство губернаторовъ — неспособные люди и грабители, которые сами безсовѣстно обогащаются и дозволяютъ то же своимъ секретарямъ. «Берите, только не рвите», говорилъ губернаторъ Магницкій своимъ подчиненнымъ, и это, пожалуй, можно считать наиболѣе выгоднымъ положеніемъ вещей. Все это было бы еще сносно, если бы къ крупнымъ кровопійцамъ не присоединилась цѣлая толпа низшихъ чиновниковъ, вплоть до волостного писаря, при чемъ выше стоящіе всегда облагали данью и выжимали соки изъ своихъ подчиненныхъ.

Никогда не выводились наружу преступленія сильныхъ и богатыхъ,— крупныхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ тысячами крѣпостныхъ и составлявшихъ особый типъ то добродушныхъ, то злостныхъ самодуровъ. То, что продѣлывали надъ русскимъ народомъ разные Измайловы, Юшковы, Гончаровы, Есиповы, Голицыны, Куракины и др., превосходитъ всякое описаніе [1]). Но адми-

---

[1]) Измайловъ владѣлъ болѣе 11.000 душъ, домашнюю его челядь составляло болѣе 800 человѣкъ мужской и женской прислуги; въ этомъ числѣ всегда было 12 дѣвушекъ для ухода за его внѣ-брачными дѣтьми. У Юшкова было въ одной Москвѣ 200 человѣкъ прислуги, у Гончарова—оркестръ въ 30—40 человѣкъ, изъ которыхъ каждый игралъ тольку одну ноту; кромѣ,

нистрація находилась въ зависимости отъ этихъ злодѣевъ, а правосудіе склонялось передъ тѣми средствами, какія давало имъ въ руки богатство, до сената и государственнаго совѣта включительно.

Всего ужаснѣе во внутреннихъ дѣлахъ Россіи было именно это полнѣйшее безсиліе правосудія. Этотъ фактъ, правда, находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ, что въ самомъ законодательствѣ была полнѣйшая путаница и безпорядокъ, что не существовало общедоступнаго свода законовъ, а былъ только рядъ указовъ и распоряженій, часто противорѣчивыхъ, иногда даже вовсе не опубликованныхъ, а только сообщенныхъ властямъ къ руководству и собранныхъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія, такъ что невозможно было обозрѣть ихъ сразу. Но главная вина все-таки лежитъ на тѣхъ, кто долженъ былъ защищать право. При общей продажности, право принадлежало тѣмъ, кто могъ платить; къ тому же, жалкое содержаніе низшихъ чиновниковъ [1]) прямо заставляло ихъ жить на счетъ взятокъ, ко всему этому присоединялось еще невѣжество судей, которые въ низшихъ инстанціяхъ передавали рѣшеніе дѣлъ въ руки секретарей совершенно такъ же, какъ въ сенатѣ. Искусство же секретарей заключалось въ томъ, чтобы затягивать дѣла, а это могло тянуться, при соблюденіи всѣхъ законныхъ сроковъ, даже въ самыхъ ясныхъ случаяхъ цѣлыхъ пять лѣтъ, а при умышленной оттяжкѣ еще гораздо больше. Все это, конечно, дѣлалось въ интересахъ виновной стороны. Такъ, напр., слѣдствіе противъ шайки фальшивыхъ монетчиковъ въ Юрьевѣ длилось съ 1807 г. до 1815 г., а потомъ дѣло было прекращено. Помѣщикъ Ширковъ, обвинявшійся въ убійствѣ, былъ оправданъ во всѣхъ инстанціяхъ, хотя онъ былъ завѣдомо виновенъ. Онъ подкупилъ спеціально присланнаго царемъ слѣдователя, давши ему 100 крестьянъ, потомъ ухитрился самъ получить мѣсто слѣдователя въ Петербургѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ въ этой должности и нажилъ здѣсь столько, что могъ выкупить свое имѣніе, заложенное въ 200,000 р. Только въ 1820 г., послѣ новаго слѣдствія, приведшаго, наконецъ, къ его осужденію, онъ

того тутъ были шуты и сказочники, фокусники и юродивые, безъ которыхъ не обходился ни одинъ богатый домъ.

[1]) Въ Можайскѣ канцелярскіе чиновники приходили на службу по-очереди, потому что у нихъ была одна пара сапогъ на двоихъ: они получали жалованья 3 руб. въ мѣсяцъ; но были и чиновники, получавшіе отъ 1 до 2 руб. У губернаторовъ жалованія тоже не хватало на тѣ расходы, которые имъ приходилось дѣлать, къ тому же оно было ниже вице-губернаторскаго.

былъ сосланъ въ Сибирь. Вообще же подкупленные судьи оставались безнаказанными. Если приходилось платить денежный штрафъ, то они умѣли себя легко вознаградить: взятки приносили больше, чѣмъ стоилъ штрафъ.

Тигры были поставлены пастухами надъ овцами, какъ говорится въ одной одѣ Пнина. Между тѣмъ эти люди, за исключеніемъ низшихъ чиновниковъ, были всѣ дворяне!

Императрица Екатерина II старалась воспитать это дворянство для самоуправленія и, учредивши губернскія и уѣздныя дворянскія собранія, открыла для ихъ дѣятельности широкое поприще въ области мѣстнаго управленія. Она сдѣлала обязательнымъ участіе въ выборахъ въ губернскія и уѣздныя учрежденія. Это было совершенно необходимо, потому что иначе должности въ этихъ учрежденіяхъ могли бы остаться незанятыми; но кромѣ того это соотвѣтствовало и собственной выгодѣ дворянства, такъ какъ оно получило право черезъ своихъ выборныхъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей непосредственно обращаться со своими прошеніями къ престолу. Затѣмъ участіе въ мѣстномъ управленіи служило замѣной снятой еще Петромъ III съ дворянства обязанности нести государственную службу.

Но императрица ошиблась въ расчетѣ, когда думала, что дворянство само будетъ стремиться къ выборной службѣ: во-первыхъ, лучшіе элементы отталкивало то обстоятельство, что они попадали въ зависимость отъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, а во-вторыхъ—они не хотѣли отказываться отъ самаго заманчиваго изъ своихъ правъ — право не работать. Они привыкли собирать жатву, не сѣявши, и не обнаруживали ни малѣйшей склонности принимать на себя утомительныя обязанности, возлагавшія къ тому же на нихъ и отвѣтственность, которой они не привыкли и не желали нести. Поэтому стало почти правиломъ, что эти должности занимались дурными, бѣдными и корыстолюбивыми элементами; оттого и могло случиться, что Измайловъ, упомянутый нами, какъ одинъ изъ самыхъ худшихъ, былъ съ 1802 г. до 1814 г. рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

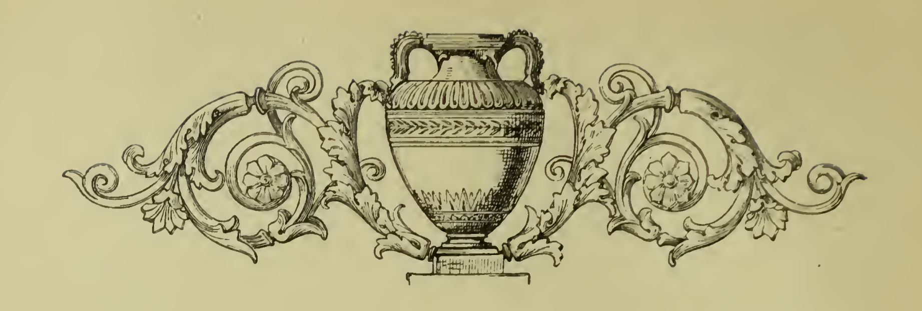
Въ 1805 г. онъ заставилъ себя избрать вторично, а тогдашній губернаторъ Шишковъ не утвердилъ выборовъ; тогда Измайловъ добился того, что губернаторъ былъ смѣщенъ, а Александръ призналъ его законнымъ предводителемъ. Между тѣмъ Александръ 23 марта 1802 г. послалъ губернатору Шишкову слѣдующій указъ: «До моего свѣдѣнія дошло, что отставной генералъ-маіоръ Левъ Измайловъ, имѣющій вотчину Дѣдново

въ Рязанской губ., необузданно предается всѣмъ порокамъ и возмутительнѣйшимъ образомъ приноситъ всѣхъ крестьянъ въ жертву своему сладострастію и порочности. Я поручаю Вамъ провѣрить негласно справедливость этихъ слуховъ и увѣдомить меня по чести и совѣсти, безъ всякаго страха человѣческаго». Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, въ какомъ духѣ Шишковъ сдѣлалъ свое донесеніе; слѣдовательно Александръ отлично зналъ, какого довѣрія заслуживалъ Измайловъ, и мы здѣсь снова стоимъ передъ одною изъ психологическихъ загадокъ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ царствованіе Александра I.

Случай съ Измайловымъ вовсе не составляетъ исключенія. Когда губернатору князю Долгорукову пришлось въ 1809 году оправдываться въ томъ, что онъ не утвердилъ дворянскихъ выборовъ во Владимірской губ., то онъ возразилъ, что оба кандидата, избранные въ уѣздные предводители дворянства, стары и дряхлы и ни въ коемъ случаѣ не могутъ исполнять многочисленныхъ обязанностей уѣзднаго предводителя, что человѣкъ, избранный въ уѣздные судьи, состоитъ подъ судомъ, что въ исправники и его помощники избраны лица, публично подвергшіяся побоямъ, что другой кандидатъ — не дворянинъ и что послѣдній изъ избранныхъ пропалъ безъ вѣсти, такъ что само дворянство не знало, гдѣ его искать.

Куда ни взглянешь,—всюду одна и та же картина. Дворянство ставитъ на должности либо тщеславныхъ насильниковъ, либо неспособныхъ и подневольныхъ людей; кто только можетъ, держится въ сторонѣ отъ служенія общественному благу. «На выборы большею частью являются тѣ дворяне, которые ищутъ не общаго блага, а преслѣдуютъ свою личную выгоду... тѣ, кто готовъ принять всѣ непріятности и униженія, угождать сильному и богатому; кто готовъ на всякую несправедливость, лишь бы разбогатѣть насчетъ ремесленниковъ, крестьянъ, купцовъ, бродягъ и воровъ! Но гдѣ мало господствуетъ образованіе, гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія, гдѣ, кромѣ чиновниковъ, никто ничего не понимаетъ въ дѣлахъ и сами чиновники состоятъ въ зависимости не отъ закона, а отъ другихъ чиновниковъ,—тамъ не можетъ появиться другой служебной системы,—разъ тому же содѣйствуютъ существующіе порядки». Такъ судитъ будущій графъ М. Н. Муравьевъ въ запискѣ, поданной имъ императору Николаю 23-го января 1827 г. Этимъ онъ показываетъ результатъ, достигнутый 24-лѣтнимъ царствованіемъ Александра I.

Только что описанные порядки были бы совершенно немыслимы, если бы въ Россіи не было для нихъ фундамента въ видѣ системы крѣпостной зависимости и рабства, которая дѣйствовала отравляющимъ и развращающимъ образомъ на всѣхъ, не исключая людей образованныхъ и благороднаго образа мыслей.

Изъ 55 милліоновъ человѣкъ, насчитывавшихся въ Россійской имперіи въ 1825 г. (при чемъ на Россію въ тѣсномъ смыслѣ слова приходилось немного болѣе 40 милліоновъ), громадное большинство состояло изъ несвободныхъ крестьянъ. Крестьянская свобода кое-какъ сохранялась только до второй половины XVI вѣка. Правда, издавна существовали и рабы, пріобрѣтенные за деньги или на войнѣ, но этимъ мало затрагивалось положеніе какъ вольныхъ крестьянъ, живущихъ міромъ, такъ и мелкихъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ или арендаторовъ помѣщичьей земли изъ крестьянъ, пока не вмѣшался въ дѣло жестокій деспотизмъ великихъ князей московскихъ, не считавшійся ни съ какими правами. Онъ задѣлъ не однихъ только крестьянъ, но и все, что стояло до тѣхъ поръ на собственныхъ ногахъ. Разница между вотчиною и помѣстьемъ стала одинаково исчезать, какъ для потомковъ удѣльныхъ князей и бояръ, такъ и для мелкихъ землевладѣльцевъ. Всѣ они были поставлены въ такое положеніе, что право на землю, на которой они сидѣли, становилось въ зависимость отъ несенія царской службы. До извѣстной степени положеніе крестьянъ было даже лучше: ихъ право на землю, на которой они сидѣли, въ принципѣ осталось неприкосновеннымъ, но оскудѣніе и запустѣніе страны послѣ опустошительныхъ войнъ Ивана Грознаго вызвало первое ограниченіе ихъ свободы передвиженія.

Указы 21 ноября 1597 г. и 21 ноября 1601 г. придали этимъ ограниченіямъ силу закона; но они относились только къ крестьянамъ —

домохозяевамъ; сыновья же ихъ, племянники и братья, въ качествѣ вольныхъ царскихъ людей, могли уходить куда хотѣли. Изъ этихъ отношеній постепенно развилась сначала простая зависимость, а потомъ, при Петрѣ Великомъ, крѣпостное право. Его податная политика и система рекрутскихъ наборовъ пробили брешь въ крестьянскихъ правахъ и вольностяхъ. Онъ узаконилъ существовавшее беззаконіе, и въ результатѣ оказалась фактическая и законная власть помѣщика надъ живущими въ его владѣніи крестьянами. Они обратились въ наслѣдственную собственность, а при пріемникахъ Петра изъ этого развилось полнѣйшее рабство. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣли указы, падающіе на періодъ отъ 1727 г. до 1760 г. Они издавались безъ всякаго плана, имѣли въ виду денежныя выгоды любимцевъ, были полны противорѣчій и оказали поэтому вдвойнѣ гнетущее вліяніе, но за то дали владѣльцамъ почти неограниченную власть, которая въ концѣ столѣтія дошла до того, что крестьянъ можно было, по волѣ господина, сдавать въ рекруты, ссылать въ Сибирь и продавать на рынкахъ (только не съ молотка). Когда же они становились стары и неспособны къ работѣ, то имъ можно было давать свободу, которая избавляла господъ отъ обязанности ихъ прокармливать, а ихъ самихъ обрекало часто на вѣрную голодную смерть.

До вступленія на престолъ Петра III за крестьянами сохранялся еще небольшой остатокъ свободы; въ то время дворянство не было еще формальнымъ владѣльцемъ помѣстій; какъ крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, такъ и дворянство, съ своей стороны, было обязано нести государственную службу. Если дворянинъ уклонялся отъ службы, то долженъ былъ, по закону, лишиться своихъ имѣній. Оба сословія принадлежали государству: крестьянинъ несъ финансовыя повинности, и поставлялъ рекрутъ, дворянинъ долженъ былъ служить въ полкахъ. Сыновей записывали въ рекрутскіе списки, въ противномъ же случаѣ надо было откупиться за опредѣленную плату [1]), но въ принципѣ считалось правиломъ, что дворянство обязано служить до конца жизни. Поэтому, когда Петръ III объявилъ въ манифестѣ отъ 18-го февраля 1762 г., что даруетъ россійскому благородному дворянству на вѣчныя времена вольность и свободу и дозволяетъ дворянамъ служить внутри и внѣ государства, гдѣ и сколько захотятъ, что, наконецъ, ихъ имѣнія подвергнутся конфискаціи только въ томъ случаѣ, если они, во-

---

[1]) Въ 1760 г. плата была отъ 20 до 30 рублей.

преки приказу правительства, не вернутся изъ-за границы на родину, — то это означало перемѣну не только въ положенiи дворянства, но и въ отношенiи дворянъ и крестьянъ другъ къ другу и къ правительству. Дворянство получило «свободу», за то крестьянинъ еще въ большей степени чѣмъ прежде сдѣлался его наслѣдственной собственностью, а когда Екатерина II снова ограничила свободу дворянства отъ службы [1]), то это коснулось, главнымъ образомъ, мелкаго дворянства.

Народившiеся со временъ Петра Великаго новые русскiе вельможи, фавориты государя и государыни, а также потомки фаворитовъ и ихъ родня требовали для себя особаго, исключительно высокаго положенiя. Эти вельможи фактически подѣлили между собою государство и грабили одинаково какъ казну, такъ и мелкихъ дворянъ и крестьянъ. Они занимали всѣ высшiя должности со своими женами и дѣтьми составляли царскiй дворъ; всѣ и офицерскiя мѣста въ гвардейскихъ полкахъ были въ ихъ рукахъ, между тѣмъ какъ мелкiе дворяне служили въ провинцiальныхъ гарнизонахъ и опускались все ниже и ниже со своими ничтожными имѣнiями, едва превышавшими по размѣрамъ крестьянскiй дворъ, въ то время какъ въ немногихъ рукахъ скоплялись колоссальныя имѣнiя. Изъ рядовъ мелкихъ дворянъ выходимо впослѣдствiи низшiе чиновники.

Императрица Елизавета начала съ того, что стала дарить своимъ любимцамъ принадлежавшiя государству земли, вмѣстѣ со всѣми населявшими ихъ крестьянами, или, вѣрнѣе, дарила опредѣленное число душъ, при чемъ само собою подразумѣвалась и принадлежавшая этимъ душамъ земля. Эта система вызвала, понятно, ужасъ у людей, приносимыхъ въ даръ, и сочувствiе среди награждаемыхъ; тѣмъ не менѣе она продолжала существовать при Екатеринѣ II и при Павлѣ и въ продолженiе двухъ поколѣнiй съ 1740 до 1801 г. произвела полный переворотъ въ имущественныхъ отношенiяхъ дворянства и въ положенiи крестьянскаго сословiя. Въ это-то время и образовались громадныя богатства новоиспеченныхъ вельможъ, потомки которыхъ вплоть до уничтоженiя крѣпостного права, а отчасти и до нашихъ дней пользуются или требуютъ себѣ высшихъ должностей въ русскомъ государствѣ. За исключенiемъ Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ, Щербатовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, а также поднятыхъ Петромъ Великимъ изъ купечества Строгановыхъ и Демидовыхъ, вся бо-

[1]) Указомъ отъ 11-го февраля 1763 г., вслѣдствiе массового оставленiя службы мелкими дворянами.

гатая россійская знать происходитъ по прямой линіи или путемъ браковъ отъ фаворитовъ, возвысившихся въ XVIII вѣкѣ.

Екатерина II раздарила въ теченіе своего правленія 800,000 душъ, Павелъ въ теченіе своего короткаго царствованія—114,896, а за весь указанный періодъ было роздано 1,304,000 ревизскихъ душъ, т.-е. крѣпостныхъ мужскаго пола съ женами, когда населеніе Россіи составляло не болѣе 19,000,000 человѣкъ. Вліяніе этихъ условій, даже послѣ прекращенія раздачи душъ, видно изъ расчета для 1834 г. [1]), который почти соотвѣтствуетъ условіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ царствованія Александра. Тогда насчитывали 1453 помѣщиковъ, владѣвшихъ больше чѣмъ по 1000 крестьянъ, а въ общемъ 3,556,959 ревизскихъ душъ, т.-е. около $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ, на каждаго изъ этихъ помѣщиковъ приходится въ среднемъ 2461 душа; если стоимость души приравнять къ рентѣ 100 рублей, то это составитъ годовой доходъ 264,100 р. 2273 помѣщика, владѣвшіе въ среднемъ по 687 душъ, слѣд. въ общемъ, 1,562,831, также должны еще быть причислены къ магнатамъ; въ этотъ кругъ не входятъ 16,740 помѣщиковъ, имѣвшіе въ среднемъ по 217 душъ: они не допускаются ко двору, служатъ въ провинціальныхъ гарнизонахъ и являются зажиточнымъ среднимъ сословіемъ, сохраняющимъ въ своихъ нравахъ и преданіяхъ болѣе національный характеръ, чѣмъ офранцузившаяся знать. Остальные же 84% бѣднѣйшихъ дворянъ стояли ближе къ крестьянамъ, чѣмъ къ богатымъ и зажиточнымъ господамъ. Среди помѣщиковъ средняго ранга отношенія господъ съ крѣпостными носили скорѣе патріархальный характеръ и обыкновенно были болѣе или менѣе сносны. За то непомѣрное богатство и утонченные западные вкусы, развившіеся на варварской почвѣ, съ одной стороны, а съ другой, нужда и унизительная бѣдность [2])—привели къ тому, что у владѣльцевъ обѣихъ этихъ категорій крѣпостные жили въ самыхъ унизительныхъ и жалкихъ условіяхъ. Невозможно себѣ представить, насколько печально было въ дѣйствительности положеніе этихъ несчастныхъ.

---

[1]) Изъ прироста населенія за эти 9 лѣтъ нужно вычесть потери, вызванныя турецкою войною 1828 — 1829 гг. и польскою революціей 1830—1831 гг. Послѣднія потери исчисляются въ 300,000 чел. Потери во время турецкой войны были конечно не меньше.

[2]) Еще въ 1834 г. было до 42,978 мелкихъ дворянъ, владѣвшихъ въ среднемъ 8 душами. Изъ нихъ около 1700 не имѣли вовсе земли, а только нѣсколько дворовыхъ.

Самая характерная черта заключалась въ противорѣчіяхъ: бѣдность крестьянской жизни, полнѣйшее безправіе и беззащитность передъ господскимъ произволомъ и сохраненіе среди самихъ крестьянъ патріархальныхъ взглядовъ, дававшихъ родителямъ, особенно отцу, а затѣмъ и общинѣ, громадную власть, при которой исчезало всякое индивидуальное право. Злополучное развитіе Россіи привело къ тому, что въ крестьянскихъ общинахъ, какъ и въ дворянскихъ собраніяхъ, власть и вліяніе попадали обыкновенно въ руки худшихъ людей. Къ этому присоединялись еще не малыя притѣсненія со стороны чиновниковъ. Вятскій вице-губернаторъ Штакельбергъ, представившій въ 1807 г. отчетъ о положеніи казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ особаго господина, и подчиненныхъ только своему крестьянскому начальству и правительственнымъ чиновникамъ, жалуется, что безчеловѣчность въ обращеніи съ крестьянами доходитъ до крайности. Волостной старшина, писарь и другіе избранные самимъ міромъ представители являются соучастниками всѣхъ преступленій чиновниковъ, и всякое злоупотребленіе можетъ расчитывать на ихъ поддержку. Всѣхъ, кто жалуется, сдаютъ въ рекруты или ссылаютъ въ Сибирь (міръ располагалъ такимъ правомъ и пользовался имъ самымъ несправедливымъ образомъ). И здѣсь также все бремя перекладывалось съ сильныхъ на слабыхъ, т.-е. съ зажиточныхъ крестьянъ на бѣдныхъ.

Крестьянамъ некуда было дѣться: сельскіе старосты, волостное правленіе со старшиною и волостнымъ судомъ, правительственные чиновники и помощники—все это были мучители, которые извращали законъ по своему произволу или за взятку; но хуже всего былъ деспотизмъ господъ, которымъ крестьяне были подчинены въ качествѣ крѣпостныхъ. Ничто, быть можетъ, не дѣйствовало на народъ, въ подлинномъ смыслѣ слова, такъ губительно въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи, какъ упомянутое сочетаніе чрезмѣрнаго образованія и варварства, составляющее характерную черту русскаго дворянства въ концѣ XVIII и даже до середины XIX вѣка. Этотъ безспорный фактъ станетъ понятнѣе, если бросить взглядъ на умственную жизнь русскаго дворянства.

Со временъ Императрицы Елизаветы, а въ особенности при Екатеринѣ II, въ Россію широкимъ потокомъ проникло французское образованіе; когда же великая революція заставила французское дворянство спасаться въ чужіе края, то въ Россію явились, главнымъ образомъ, искатели приключеній и наиболѣе испорченные элементы среди эмигрантовъ. Если принять во вни-

маніе, что просвѣтительная литература, пользовавшаяся такимъ усерднымъ покровительствомъ императрицы и такъ жадно воспринятая русскимъ обществомъ, стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что по русскимъ обычаямъ считалось священнымъ, народнымъ и почтеннымъ, то станетъ понятно, что поколѣнію дворянъ (о нихъ только и можетъ идти рѣчь), выросшему подъ этимъ вліяніемъ, сталъ совершенно чуждъ духъ собственнаго народа; взамѣнъ его они восприняли въ очень рѣдкихъ случаяхъ сущность, по большей же части внѣшній обликъ чуждой культуры. Кратковременное царствованіе Павла I, враждебное французамъ, ничего не могло перемѣнить, такъ какъ само задѣвало только внѣшнюю сторону жизни. Когда же при Александрѣ I все пошло снова по-прежнему, то всѣмъ казалось, что это трудное время прошло, какъ тяжелый сонъ.

Къ сожалѣнію, громадная умственная работа, совершенная въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка на германской почвѣ, прошла для русскаго общества того времени совершенно незамѣченной, частью же была воспринята поверхностно и неправильно [1]), такъ что о какомъ-нибудь вліяніи съ этой стороны не могло быть и рѣчи. Но даже то, что въ Россію проникало изъ Франціи, исходило часто изъ умственныхъ теченій, считавшихся во Франціи устарѣлыми и отжившими. Мы имѣемъ въ виду, напримѣръ, огромное вліяніе педагогической дѣятельности іезуита аббата Николя на самые верхи русской знати. Николь явился въ Россію вмѣстѣ съ графомъ Шуазель-Гуфье и основалъ въ Петербургѣ учебное заведеніе, которое, благодаря покровительству княгини Юсуповой, заняло чрезвычайно высокое положеніе и, вслѣдствіе необычайно дорогой платы за ученіе, принимало сыновей только самыхъ богатыхъ русскихъ аристократовъ. Здѣсь подверглись рѣшающему вліянію на всю жизнь Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгановы, Вяземскіе: они научились говорить по-французски, какъ настоящіе французы, танцовать, какъ балетмейстеры, фехтовать, декламировать, играть на сценѣ, но только не работать. Латинская библія и учитель-іезуитъ выработали имъ религіозныя представленія, а все въ цѣломъ дало при самыхъ изящныхъ формахъ образованіе, лишенное какой бы то ни было глубины, и міровоззрѣніе, не имѣвшее ничего общаго съ Россіей.

Случалось также, что отдѣльные молодые дворяне, напримѣръ, Н. Муравьевъ и Карамзинъ, отправлялись въ Германію,

---

[1]) Исключеніе, конечно, составляютъ остзейскія губерніи и Финляндія.

другіе, напримѣръ, Новосильцевъ—въ Англію, и тамъ закладывали фундаментъ для дѣйствительно основательнаго образованія; но это были очень рѣдкія исключенія, и они не создали русской культуры. Русское дворянство временъ Александра пользовалось, по обычаю, домашнимъ воспитаніемъ; немногіе посылали своихъ сыновей въ плохо руководимыя плебейскія гимназіи или въ «благородный пансіонъ» при московскомъ университетѣ. Менѣе богатые чаще выбирали для своихъ сыновей воспитаніе въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, а богатые—царскосельскій лицей или пажескій корпусъ. Но и въ этихъ учрежденіяхъ можно было получить только чисто формальное, поверхностное образованіе или, вѣрнѣе, выправку, а въ пажескомъ корпусѣ еще подробнѣйшія свѣдѣнія о томъ, что касалось придворнаго этикета.

Казенная школа, въ которой, при строжайшей дисциплинѣ, отсутствовало истинное воспитаніе, была все-таки гораздо выше домашняго образованія, подъ руководствомъ невѣжественнаго француза или нѣмца-авантюриста 3-го и 4-го сорта,—людей, которыхъ нанималъ невѣжественный крѣпостной, по довѣренности господина, на учительской биржѣ въ Царьградскомъ подворьѣ, на Кузнецкомъ мосту или передъ воротами католической церкви. Относительно этого намъ извѣстны самые невѣроятные факты: въ воспитатели и учителя попадали лакеи, ремесленники, садовники, странствующіе торговцы. Еще въ 1822 г. «берейторъ изъ Германіи» предлагалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» свои услуги въ качествѣ берейтора или гувернера. Но эти люди были не изъ худшихъ. Когда началась эмиграція, то нѣмцы, которые, повидимому, принесли сравнительно мало вреда, были почти вполнѣ вытѣснены французами, шедшими на расхватъ. Семь парижскихъ лакеевъ, выписанныхъ графомъ Шуваловымъ для пажескаго корпуса, вскорѣ сочли для себя выгоднѣе поступить учителями и гувернерами въ знатные дома.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (родившійся въ 1792 г.), одинъ изъ выдающихся писателей эпохи Александра I и Николая I, впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія, принадлежавшій по рожденію, образованію и богатству къ высшимъ слоямъ общества, пишетъ: «Я не знаю, чѣмъ объяснить, но выборъ воспитателей, гувернеровъ и учителей, какихъ мнѣ давали, былъ всегда неудаченъ. Дѣло было, конечно, не въ деньгахъ. При мнѣ было много французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи пріучить меня къ работѣ, а вѣдь это—главное въ первоначальномъ воспитаніи. О русскихъ же воспитателяхъ нечего было и думать; такихъ вовсе не было, и

не знаю, много ли ихъ найдется теперь. Поэтому приходилось наудачу залучать иностранцевъ». Другой авторъ, сенаторъ Сахаровъ, пишетъ: «Образованіе дворянства вѣдали гувернеры и гувернатки—люди безъ всякаго научнаго образованія; вмѣстѣ съ ними въ помѣщичьи семьи проникала безнравственность; дерзость, неуваженіе къ родителямъ, презрѣніе къ отцовской вѣрѣ и постыдное вольнодумство». Государственный канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ такъ описываетъ въ 1805 г. воспитаніе того времени: «Россія, можно сказать, единственная страна, гдѣ пренебрегаютъ изученіемъ родного языка и гдѣ все, что имѣетъ отношеніе къ отечеству, чуждо нынѣшнему поколѣнію.

Всѣ, кто въ Петербургѣ или Москвѣ претендуютъ на образованіе, заботятся о томъ, чтобы дѣти научились по-французски, окружаютъ ихъ иностранцами, нанимаютъ за большія деньги учителей музыки и танцевъ и не даютъ дѣтямъ учиться русскому языку, такъ что это великолѣпное и дорогое воспитаніе приводитъ къ полнѣйшему незнакомству съ отечествомъ. На него глядятъ съ равнодушіемъ, даже съ презрѣніемъ, хотя отъ него зависитъ собственное существованіе, и любятъ все, что относится къ чужимъ нравамъ и странамъ, особенно же къ Франціи». Педагогическіе примѣры богатыхъ домовъ Петербурга и Москвы находили себѣ каррикатурное подражаніе среди живущаго въ помѣстьяхъ средняго дворянства. Наряду съ трудно находимыми французскими горе-воспитателями и гувернантками, роль учителя исполнялъ также неуклюжій воспитанникъ высшихъ классовъ духовной семинаріи. Обыкновенно дѣти до 7 лѣтъ поручались крѣпостной нянькѣ; праздниками ихъ водили въ господскую церковь, чтобы постепенно пріучить къ богослужебнымъ обрядамъ, а затѣмъ крѣпостной дядька училъ ихъ читать, какъ умѣлъ. Все остальное поручалось французу-учителю.

Если не имѣлся въ виду переходъ въ кадетскій корпусъ или въ пансіонъ, а въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ въ гимназію, то дѣло не шло дальше самыхъ поверхностныхъ, элементарныхъ свѣдѣній по всѣмъ наукамъ, въ томъ видѣ, въ какомъ «Богомъ данный» иностранецъ - учитель умѣетъ ихъ передать, а ученикъ склоненъ былъ воспринимать. Кто не принадлежалъ къ зажиточному дворянству или къ высшему чиновничеству, тѣ устраивались, конечно, еще хуже. Знаменитый хирургъ Пироговъ, родившійся въ 1801 г. и получившій удивительно рано (въ 1827 г.) дипломъ врача, такъ изображаетъ въ своемъ прекрасномъ дневникѣ образованность своего поколѣнія: «Съ молоду учились европейскимъ языкамъ толь-

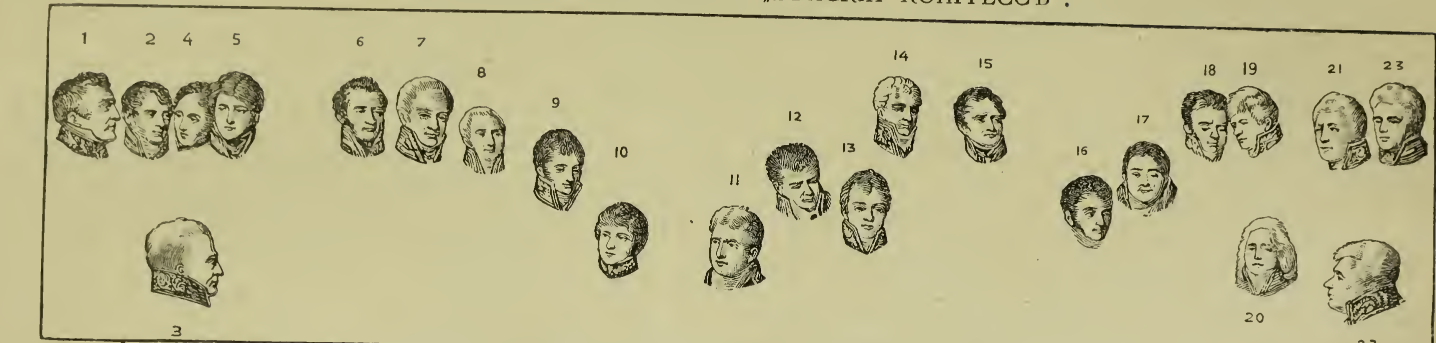
но въ высшихъ слояхъ общества, и то только для себя, для своего круга, для гостиныхъ и ради собственной карьеры, потому что знанiе иностраннаго языка было вывѣской образованности. Если принадлежавшiй къ этому классу хотѣлъ что-нибудь прочитать, то ему, конечно, не нужно было книгъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Когда же стали стремиться къ образованiю низшiе слои общества, которые не были въ состоянiи съ дѣтства познакомиться съ какимъ-нибудь европейскимъ языкомъ, то имъ нечего было читать; научной и классической литературы не существовало на русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ не считался достойнымъ того.

Такимъ образомъ, культурная часть общества распалась на два отдѣльныхъ слоя, верхнiй, который располагалъ всѣми средствами къ образованiю, но, по рожденiю, положенiю и предразсудкамъ, повидимому, не былъ призванъ къ строгой научной работѣ и не чувствовалъ потребности ни въ нацiональной научной литературѣ, ни въ переводахъ иностранныхъ творенiй, и во-вторыхъ, низшiй слой, набиравшiйся почти исключительно изъ пролетарiата. Не зная европейскихъ языковъ и не имѣя никакихъ средствъ, молодежь этого слоя поступала, послѣ безсмысленной школьной подготовки, въ высшiя школы. При всемъ своемъ усердiи къ ученью, она не находила ни одного сколько-нибудь годнаго пособiя на русскомъ языкѣ. То же было и со всякой научной дисциплиной».

Подъ именемъ пролетарiата Пироговъ имѣетъ въ виду мелкое небогатое дворянство, къ которому онъ самъ принадлежалъ, или сыновей мелкихъ чиновниковъ, начавшихъ въ то время стремиться къ образованiю, но не имѣвшихъ достаточно средствъ, чтобы держать «собственнаго француза», какъ это дѣлали всѣ помѣщики, начиная съ 1813 года. Вся армiя военно-плѣнныхъ французовъ сдѣлалась учителями того поколѣнiя, которое выросло послѣ великой войны, и положила начало второму перiоду увлеченiя всѣмъ французскимъ, слѣды котораго повсюду замѣтны до настоящаго времени, учителя же эти были, по большей части, рядовые, или, въ лучшемъ случаѣ, унтеръ-офицеры, такъ какъ плѣнные офицеры почти всѣ безъ исключенiя вернулись на родину. Можно поэтому судить, какой педагогическiй матерiалъ, не считая языка, былъ внесенъ въ страну этими элементами.

Слѣдуетъ еще имѣть въ виду жалкое состоянiе низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiй. Если не считать первыхъ, не увѣнчавшихся особымъ успѣхомъ попытокъ Петра

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ГРАВЮРѢ „ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ“.

1) Герцогъ Веллингтонъ (Англія). 2) Графъ де Лобо (Португалія). 3) Кн. Гарденбергъ (Пруссія). 4) Кав. Солдана (Испанія). 5) Гр. Лёвенгильмъ (Швеція). 6) Гр. де-Ноаль (Франція). 7) Кн. Меттернихъ (Австрія). 8) Гр. Латуръ-Дюпенъ (Франція). 9) Гр. Нессельроде (Россія). 10) Гр. Пальмелла (Португалія). 11) Виконтъ Кестельри (Англія). 12) Герцогъ Дальбергъ (Франція). 13) Бар. Вессенбергъ (Австрія). 14) Кн. Разумовскій (Россія). 15) Лордъ Стевартъ (Англія). 16) Кав. Гомецъ Лабрадоръ (Испанія). 17) Гр. Кланкарти (Англія). 18) Г. Вакенъ. 19) Кав. Генцъ. 20) Кн. Тайлеранъ (Франція). 21) Бар. Гумбольдтъ (Пруссія). 22) Гр. Штакельбергъ (Россія). 23) Гр. Каткартъ (Англія).

6

81

Великаго дать народу систематическое образованіе, то первымъ энергичнымъ опытомъ въ этомъ отношеніи является дѣятельность любимца Елизаветы—Ивана Ивановича Шувалова. Онъ основалъ вь 1755 г. Московскій университетъ и тѣсно связанныя съ нимъ гимназіи, а въ 1758 г. — гимназію въ Казани. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы связать съ этимъ университетомъ цѣлую систему среднихъ школъ и основать также и въ Петербургѣ университетъ. Но дѣло не пошло дальше открытія этихъ первыхъ учебныхъ заведеній, да и они влачили довольно печальное существованіе.

Толчокъ, исходившій отъ императрицы Екатерины II, былъ гораздо сильнѣе. Мысль ея заключалась въ томъ, чтобы воспитать совершенно новое поколѣніе, поручивши образованіе и воспитаніе дѣтей обоего пола, насколько возможно, интернатамъ, состоявшимъ подъ контролемъ государства. Родители, отдававшіе дѣтей въ такъ наз. «академическія гимназіи», въ дворянскій кадетскій корпусъ въ Петербургѣ или въ Смольный монастырь, должны были давать торжественное обѣщаніе, что не возьмутъ ихъ до окончанія курса. Но весь складъ русской жизни приводилъ къ тому, что этими заведеніями пользовалось исключительно дворянство, и въ нихъ давалось очень условное и поверхностное образованіе. Здѣсь учили—какъ не безъ горечи говорилъ одинъ современникъ о молодыхъ офицерахъ, вышедшихъ изъ этихъ школъ,—«всему, кромѣ того, что нужно знать офицеру»; то же можно сказать, примѣнительно къ потребностямъ русскаго дома, и о молодыхъ женщинахъ, получившихъ воспитаніе въ Смольномъ: онѣ вступали въ свѣтъ, стоявшій въ рѣзкомъ противорѣчіи съ той иллюзіей дѣйствительности, для которой онѣ воспитывались. Если тѣмъ не менѣе за императрицей Екатериной II установилась слава, что она ввела въ русскую жизнь «образованную женщину», то это до извѣстной степени вѣрно.

Смольный внесъ въ жизнь утонченность чувствъ и манеръ, хотя, правда въ однихъ лишь высшихъ слояхъ общества. Ея идеи были дѣйствительно послѣдовательно и гораздо сознательнѣе осуществлены и углублены ея невѣсткой, императрицей Маріей Федоровной; въ теченіе всего царствованія Александра и даже позже учрежденія императрицы Маріи служили центромъ женскаго образованія. Она приложила гораздо больше стараній, чѣмъ Екатерина, къ тому, чтобъ воспитать изъ молодыхъ дѣвушекъ будущихъ хозяекъ. Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, вѣроятно подъ вліяніемъ

Іосифа II, обнаруживается стремленіе осуществить идеи Шувалова въ смыслѣ основанія учебнаго строя, охватывающаго все государство. Указъ отъ 5-го августа 1786 г. установилъ типъ предположенныхъ къ открытію народныхъ школъ въ два, три и четыре класса, при чемъ каждая изъ нихъ должна была давать законченное образованіе. И дѣйствительно, въ 1788 г. такія школы были открыты во всѣхъ губерніяхъ, но успѣхъ нигдѣ не былъ удовлетворителенъ. Недостатокъ ощущался не только въ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, но и въ ученикахъ. Первую бѣду до нѣкоторой степени исправили тѣмъ, что кое-какъ въ короткое время подготовили къ учительству воспитанниковъ духовныхъ семинарій и московской академіи. Недостатокъ въ собственныхъ учебныхъ пособіяхъ пришлось исправить съ помощью переводовъ, но преодолѣть сопротивленіе родителей, ни въ коемъ случаѣ не желавшихъ, чтобы дѣти учились больше прежняго, было почти невозможно. Въ особенности, 4-классная высшая школа не находила для себя учениковъ. Для того, чтобы можно было доложить императрицѣ, что ея воля исполнена, не оставалось ничего другого, какъ собирать учениковъ съ помощью полиціи. На нихъ даже надѣвали цѣпи, чтобъ ихъ только удержать. Къ этому присоединялось еще низкое экономическое и общественное положеніе учителей, нежеланіе городскихъ и сельскихъ обществъ нести денежныя жертвы и, постоянный недостатокъ денегъ у правительства. Поэтому усердіе скоро истощилось. Послѣ основанія въ 1787 г. цѣлыхъ 169 школъ, наступилъ застой, продолжавшійся и при императорѣ Павлѣ, въ царствованіе котораго возникло лишь 13 новыхъ училищъ. Сельскихъ же школъ и вовсе не было. Кто росъ въ деревнѣ, тотъ оставался незатронутымъ никакимъ образованіемъ, если не считать вліяній церкви и живого сокровища устныхъ преданій, переходившихъ изъ рода въ родъ.

Во времена императора Александра I эти условія для высшихъ слоевъ населенія значительно измѣнились къ лучшему; планы же основанія народныхъ школъ потерпѣли ту же участь, что и старанія уничтожить крѣпостное право. Первоначально имѣлось въ виду устроить школу, по возможности, въ каждомъ приходѣ, но ни сельскія общества, ни помѣщики не обнаруживали ни малѣйшей склонности принимать на себя такую обузу. Только духовенство дѣлало подъ давленіемъ своего начальства самое необходимое. Случилось то, что всегда бывало въ Россіи: для того, чтобъ исполнить требованіе правительства, сооружена была декорація, которая рухнула, какъ только прошелъ первый

пылъ. Въ 1804 г. былъ изданъ указъ объ основаніи народныхъ школъ въ опредѣленныхъ районахъ; въ 1806 г. можно было донести, что въ Новгородской губ. открыто 100 народныхъ школъ, а въ 1808 г. изъ всѣхъ этихъ училищъ оставалось только одно. Въ Олонецкой губ. было основано въ 1804 г. 20 народныхъ школъ, въ Архангельской — только 9, но въ 1819 г. ни здѣсь, ни тамъ не оставалось ни одной школы; точно также дѣло, повидимому, обстояло и въ другихъ мѣстахъ. Только въ городахъ, и то съ большимъ трудомъ, поддерживались начальныя школы.

Не такъ легко могли исчезнуть высшія и среднія учебныя заведенія, также вызванныя къ жизни царемъ. Одно ужъ то, что они имѣли декоративное значеніе для государства, заставляло дольше поддерживать видимость; а на ней стали медленно и неуклюже проростать начала истиннаго образованія.

Указомъ отъ 28-го января 1803 г. Александръ учредилъ особый органъ для народнаго образованія—главное правленіе училищъ, и раздѣлилъ все государство на шесть учебныхъ округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены попечители, являвшіеся представителями своихъ учебныхъ округовъ въ Петербургскомъ центральномъ вѣдомствѣ. Каждый изъ этихъ учебныхъ округовъ долженъ былъ имѣть свой университетъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Польско-Литовской области уже были университеты—въ Дерптѣ и въ Вильнѣ. Но дерптскій университетъ былъ основанъ въ 1801 г. и развивался своимъ особымъ путемъ; онъ былъ съ самаго начала организованъ въ качествѣ нѣмецкаго университета, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ и съ нѣмецкимъ учебнымъ персоналомъ и сохранилъ свой нѣмецкій характеръ и нѣмецкій научный духъ до самой своей насильственной гибели. Виленскій университетъ также развивался не въ русскомъ духѣ. Въ старой столицѣ Москвѣ продолжалъ существовать основанный въ 1755 г. университетъ, влача, вслѣдствіе безвременья, жалкое существованіе. Поворотъ къ лучшему начался съ тѣхъ поръ, какъ М. Н. Муравьевъ принялъ на себя въ 1803 г., въ качествѣ попечителя, руководство московскимъ учебнымъ округомъ и привлекъ нѣсколько хорошихъ нѣмецкихъ профессоровъ, которымъ, конечно, пришлось читать свои лекціи передъ недостаточно подготовленными слушателями по-латыни. Но и въ 1811 г. университетъ насчитывалъ только 215 студентовъ. Нашествіе французовъ вызвало полный застой, и лишь съ августа 1813 года могли снова начаться лекціи; но зданіе университета было вполнѣ закончено только въ 1819 г. Послѣ

короткаго періода расцвѣта, когда число студентовъ дошло до 900, начался въ послѣдніе годы царствованія Александра упадокъ, какой тогда наблюдался въ Россіи повсемѣстно, подъ вліяніемъ прогрессирующаго мистицизма. Тѣмъ не менѣе, дѣла шли болѣе сносно, чѣмъ въ новыхъ университетахъ — харьковскомъ, казанскомъ и петербургскомъ, такъ какъ правительство до нѣкоторой степени считалось со старою столицей и не рѣшалось взять да уничтожить остатки сохранившихся здѣсь традицій.

Вездѣ, конечно, было одинаково трудно добыть подходящія педагогическія силы; кромѣ того, и московскій университетъ также страдалъ отъ недостаточной научной подготовки воспитанниковъ, поступавшихъ въ высшую школу; наконецъ, о свободномъ самоуправленіи профессорскаго персонала не могло быть и рѣчи, точно такъ же, какъ и о корпоративной организаціи студенчества. То и другое было не русскаго происхожденія и не подходило къ самодержавному строю, проникавшему все государство. Всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки разбивались о всемогущество бюрократіи и вскорѣ навлекли на себя недовѣріе и вражду самого царя. Это обнаружилось особенно ясно въ отношеніи трехъ ново-открытыхъ университетовъ.

Благодаря совмѣстному вліянію польской интриги и мѣстнаго патріотизма Каразина, мѣстомъ для южно-русскаго университета былъ избранъ не Кіевъ, а Харьковъ. Профессорамъ, привлеченнымъ посредствомъ заманчивыхъ обѣщаній изъ-за границы, главнымъ образомъ изъ Германіи, пришлось узнать, что объ университетской автономіи не можетъ быть и рѣчи, и они вскорѣ же разъѣхались. Казанскій университетъ дошелъ въ первое десятилѣтіе своего существованія до 40—50 студентовъ, а въ Петербургѣ, гдѣ сначала довольствовались всевозможными суррогатами, полный университетъ былъ открытъ лишь въ 1819 г.[1]), т.-е. въ такое время, когда уже началась реакція; спустя два года отъ свободы преподаванія не оставалось и слѣда. Вслѣдствіе жалкихъ результатовъ, достигнутыхъ этими университетами,— студентовъ, которые удачно сдавали экзаменъ, посылали для подготовки къ профессорской дѣятельности въ Дерптъ, а позже за границу. Въ русскомъ «обществѣ» университеты никогда не пользовались популярностью; имъ предпочитали военныя и спеціальныя учебныя заведенія, или старались, по примѣру преж-

---

[1]) Въ началѣ 1822 г. въ университетѣ насчитывались 40 студентовъ (17 юристовъ, 6 филологовъ, 4 математика и 13 вольно-слушателей), а въ годъ основанія ихъ было 24.

нихъ лѣтъ, достигнуть, съ помощью домашнихъ учителей и участившихся заграничныхъ поѣздокъ, того лоска и образованія, какого требовала жизнь въ обществѣ.

Наконецъ, былъ еще рядъ привилегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, дававшихъ тѣ же права, что и университетъ, и открывавшихъ доступъ къ государственной службѣ. Поворотъ къ лучшему наступилъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ поняли, что гимназіи должны давать ученикамъ такое образованіе, которое позволяло бы имъ слѣдить съ успѣхомъ за университетскимъ преподаваніемъ. Въ 1817 г. министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ навязалъ всѣмъ гимназіямъ соотвѣтствующую программу; этимъ были созданы условія, приближавшія русскіе университеты къ нѣмецкимъ, и указанъ новый путь для сближенія русскаго образованія съ западнымъ. Основныя требованія по отношенію къ тому, что понималось подъ словомъ «образованіе», стали измѣняться. Въ русскую жизнь проникъ классицизмъ, хоть и въ самой первобытной формѣ; будущее должно было показать, какое употребленіе она изъ него сдѣлаетъ. Но и тогда уже можно было предвидѣть, что въ началѣ эти похвальныя стремленія не приведутъ ни къ какимъ перемѣнамъ къ лучшему. Нечего и говорить, что ни студенты, ни профессора не удовлетворяли требованіямъ, какія должны быть поставлены тамъ, гдѣ главною цѣлью является наука. Но, независимо отъ этого, у школъ и университетовъ была съ самаго начала отнята всякая возможность достигнуть здороваго и непрерывнаго развитія вслѣдствіе двухъ условій: піэтизма, исходившаго отъ императора и перешедшаго на бюрократію, и дальнѣйшаго роста и безъ того чрезмѣрно развившагося милитаризма [1]).

[1]) «Военный строй, какъ онъ организованъ особенно въ Россіи, изгонялъ науки». Какъ кругъ исключаетъ квадратъ. (Де-Местръ). Еще съ большимъ правомъ это можно сказать о русскомъ піэтизмѣ.

Важнѣйшая черта всѣхъ русскихъ политическихъ и соціальныхъ организацій заключается въ томъ, что вездѣ во главѣ ихъ оказывается привилегированная бюрократія, беззастѣнчиво проявляющая свою власть надъ безправными подчиненными, не находящими достаточной защиты въ государственныхъ законахъ. Вездѣ же, гдѣ государство переноситъ часть своей неограниченной власти на учрежденія или отдѣльныхъ лицъ, ею всегда злоупотребляютъ. Это правило одинаково справедливо, какъ по отношенію къ сельскому старостѣ и низшему канцелярскому чиновнику, такъ и къ предводителю дворянства и генералъ-губернатору, къ унтеръ-офицеру и генералу, къ сенату, комитету министровъ и государственному совѣту; также точно оно относится и ко всему духовенству обширнаго государства со всѣми его органами.

Какъ извѣстно, русская церковь различаетъ черное и бѣлое духовенство, т.-е. монаховъ и священниковъ, состоящихъ въ бракѣ. Изъ первой группы выходятъ, за малыми исключеніями,

всѣ высшія духовныя лица, въ ней же сосредоточена сила, богатство и авторитетъ церкви. Эта группа сумѣла, такъ сказать, монополизировать въ своихъ рядахъ образованіе духовнаго сословія. Она является начальствомъ для бѣлаго духовенства и организована по бюрократическому образцу, совершенно такъ же, какъ и свѣтское чиновничество. Во главѣ ея стоитъ святѣйшій синодъ; онъ долженъ былъ первоначально замѣнить патріарха, и восточный патріархъ обращается къ нему со словомъ «братъ», но во времена Александра онъ занимаетъ въ сферѣ духовныхъ дѣлъ приблизительно такое же положеніе, какъ сенатъ въ области управленія и юстиціи. Епископъ и архіепископъ соотвѣтствовалъ губернатору и генералъ-губернатору, епархіальная консисторія—губернскому правленію, низшее духовное управленіе—уѣздному суду и полиціи, а избранный изъ среды бѣлаго духовенства о. благочинный—городскимъ и сельскимъ властямъ.

Консисторіи же и архіереи находились, какъ и свѣтскія власти, въ полной зависимости отъ опытныхъ въ дѣлахъ свѣтскихъ секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ (архіерей кромѣ того отъ келейника), а послѣдніе отличались взяточничествомъ, которое было такъ же распространено среди духовенства, какъ и среди правительственныхъ чиновниковъ. О русскомъ духовенствѣ XIX вѣка въ западно-европейской литературѣ не было написано ничего, что хоть сколько-нибудь походило по рѣзкости тона на тотъ ужасный обвинительный матеріалъ, который былъ, часто съ полной наивностью, опубликованъ русскими. Высшіе представители чернаго духовенства отличались корыстолюбіемъ и тщеславіемъ и были почти такъ же далеки отъ народа, какъ и кругъ знатныхъ и богатыхъ фамилій. Съ другой стороны, бѣлое духовенство, если не попадало на высшія должности, то находилось въ недостойныхъ и унизительныхъ условіяхъ, которыя не поддаются никакому описанію. Нищіе, необразованные, третируемые своимъ духовнымъ начальствомъ, обыкновенно презираемые своею паствой, пьяницы, плохо одѣтые, грязные и запущенные во всѣхъ отношеніяхъ, — влачили они жизнь, которая большинству изъ нихъ не приносила ничего, кромѣ униженій. Даже сколько-нибудь зажиточные крѣпостные крестьяне отказывались родниться съ ними. До 1802 г. существовалъ даже законъ, разрѣшавшій подвергать священниковъ и дьяконовъ тѣлесному наказанію изъ рукъ ихъ начальства, а объ ученикахъ духовныхъ семинарій и говорить нечего [1]). Образованіе, получаемое въ этихъ семинаріяхъ,

[1]) Ростиславовъ («О черномъ и бѣломъ духовенствѣ въ Россіи») такъ описываетъ подобную сцену:

какъ и вообще школьное образованіе того времени, не было пригодно для подготовки къ практической жизни. До 1808 г. преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ по плохо составленнымъ руководствамъ и обнимало на высшихъ ступеняхъ то, что носило названіе философіи, реторики и богословія, но что̀ въ дѣйствительности не имѣло ничего общаго съ этими науками и требовало, наоборотъ, огромнаго напряженія памяти. Если память отказывалась служить, то на сцену являлись самыя тяжкія тѣлесныя наказанія, но и они въ большинствѣ случаевъ не могли втиснуть схоластическую дребедень въ головы русскихъ поповичей. Такимъ образомъ, эти семинаріи, бывшія всегда закрытыми заведеніями, обращались въ застѣнокъ, отъ котораго родители всячески старались избавить своихъ дѣтей. Люди охотно шли на лишенную всякой самостоятельности должность причетника или дьякона, лишь бы уйти отъ многолѣтняго семинарскаго гнета. Семинаристы часто спасались бѣгствомъ отъ духовной и матеріальной нужды; много священническихъ семействъ цѣликомъ или частью снова растворились въ крестьянскомъ сословіи. Часто полиція доставляла въ семинарію въ связанномъ видѣ будущихъ священниковъ,—не только пойманныхъ бѣглецовъ, но и поповичей («рекрутовъ семинарскаго образованія», какъ тогда говорили), которыхъ родители прятали или удерживали дома. Дѣло въ томъ, что бѣлое духовенство составляло особую касту, и поповичъ долженъ былъ самъ становиться попомъ и жениться на поповнѣ. Единственный выходъ былъ въ томъ, чтобы семина-

---

«Что ты за плутъ, смутьянъ, негодяй», сказалъ архіерей,—«я тебя научу! Плетей сюда!» Являлись, конечно, кучера или другіе слуги съ двухвостными плетками. «Раздѣвайся и растягивайся!» Тогда, по обыкновенію, наказуемый снималъ съ себя верхнюю одежду. Когда онъ раздѣлся и растянулся на полу, то являлись только двое изъ архіерейскихъ служекъ съ плетьми, держать же его должны были присутствующіе священники по выбору архіерея или его служки. Отказаться было невозможно. Итакъ, четыре человѣка становились на колѣни, двое держали ноги, двое другихъ скрещенныя руки; для двухвостокъ, такимъ образомъ, освобождалось мѣсто; онѣ могли прильнуть къ обнаженному тѣлу. Осужденнаго клали такъ, чтобы архіерей могъ, не вставая съ дивана, видѣть собственными глазами, хорошо ли попадали удары. Чаще всего сѣкли причетниковъ, потомъ дьяконовъ, но и для священниковъ не было пощады, особенно если они были еще молоды. Сѣкли жестоко. Мой дѣдъ, который не одного держалъ за руку или за ногу, обыкновенно говорилъ: «Ухъ, даже въ жаръ бросало и дрожь проходила по всему тѣлу». Такъ, часто священникъ, только что принесшій безкровную жертву, самъ бывалъ битъ до крови.

ристъ заявилъ о своемъ намѣренiи отречься отъ мiра и перейти въ ряды чернаго духовенства.

Этотъ-то путь преимущественно и избирался талантливыми и честолюбивыми молодыми людьми. Стоило на него только вступить, чтобы быстро пойти въ гору. Наиболѣе способные совсѣмъ не попадали въ монастыри. Ихъ посылали въ петербургскую духовную академiю, по окончанiи которой они дѣлались учителями или профессорами; если же они обнаруживали ловкость и практичность, то могли дойти до высшихъ духовныхъ чиновъ [1]).

Высшей цѣлью было сдѣлаться митрополитомъ и членомъ святѣйшаго синода.

Засѣдающiй въ Петербургѣ главный отдѣлъ «святѣйшаго правительствующаго синода» состоялъ 9-го декабря 1814 г. изъ предсѣдателя — высокопреосвященнаго Амвросiя, митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго, эстляндскаго и финляндскаго — Михаила, архiепископа черниговскаго и нѣжинскаго — Серафима, архiепископа тверского и кашинскаго, духовника императора Криницкаго, протопресвитера армiй и флота — Державина, оберъ-прокурора — князя А. Н. Голицына, члена государственнаго совѣта, сенатора, управляющаго духовными дѣлами и иностранными исповѣданiями и императорскаго статсъ-секретаря, 2 старшихъ секретарей, 1 экзекутора, 2 протоколистовъ, 1 архиварiуса, 1 казначея и 1 регистратора; сюда же, наконецъ, причислялся и синодскiй врачъ. Всего было 15 лицъ; изъ нихъ шесть первыхъ входили еще въ комитетъ духовныхъ училищъ, къ которому причислялся также архимандритъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря Филаретъ и многочисленная канцелярiя.

Къ этому центральному вѣдомству примыкала еще московская контора святѣйшаго синода и шесть членовъ синода, жившихъ въ своихъ епархiяхъ.

Къ синодскому департаменту относилась также московская цензура и московская типографская контора.

Подъ верховнымъ надзоромъ святѣйшаго синода находились епархiальныя духовныя консисторiи, дѣлившiяся по своему значенiю на три разряда, и столько же разрядовъ монастырей. Такъ

[1]) Мы не распространяемся о монастыряхъ. За исключенiемъ настоятеля-архимандрита, большинство монаховъ и монахинь принадлежали къ низшему или среднему классу. Но случалось, что въ монастырь уходили и крупные чиновники или военные, чтобы провести на покоѣ закатъ жизни. Несмотря на секуляризацiю 1764 г., монастыри были чрезвычайно богаты. Культурнаго влiянiя они не имѣли.

какъ для священниковъ начальствомъ служили архіереи, а сами они были подчинены синоду, то послѣдній являлся, можно сказать, всемогущимъ главою церкви, ограничить котораго могъ только императоръ.

Важное и плодотворное вліяніе царствованія Александра состояло въ томъ, что онъ сокрушилъ могущество синода и сдѣлалъ его вѣдомствомъ, которое, подобно отдѣльнымъ министерствамъ, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ ставилось въ полную зависимость отъ его воли, выразителемъ которой являлся оберъ-прокуроръ.

Способъ, какимъ императоръ произвелъ эту перемѣну, настолько поучителенъ и характеренъ для его самодержавныхъ пріемовъ, что его нельзя обойти молчаніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій въ 1722 г. посадилъ на шею святѣйшему синоду прокурора, синодъ постоянно боролся съ «царевымъ окомъ», какъ Петръ называлъ своего представителя. Но при Павлѣ Амвросію, котораго мы застали въ 1814 г. въ роли предсѣдателя святѣйшаго синода, удалось одержать побѣду. Оберъ-прокуроръ Хованскій, энергично защищавшій права государства, былъ уволенъ лѣтомъ 1799 г. отъ должности, и митрополитъ Амвросій съ торжествомъ сообщилъ ему объ этомъ въ присутствіи всей святѣйшей коллегіи. Преемникъ же Хованскаго, графъ Хвостовъ, подчинялся во всемъ честолюбивому митрополиту. Александръ вскорѣ послѣ учрежденія министерствъ уволилъ слишкомъ снисходительнаго хранителя государственныхъ интересовъ [1]) и назначилъ ему преемникомъ энергичнаго чиновника, состоявшаго до тѣхъ поръ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, А. А. Яковлева [2]). Произошла жестокая борьба, въ которой побѣдителемъ оказался, благодаря придворнымъ связямъ, предсѣдатель синода Амвросій. Чтобы предупредить увольненіе, Яковлевъ еще 7-го октября 1803 г. подалъ прошеніе объ отставкѣ. Казалось бы, что духовенство одержало рѣшительную побѣду; между тѣмъ съ этой-то побѣды и начинается постепенный упадокъ синодскаго могущества и окончательное подчиненіе его государственной точкѣ зрѣнія, представляемой оберъ-прокуроромъ.

Александръ началъ съ того, что отправилъ наиболѣе горячаго защитника прерогативъ духовенства, архіепископа ярослав-

---

[1]) Указомъ отъ 31-го декабря 1802 г.

[2]) Онъ принадлежалъ къ старшему, теперь уже вымершему роду этого имени, который былъ одного происхожденія съ Шереметевыми, Колычевыми и др. и черезъ Юрьевыхъ стоялъ въ родствѣ съ Романовыми.

скаго Павла, назадъ въ епархію и сдѣлалъ митрополиту Амвросію весьма недвусмыленное «увѣщаніе», а 21-го октября назначилъ оберъ-прокуроромъ своего стараго друга, князя Александра Николаевича Голицына. Голицынъ отклонялъ, сколько могъ, отъ себя эту должность, которая не отвѣчала ни его подготовкѣ, ни религіознымъ убѣжденіямъ. Но Александръ побѣдилъ его сопротивленіе тѣмъ, что произвелъ его въ свои статсъ-секретари и обѣщалъ участвовать лично въ его работѣ. Этимъ путемъ Голицынъ сразу занялъ неприступную позицію. Опираясь на недопускающій никакихъ возраженій авторитетъ императора, онъ могъ проводить свои взгляды; а такъ какъ онъ въ то же время прилежно и добросовѣстно изучалъ дѣла и былъ внѣ всякаго сомнѣнія, недоступенъ даже для самаго искуснаго подкупа, то синодъ принужденъ былъ отступать каждый разъ, когда оберъ-прокуроръ съ нимъ не соглашался. Не ведя фактически войны, Голицынъ могъ взять въ свои руки рѣшеніе всѣхъ важныхъ синодскихъ дѣлъ. Онъ началъ пріучать высокую духовную инстанцію, въ которой до тѣхъ поръ царилъ невѣроятный безпорядокъ, къ правильному веденію дѣлъ подъ строгимъ контролемъ и объявилъ войну особенно произволу, лѣни и продажности секретарей. Этихъ секретарей,—ставшихъ почти всемогущими вслѣдствіе неспособности ихъ начальниковъ,—онъ поставилъ въ зависимость отъ прокуратуры, заставилъ ихъ давать правильные отчеты о ходѣ дѣлъ, смѣстилъ лѣнивыхъ и ненадежныхъ секретарей, и сумѣлъ подчинить контролю и обуздать даже архіереевъ въ ихъ епархіяхъ. Лишь только они убѣдились, что дѣйствительная сила находится въ рукахъ Голицына, а не святѣйшаго синода, то стали угождать ему самымъ усерднымъ образомъ. Подчиненныя отношенія установились, главнымъ образомъ, еще и потому, что отъ представленія Голицына зависѣлъ вызовъ къ присутствованію въ синодѣ и увольненіе членовъ синода обратно въ епархіи. Этимъ путемъ Голицынъ получилъ возможность составить святѣйшій синодъ изъ такихъ людей, которые добровольно слѣдовали желаніямъ прокуратуры; а такъ какъ самъ онъ искренно старался исправить глубокіе недостатки церковнаго управленія и церковной жизни, то и совѣсть ревностнаго священнослужителя могла быть спокойна, тѣмъ болѣе что дѣло шло, въ концѣ концовъ, только о внѣшнихъ формахъ духовной власти, а не о ея содержаніи. Поэтому послѣдняя склонилась предъ могуществомъ правительства, по отношенію же къ низшимъ сохранила въ прежней силѣ свой авторитетъ и произволъ. Къ тому же, Голицынъ

вовсе не зналъ людей и, самъ того не замѣчая, сдѣлался орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто сумѣлъ пріобрѣсть расположеніе этого добродушнаго и слабохарактернаго человѣка. Главная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ приступилъ къ реформѣ духовныхъ училищъ и пытался улучшить матеріальное положеніе школъ и приходскаго духовенства. Впрочемъ, послѣдней цѣли онъ не достигъ, и положеніе сельскихъ священниковъ осталось столь же печальнымъ, какъ и прежде, а школьная реформа 1808 г. далеко отстала по своимъ результатамъ отъ желанія Голицына и императора. Тѣмъ не менѣе, въ неподвижную массу была внесена искра жизни. Положеніе Голицына по отношенію къ синоду было, въ сущности, давно уже равносильно положенію министра, когда Александръ его назначилъ (19-го ноября 1817 г.) министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Но къ этому времени самъ Голицынъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Вольнодумецъ 1803 г. постепенно превратился въ вѣрующаго христіанина, а мистическое направленіе, которое съ 1812 г. начало все больше и больше овладѣвать императоромъ, перешло еще раньше и ему въ плоть и кровь. Для русской церкви начинается новый періодъ, который, правда, закончился съ царствованіемъ Александра, но тѣмъ не менѣе оказалъ роковое вліяніе на судьбу всѣхъ исповѣданій страны и всѣхъ учебныхъ заведеній.

Первый изъ Романовыхъ, кому не были чужды мистическіе порывы, былъ несчастный имераторъ Павелъ. Въ Гатчинѣ показывали мѣста, гдѣ онъ простаивалъ на колѣняхъ, погруженный въ молитвы, а часто въ слезахъ. Въ этихъ мѣстахъ паркетъ стертъ, какъ доказательство страстности, проявлявшейся у императора и въ покаяніи. Но вокругъ себя императоръ преслѣдовалъ проявленія мистицизма, такъ какъ предполагалъ, что они имѣютъ связь съ масонствомъ. Наоборотъ, при Александрѣ, который, какъ мы видѣли, былъ сначала индифферентенъ въ религіозномъ отношеніи, мистицизмъ возродился снова въ свойственныхъ Россіи причудливыхъ формахъ, и Александръ еще задолго до своего пробужденія вступилъ съ нимъ въ сношенія. Самымъ замѣчательнымъ доказательствомъ являются его встрѣчи со скопческимъ богомъ Петромъ Федоровичемъ, «истиннымъ Христомъ, спасителемъ и сыномъ Божіимъ». Настоящее имя этого человѣка было Кондратій Селивановъ; при Екатеринѣ II онъ выступилъ съ заявленіемъ, что онъ сынъ непорочной дѣвы Елизаветы Петровны, т.-е. императрицы Елизаветы, которая черезъ

его рожденіе сдѣлалась Божьею матерью. Она-де и теперь еще живетъ подъ именемъ Акулины Ивановны у одного изъ скопцовъ Своего и Божьяго сына Петра она тотчасъ же послѣ его рожденія отправила въ Голштинію, гдѣ онъ сдѣлался скопцомъ, а теперь вернулся въ Россію.

Когда этотъ человѣкъ попался въ руки императрицы Екатерины, она велѣла 15-го сентября 1775 г. наказать его кнутомъ и сослать въ Сибирь на каторгу. Спустя много лѣтъ, ему удалось бѣжать, но при Павлѣ онъ былъ снова схваченъ и, по желанію императора, доставленъ въ Петербургъ. Такъ какъ онъ и передъ императоромъ продолжалъ упорно заявлять, будто онъ — Петръ III, то тотъ велѣлъ его запереть въ сумасшедшій домъ. По просьбѣ нѣсколькихъ богатыхъ приверженцевъ секты, онъ былъ переведенъ въ 1802 г. въ одну изъ богадѣленъ Смольнаго монастыря и, въ концѣ концовъ, поселился въ домѣ купца Ненастьева, гдѣ для него устроили великолѣпную квартиру и чтили, какъ «спасителя». А такъ какъ онъ считался святымъ и пророкомъ даже среди людей, не принадлежавшихъ къ сектѣ, то обращаться къ нему вошло въ моду. Въ 1805 г., передъ отбытіемъ въ главную квартиру, Александръ также не могъ устоять передъ искушеніемъ и посѣтилъ Ненастьевскій домъ. Объ этой встрѣчѣ скопцы разсказываютъ такъ: «Видимый царь пришелъ къ небесному въ алтарь», т.-е. къ Селиванову въ домъ, и совѣщался съ нимъ, начать ли ему войну съ Наполеономъ или нѣтъ. «Твое время еще не пришло», сказалъ Селивановъ, — «онъ побьетъ тебя и твое войско. Тебѣ придется бѣжать, куда только можно. Подожди и подкрѣпись, — твой часъ придетъ. Тогда Богъ тебѣ поможетъ уничтожить антихриста».

Спустя три дня послѣ этой встрѣчи, «спасителя» посѣтилъ изъ любопытства будущій сенаторъ Лубяновскій. Когда онъ вошелъ въ комнату, то увидѣлъ въ сторонкѣ много молящихся. Селивановъ приподнялся на постели и благословилъ его. «Вотъ», сказалъ онъ, — «возвращается въ стадо еще одна заблудшая овца». Потомъ онъ схватилъ Лубяновскаго за руку и вдругъ спросилъ: «Что же, Алексаша уѣхалъ?» Лубяновскій посмотрѣлъ на него, не понявъ, что онъ хотѣлъ сказать. «Что же, царь-то уѣхалъ?» Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ съ сожалѣніемъ. «Что подѣлаешь? Третьяго дня я умолялъ его здѣсь на этомъ мѣстѣ, не ѣхать и не начинать войны съ проклятымъ французомъ. Спаси Богъ! я не вижу впереди ничего хорошаго. Вотъ ты увидишь. Нужно было подождать нѣсколько

лѣтъ. Мѣра измѣнника еще не полна». Точь въ точь такъ онъ мнѣ и сказалъ, увѣряетъ Лубяновскій [1]).

Мы разсказали подробно объ этомъ посѣщеніи Александромъ мнимаго пророка, потому что здѣсь мы находимъ первый слѣдъ странной наклонности Александра искать особыхъ откровеній Божьихъ. До самаго конца своей жизни онъ не могъ противиться соблазну обращаться къ пророкамъ и чудотворцамъ, чтобы узнать намѣренія Провидѣнія; повидимому, онъ временами вѣрилъ, что и самъ получаетъ божественное откровеніе. Когда бывшій мартинистъ и будущій масонъ Лабзинъ развивалъ въ своемъ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», запрещенномъ въ 1806 г., ученіе о царствѣ Божьемъ внутри насъ, а молодой монахъ будущій митрополитъ московскій Филаретъ проповѣдывалъ то же ученіе въ петербургскомъ обществѣ, то оно встрѣтило сочувственный откликъ въ душѣ Александра.

Проповѣдь, произнесенная въ этомъ духѣ Филаретомъ въ 1810 г., въ день Благовѣщенія, произвела особенно хорошее впечатлѣніе на князя Голицына, который, не будучи ортодоксальнымъ догматикомъ, постепенно проникался духомъ христіанства. Филаретъ далъ ему то, что ему было нужно; поэтому онъ попросилъ митрополита Амвросія, принадлежавшаго также къ покровителямъ Лабзина, распорядиться, чтобы Филаретъ чаще проповѣдывалъ. Въ 1811 г. онъ произнесъ 7 проповѣдей. Одна изъ нихъ, о дарахъ Духа Святаго, встрѣтила такія нападки со стороны противниковъ Филарета за несоотвѣтствіе, по ихъ мнѣнію, съ духомъ православія, что Голицынъ вынужденъ былъ образовать комиссію для изслѣдованія этой проповѣди. Само собою разумѣется, что, благодаря той позиціи, которую занималъ Голицынъ, комиссія оправдала Филарета. Тѣмъ не менѣе, споръ вызвалъ столько шума, что Александръ велѣлъ доставить ему проповѣдь; этимъ самымъ, если мы не ошибаемся, онъ сдѣлалъ первый шагъ по пути къ мистическому піэтизму. Императоръ подарилъ молодому монаху кольцо съ крестомъ, какъ бы признавая въ его проповѣди божественное слово, и черезъ нѣсколько дней произвелъ 28-лѣтняго молодаго человѣка въ архи-

[1]) Далѣе достовѣрно извѣстно, что несмотря на обширное распространеніе Селивановской секты и на беззастѣнчивое совершеніе ею своихъ богослуженій, Александръ до 1820 г. не трогалъ этого человѣка. Въ этомъ году его сослали въ Суздальскій монастырь въ государственной каретѣ, на которую князь Голицынъ, по прямому приказу императора, истратилъ 1700 р. Селивановъ умеръ въ 1823 г. Ивановскій считаетъ годомъ его смерти 1832 г.

мандриты. Все это происходило въ іюнѣ 1811 г., когда Александръ уже предвидѣлъ войну съ Наполеономъ, а 16-го ноября 1811 г. императоръ приказалъ, чтобы въ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ испытаніе по закону Божьему предшествовало всѣмъ остальнымъ экзаменамъ. Мы видимъ, что годы 1812—1815 нашли въ немъ почву, готовую для воспріятія религіозныхъ впечатлѣній. Голицынъ указалъ ему на Библію; стихи 91-го псалма: «Кто живетъ подъ покровомъ Всевышняго и почиваетъ въ тѣни Всемогущаго, говоритъ Господу: Ты прибѣжище мое и защита моя, Богъ мой, на котораго я уповаю!»— были первыя слова Библіи, которыя ему попались на глаза, когда онъ раскрылъ священное писаніе; ими же встрѣтило его духовенство, когда онъ въ тотъ же день входилъ въ Казанскій соборъ. Ему казалось, что онъ слышитъ гласъ Божій, призывающій его. Тутъ-то этотъ Божескій призывъ и наполнилъ всецѣло его душу; подлинность его онъ видѣлъ почти до осязательности ясно въ великихъ событіяхъ этого времени.

Въ знакъ благодарности Богу онъ основалъ русское библейское общество; мысль эта была ему подана агентами большого англійскаго библейскаго общества Пинкертономъ и Патерсономъ. Самъ царь вступилъ въ члены общества съ единовременнымъ взносомъ въ 25.000 руб. и ежегоднымъ въ 10.000 руб. Князь Голицынъ занялъ предсѣдательское мѣсто; вполнѣ понятно, что всѣ теперь старались слѣдовать примѣру государя и его любимца. Свѣтскіе и духовные сановники заняли мѣста товарищей предсѣдателя; всѣ исповѣданія должны были принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и мы встрѣчаемъ здѣсь рядомъ съ православнымъ митрополитомъ католическаго архіепископа Сестренцевича, генералъ-суперинтендента петербургской протестантской церкви и оберъ-пасторовъ англиканской и голландской столичныхъ церквей. Здѣсь были также представители отъ «братьевъ» и отъ лицъ, извѣстныхъ въ качествѣ масоновъ или мистиковъ. Ближайшей цѣлью общества долженъ былъ быть переводъ св. писанія на всѣ языки обширной страны, слѣд. и на русскій языкъ [1]), и возможно широкое распространеніе этихъ текстовъ. Конечная же возвышенная цѣль, которой хотѣли достигнуть, заключалась въ распространеніи истиннаго христіанства и въ руководствѣ на евангельскихъ началахъ всѣми государственными учрежденіями, въ особенности школами и церквами.

---

[1]) Голицынъ предложилъ перевести библію съ церковно-славянскаго на русскій языкъ еще въ 1803 г., т.-е. въ такое время, когда онъ самъ былъ далекъ отъ мистицизма. Но тогда эта мысль была отклонена.

Такъ какъ въ теченіе 1812—15 гг. становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что Александръ относится серьезно къ своему новому образу мыслей, то дѣло не остановилось послѣ перваго толчка. Участіе въ библейскомъ обществѣ обратилось въ могучій рычагъ государственной жизни. Многіе отдались новымъ взглядамъ, несомнѣнно, съ полной искренностью и старались согласовать съ ними свою жизнь; но для громаднаго большинства они обратились въ одно изъ средствъ для собственнаго возвышенія и для пріобрѣтенія милости тѣхъ, кто стоялъ во главѣ государства и кто началъ награждать за проявленія набожныхъ чувствъ земными выгодами. Люди, какъ императоръ Александръ и князь Голицынъ, которые не знали исторіи своей церкви и были совершенно невѣжественны въ догматикѣ, могли, конечно, не замѣтить того, что все движеніе не имѣло въ себѣ ничего русскаго и противорѣчило историческому развитію русской церкви; но невозможно допустить, чтобы высшее духовенство также заблуждалось въ этомъ отношеніи. Русская церковь видѣла всегда опору своего особеннаго положенія въ отчетливости вѣроученія и въ исполненіи обрядовъ, которые замѣнили для народа и даже для огромнаго большинства образованныхъ людей сущность христіанства. Направленіе же, исходившее отъ руководителей библейскаго общества, было въ самомъ корнѣ враждебно догматизму и не придавало значенія внѣшнимъ церковнымъ формамъ. Одинъ часъ покаянія стоилъ больше, чѣмъ все остальное, и это именно и встрѣтило откликъ.

Кающійся грѣшникъ началъ обращаться въ знатномъ русскомъ обществѣ въ особый типъ, а мистическая литература, привозимая изъ-за границы, видимо укрѣпляла и оправдывала такое направленіе ума. Никто не считался съ тѣмъ, что сочиненія Экартгаузена, Юнгъ Штиллинга, Таулера и Дютуа, распространенныя и комментированныя во множествѣ русскихъ переводовъ, были съ точки зрѣнія православной церкви безусловно еретическими. Вскорѣ появились и оригинальныя сочиненія русскихъ писателей, усвоившихъ новый духъ, и періодическіе журналы: («Другъ Юности», «Духовный Годъ въ жизни христіанина», «Сіонскій Вѣстникъ»), встрѣчавшіе откликъ главнымъ образомъ среди высшаго бѣлаго духовенства, а библейское общество со своими развѣтвленіями охватило въ скоромъ времени все Россійское государство.

Близость къ баронессѣ Крюденеръ, Юнгъ Штиллингу, квакерамъ и другимъ еще больше укрѣпила Александра въ переполнявшихъ его смутныхъ христіанскихъ чувствахъ, отраже-

ніе которыхъ онъ съ удовольствіемъ замѣчалъ и укрѣплялъ въ Россіи. Поэтому не удивительно, что манифестъ Священнаго Союза былъ встрѣченъ въ Россіи всѣми кругами, имѣвшими соприкосновеніе съ дворомъ и придворной средой, буквально съ восторгомъ. Императоръ самъ позаботился о томъ, чтобы копіи были вывѣшены во всѣхъ россійскихъ церквахъ, и чтобы священникамъ было приказано развивать въ проповѣдяхъ положенія «Священнаго Союза». Въ концѣ концовъ, ему пришлось принять мѣры противъ чрезмѣрныхъ славословій, направленныхъ по его личному адресу [1]). Въ народѣ и среди приходскаго духовенства для этихъ выспреннихъ чувствъ не было, конечно, почвы. Здѣсь держалось попрежнему убѣжденіе, что важнѣе всего—форма. «Слова заповѣдей и библіи», говоритъ Пироговъ, оглядываясь на эти годы,—«разсматривались какъ сами по себѣ священныя и исполненныя благодати и милости Духа Святаго, и считалось большимъ грѣхомъ ихъ перемѣщать или замѣнять другими; повсюду царилъ еще старозавѣтный духъ, нѣсколько измѣненный патріархомъ Никономъ, и одни уже слухи о переводѣ Священнаго Писанія или заповѣдей на общепонятный русскій языкъ принимались многими, какъ грѣховныя искушенія дьявола».

Кто былъ дальновиднѣе другихъ, тотъ не могъ ожидать продолжительнаго вліянія этого импровизированнаго движенія, созданнаго въ конечномъ счетѣ однимъ только императоромъ. Изъ иностранныхъ свидѣтелей никто въ этомъ, повидимому, не сомнѣвался. Русскій посланникъ Шелеръ не безъ основанія предполагалъ, что въ этомъ дѣлѣ играетъ роль намѣреніе Александра пріучить людей, путемъ строгаго исполненія церковныхъ обрядовъ и частыхъ обращеній къ религіи, къ большему подчиненію и тѣмъ самымъ упрочить безопасность государства. Кромѣ того, установлено, что Александръ имѣлъ въ виду примиреніе противорѣчій между исповѣданіями, а можетъ быть и объединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей.

До сихъ поръ католическая и протестантская церковь не были стѣснены въ своемъ управленіи и въ исповѣданіи своей вѣры; теперь же Голицынъ началъ не только стремиться къ тому, чтобы захватить въ свои руки распоряженіе имуществомъ иностранныхъ церквей, но и старался тираннически навязать свое вліяніе даже въ догматическихъ вопросахъ. Прежде всего онъ предложилъ проповѣдникамъ лютеранской и реформатской церкви въ

[1]) Указъ Святѣйшему Синоду отъ 27-го октября 1817 г.

Петербургѣ отслужить вмѣстѣ обѣдню въ 300-лѣтнюю годовщину реформаціи, а затѣмъ, сангвинически предвосхищая событія, доложилъ императору, что обѣ религіи соединились въ одну церковь. Это соединеніе, совсѣмъ не доведенное въ Россіи до конца, было оффиціально подтверждено манифестомъ, въ которомъ правительство давало свое согласіе на мнимо-совершившійся фактъ; тѣмъ не менѣе, какъ и можно было ожидать, оно вызвало возраженіе, хотя и осторожное, какъ со стороны лютеранъ, такъ и реформаторовъ. Результатомъ всего этого было то, что Голицынъ, пользовавшійся въ этомъ дѣлѣ совѣтами засѣдателя отдѣленія по дѣламъ евангелической церкви—статскаго совѣтника Пессаровіуса [1]), выступилъ противъ представителей евангелическихъ церквей съ обвиненіями въ ереси, не-христіанскихъ воззрѣніяхъ, непослушаніи и незаконныхъ притязаніяхъ. Было предпринято изслѣдованіе молитвенниковъ, и въ нихъ найдены мѣста, «не только нуждающіяся въ разъясненіи, но и пѣсни, изъ коихъ долженъ быть удаленъ неудобный смыслъ и содержащія поученія, которыя едва ли найдутся въ добрыхъ нравственныхъ книгахъ язычества и не могутъ быть пропѣты въ приличномъ обществѣ».

Слѣдствіемъ этого были царскіе манифесты, высказывавшіе рѣзкое порицаніе цѣлому ряду уважаемыхъ евангелическихъ пасторовъ; одинъ изъ нихъ былъ удаленъ отъ должности, а охрана евангелическихъ церквей въ Россіи поставлена въ зависимость отъ строгаго соблюденія аугсбургскаго исповѣданія и положеній дортрехтскаго церковнаго собора, вслѣдствіе чего эти церкви оказались всецѣло подъ надзоромъ Голицына. Для обѣихъ евангелическихъ церквей была основана государственная генеральная консисторія, конечно, подъ высшимъ руководствомъ министра; первой задачей ей было поставлено составленіе проекта и введеніе новаго строгаго церковнаго строя. Кромѣ того, императоръ возвѣстилъ, что онъ создалъ для евангелической церкви въ Россіи епископскую кафедру и не преминетъ избрать и назначить на нее по своему усмотрѣнію «достойное лицо изъ среды духовенства этой религіи».

Однако, въ виду того, что цѣлый рядъ протестантскихъ пасторовъ, къ которымъ обращался Голицынъ, наотрѣзъ отказались играть такую двусмысленную роль, рѣшено было предоставить это званіе католическому ренегату, бывшему профессору восточныхъ языковъ въ Александро-Невской академіи, Игнатію Аврелію

---

[1]) «Тоже кающійся грѣшникъ», говоритъ Шелеръ въ своемъ докладѣ.

Феслеру. Этотъ человѣкъ былъ когда-то устраненъ отъ должности за свои атеистическіе взгляды, потомъ онъ примкнулъ къ пригутерамъ, а теперь былъ назначенъ генералъ-суперинтендентомъ евангелическихъ общинъ въ восточныхъ губерніяхъ, хотя онъ никогда раньше не былъ священникомъ; протестантскимъ же епископомъ былъ назначенъ шведъ Цигнеусъ. Такой же произволъ былъ и по отношенію къ правамъ католической церкви; мѣриломъ пригодности и благонадежности католическаго духовенства сдѣлалось умѣніе приспособиться къ направленію, принятому царемъ и Голицынымъ [1]). Въ 1817 г. виленскій цензоръ разрѣшилъ печатать книгу, въ которой доказывалось, что опасно давать Библію въ руки профанамъ; сдѣлалъ онъ это, какъ впослѣдствіи объяснилъ, по той причинѣ, что въ сочиненіи, написанномъ для католиковъ, говорилось только то, чему учитъ католическая церковь; тѣмъ не менѣе цензоръ получилъ строгій выговоръ, а книга была запрещена.

Но еще гораздо больше вреда принесло это ложное движеніе всему русскому просвѣщенію. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ въ инструкціи, данной министромъ «ученому комитету» министерства 5-го августа 1818 г. Въ ней говорилось, что главнѣйшая и существеннѣйшая задача комитета заключается въ руководствѣ народнымъ воспитаніемъ, чтобы достигнуть съ помощью хорошихъ учебниковъ спасительнаго соотвѣтствія между вѣрой, знаніемъ и авторитетомъ государства,—другими словами, между христіанскимъ образомъ мыслей, просвѣщеніемъ и существующимъ государственнымъ порядкомъ. Эта мысль развивается затѣмъ очень подробно. По словамъ инструкціи, весьма важно найти подходящія школы и учителей, получившихъ правильное образованіе, и сдѣлать хорошій подборъ книгъ. Ближайшая же задача состоитъ въ томъ, чтобы провѣрить общій духъ и содержаніе принятыхъ къ употребленію учебниковъ и устранить неподходящіе.

Въ качествѣ руководящихъ точекъ зрѣнія министръ выставилъ слѣдующія положенія: необходимо устранить все, что можетъ внушить нежеланіе исполнять свои обязанности передъ семьей или государствомъ; вытравить изъ философскихъ сочиненій все, что противорѣчитъ практикѣ христіанства; тамъ, гдѣ затрагиваются проблемы естественнаго права, можно допустить упоминаніе о нихъ, какъ о гипотезахъ, но

---

[1]) Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи стоитъ въ связи съ ихъ оппозиціей библейскому обществу.

при этомъ не должно быть опущено доказательство того, какъ мало обоснованы эти гипотезы; учебники метафизики должны завершаться ученіемъ о божественномъ откровеніи; исторія, словесность и эстетика должны показывать, какъ человѣчество постепенно приводится къ болѣе чистому познанію Бога. Особое вниманіе должно быть удѣлено книгамъ по русскому языку; онѣ должны укрѣплять благочестіе и національный духъ. Дальше говорится буквально слѣдующее: «При разсмотрѣніи книгъ по естественнымъ наукамъ, физикѣ и математикѣ комитетъ устранитъ изъ системы преподаванія всѣ пустыя и безплодныя предположенія о происхожденіи и измѣненіи земного шара и обратитъ вниманіе на ясность, порядокъ и полноту метода. Чистая математика предназначена для усовершенствованія логическаго мышленія и для подготовки къ прикладной математикѣ. Книги по физикѣ и химіи должны также приводить къ прикладной математикѣ, въ которой государство нуждается, но съ этимъ не должны быть связаны всякаго рода высокомѣрныя умозрѣнія. Въ медицинскія науки не должно быть внесено ничего такого, что унижаетъ духовную природу человѣка, его внутреннюю свободу и божественное предопредѣленіе».

Эта ужасная инструкція, въ сущности, изгонявшая науки изъ университета, была не въ малой степени обязана своимъ происхожденіемъ знаменитому Александру Скарлатовичу Стурдзѣ, котораго Александръ наградилъ назначеніемъ въ ученый комитетъ, за его прославившуюся «Записку о современномъ положеніи Германіи» [1]; даже въ рукахъ доброжелательныхъ, но ограниченныхъ людей она должна была обратиться въ страшное оружіе. Но къ несчастью для Россіи, первое испытаніе пригодности этой инструкціи на практикѣ было поручено такому дурному человѣку и безсовѣстному карьеристу, какъ Магницкій, и его примѣръ сдѣлался образцомъ, которому всѣ и слѣдовали. Удивительно только, какъ могъ Александръ, отлично знавшій и презиравшій этого человѣка, дать свое согласіе на то, чтобы именно ему было довѣрено рѣшающее вліяніе на одну изъ важнѣйшихъ отраслей государственной жизни [2]. Въ одномъ изъ

---

[1]) Стурдза пользовался покровительствомъ Каподистріи, какъ греческій патріотъ, и еще до Александра примкнулъ къ мистическому направленію.

[2]) Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и здѣсь сыгралъ роль его мистицизмъ. Не онъ, а Богъ привелъ Магницкаго на эту должность; если Голицынъ, сказавшій прямо императору, что Магницкій его, въ концѣ концовъ, вытѣснитъ изъ его должности, самъ настоялъ на его привлеченіи, то, значитъ, Богъ хочетъ употребить этого человѣка для своихъ неисповѣди-

разсужденій въ своей автобіографіи, которая служитъ не истинѣ, а самовосхваленію, Магницкій высказываетъ — въ полномъ соотвѣтствіи съ позднѣйшей своей практикой — мысль, что науки можно раздѣлить на положительныя и воображаемыя. Къ первымъ онъ относитъ богословіе, юриспруденцію, естественныя науки и математику, а къ послѣднимъ всѣ остальныя и прежде всего философію. А такъ какъ Россія представляетъ собою по религіи, нравамъ и формѣ правленія нѣчто особенное, то необходимо приспособить къ этому особенному положенію и труды по просвѣщенію Россіи.

Голицынъ поручилъ Магницкому предварительно произвести ревизію казанскаго учебнаго округа. Онъ исполнилъ свою задачу въ поразительно короткій срокъ. Когда онъ вернулся въ Петербургъ 9 апрѣля 1819 г., то привезъ съ этою цѣлью программу. Онъ пришелъ къ выводу, что университетъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы и что поэтому хорошо будетъ временно или еще лучше совсѣмъ его закрыть. Гимназіи, равно какъ и большинство профессоровъ и учителей также никуда не годились. Наилучшей замѣной могла бы служить на мѣсто университета императорская гимназія, педагогическій институтъ для подготовки учителей и дворянскіе пансіоны, при условіи веденія всѣхъ ихъ въ христіанскомъ духѣ. Если же ихъ сохранить, то необходимо поставить во главѣ ихъ человѣка благонадежнаго образа мыслей и устранить дурныхъ профессоровъ и учителей.

Императоръ отклонилъ закрытіе университета, но далъ согласіе на остальныя предложенія Магницкаго и назначилъ его 18-го іюня 1819 года попечителемъ злополучнаго казанскаго университета.

Впослѣдствіи Магницкій утверждалъ, будто императоръ ему сказалъ: «Ge vous donne carte blanche» (даю вамъ полную свободу дѣйствій); въ этомъ ничего нѣтъ невозможнаго, хотя оно и мало вѣроятно.

Въ Казань былъ посланъ палачъ университета и всѣхъ вообще учебныхъ заведеній. Магницкій смѣстилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 11 профессоровъ и сумѣлъ задавить малѣйшій слѣдъ научнаго духа и малѣйшее робкое проявленіе самостоя-

---

мыхъ цѣлей! Къ тому же Магницкій производилъ впечатлѣніе своими необычайными дарованіями, присущими ему свѣтскими манерами и самою своею личностью и стоялъ одинаково рѣшительно какъ за сохраненіе неограниченной царской власти, такъ и за то, что онъ называлъ истинной религіозностью.

тельности. Одни только лицемѣры и лакейскія натуры могли удержаться на мѣстахъ. Онъ предъявлялъ изъ ряда вонъ выходящее требованіе, чтобы учащіе и учащіеся не только вели себя благочестиво, но еще открыто и во всякое время исповѣдывали тѣ взгляды, которые онъ позволялъ имѣть какъ единственно правильные. Это создало среди профессоровъ и студентовъ, учителей и учениковъ невыносимую систему лжи; на это указываютъ всѣ многочисленные отчеты, сохранившіеся отъ того времени, даже отчетъ убѣжденныхъ приверженцевъ піетизма.

Съ особенною ненавистью новый попечитель университета преслѣдовалъ все, что было связано съ нѣмецкимъ образованіемъ, такъ какъ все невѣріе и все зло въ русскомъ учебномъ дѣлѣ принесено, по его мнѣнію, нѣмецкими учебниками, а въ особенности, благодаря вліянію Шеллинговской философіи. Новая церковная, политическая и научная литература Франціи въ томъ видѣ, какъ ее распространялъ роялистскій клерикализмъ временъ реставраціи, казалась ему подходящею для того, чтобы замѣнить опасное нѣмецкое направленіе, и это нашло себѣ выраженіе въ новыхъ учебныхъ планахъ.

Изъ Казани зараза ложнаго образованія перешла затѣмъ на остальные русскіе университеты, такъ какъ Магницкій, пребывавшій больше въ Петербургѣ, сумѣлъ проявить свое вліяніе черезъ ученый комитетъ.

Изъ Петербургскаго университета первыя движенія научнаго духа были изгнаны новымъ попечителемъ Руничемъ, уволившимъ лучшихъ профессоровъ; то же произошло съ Москвою и съ Харьковомъ. Только Дерптъ сохранилъ, несмотря на всѣ притѣсненія, духъ нѣмецкой науки. Въ странѣ же получилось пониженіе уровня образованія высшихъ классовъ, а въ низшихъ слояхъ населенія — полный застой. Такимъ образомъ, возвышенныя образовательныя цѣли, которыя Александръ поставилъ себѣ при вступленіи на престолъ, превратились въ цѣли прямо противоположныя. Злой рокъ преслѣдовалъ Александра и въ этой области: зло которое отъ него исходило, его пережило, а тамъ, гдѣ онъ создавалъ основы для прогресса народной жизни, онъ самъ безжалостно разрушалъ дѣло своихъ рукъ.

Какъ бы строго ни судить Голицына за его явныя слабости, невозможно ему отказать въ одномъ: въ качествѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, а впослѣдствіи министра, онъ сумѣлъ, ради правильно понятыхъ интересовъ государства, обуздать порочное и властолюбивое русское духовенство, представителемъ котораго являлся синодъ. На этомъ пунктѣ сходились самодер-

жавныя наклонности Александра и потребности какъ государственной, такъ и умственной жизни Россіи. Несмотря на произволъ, проявленный императоромъ и его министромъ, въ основаніи церковной политики того времени лежала, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ, идея свободы совѣсти. Все это было принесено въ жертву еще при жизни Александра.

Интрига честолюбиваго монаха, архимандрита Юрьевскаго монастыря Фотія, безспорная разнузданность и сектантскія извращенія въ высшихъ слояхъ русскаго общества, опасенія царя, чтобы недовольство церковными новшествами не вызвало народнаго возстанія [1]), подъ руководствомъ духовенства, при томъ въ такое время, когда онъ зналъ, что широкіе военные круга составили заговоръ съ цѣлью государственнаго переворота; наконецъ, зависть Аракчеева къ милости, которою пользовался Голицынъ и злорадные доносы Магницкаго на своего благодѣтеля Голицына,—все это быстро слѣдовало одно за другимъ и производило на Александра чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ призвалъ къ себѣ Фотія, выслушалъ его и молился съ нимъ, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ молился съ госпожей Крюденеръ и съ квакерами; когда монахъ отъ него ушелъ, онъ былъ уже наполовину побѣжденъ. Но прежде чѣмъ царь успѣлъ принять какое-либо рѣшеніе, Фотій заставилъ его выбрать между нимъ и Голицынымъ, между направленіемъ, которое Александра постепенно сбило съ пути, и другимъ заговорившимъ съ нимъ на языкѣ насильственнаго, фанатическаго убѣжденія. Фотій разставилъ министру ловушку, добившись свиданія съ нимъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы торжественно произнести надъ нимъ анаѳему. Онъ рѣзко отклонилъ попытку императора

---

[1]) Фотій прямо грозилъ этимъ. Свои обвиненія противъ Голицына онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Синодъ почти пересталъ существовать. Онъ—только имя. Князь же Голицынъ дѣлаетъ все вопреки закону и праву; онъ дѣлаетъ все; недостаетъ только, чтобъ онъ совершалъ и богослуженія. Все въ его рукахъ. Онъ выдумалъ *свою* вѣру и вмѣстѣ со своими людьми—*свои* новшества. Однѣ только секты бунтовщиковъ властвуютъ надъ церковью. Если царь въ скоромъ времени не исполнитъ своего долга и не исправитъ, то скоро наступитъ новая бѣда, худшая изъ худшихъ... Теперь остается только одно, если царь не возстановитъ вѣры и не защититъ благочестія,—это взять въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ и возгласить въ Казанскомъ соборѣ среди народа: «Православные! вѣру Христову угнетаютъ! Хотятъ ввести новую сатанинскую вѣру! Все это дѣлаютъ князь Голицынъ, пасторъ Госнеръ и ихъ сообщники!» Слушай, графъ, объяви царю, что все это можетъ случиться». (Разговоръ съ Аракчеевымъ 23-го апрѣля 1824 г.).

достигнуть примиренія между ними и поставилъ, въ концѣ концовъ, ультиматумъ:

1. Министерство духовныхъ дѣлъ должно быть уничтожено, а оба другихъ министерства (народнаго просвѣщенія и иностранныхъ исповѣданій) должны быть поручены другимъ лицамъ.

2. Библейское общество должно быть закрыто подъ тѣмъ предлогомъ, что библій напечатано достаточно и теперь ихъ больше не нужно; или же оно должно быть на будущее время отдано въ руки духовенства, какъ избраннаго для этого Богомъ сословія; когда же наступитъ время, общество должно быть закрыто.

3. Синодъ долженъ получить прежнее свое положеніе, а духовенство должно имѣть надзоръ за образованіемъ.

4. Кошелевъ долженъ быть удаленъ, Госнеръ прогнанъ, Фесслеръ наказанъ и прогнанъ, а методисты высланы.

Если же эти четыре дѣла Божіихъ не будутъ исполнены, *то наступитъ неминуемая бѣда*, а то, что было совершено до сихъ поръ, принесетъ впослѣдствіи больше вреда, чѣмъ пользы, и Россія вскорѣ рушится.

Государь! Спаси благочестіе и послушайся насъ, исправь дѣло нашихъ рукъ и возвеличься черезъ насъ. Аминь.

1824 года апрѣля 29 дня, вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу.

Императоръ Александръ колебался двѣ недѣли: онъ долженъ былъ понимать, что отъ него требуютъ уничтоженія его собственнаго дѣтища. Онъ всегда провѣрялъ и одобрялъ то, что дѣлалъ Голицынъ, ускользнуть отъ него могли только мелочи. Къ тому же Голицынъ былъ его старѣйшимъ другомъ и 30 лѣтъ пользовался его довѣріемъ. Это былъ единственный другъ изъ неоффиціальнаго комитета, который удержался около него и котораго онъ и сейчасъ любилъ. Этотъ человѣкъ получилъ неслыханное оскорбленіе, неужели же онъ его покинетъ?

15-го мая синодъ получилъ именной царскій указъ, въ которомъ содержалось рѣшеніе. «Снисходя къ ходатайству министра духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и т. д. князя Голицына, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія обоими сими министерствами и оставляемъ его въ должности начальника управленія почтъ».

Преемникомъ Голицына въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ старый адмиралъ Шишковъ, авторъ манифестовъ 1812 и 1813 гг.; министерство же духовныхъ дѣлъ было, по желанію Фотія, вовсе уничтожено. Святѣйшій синодъ

занялъ снова то положеніе, которое ему принадлежало до 24-го октября 1817 г., еретикамъ же пришлось очистить поле битвы.

Пожертвовать библейскимъ обществомъ Александръ не рѣшался. Но такъ какъ Голицынъ оставилъ предсѣдательское мѣсто, то во главѣ его сталъ бывшій товарищъ предсѣдателя, другъ и союзникъ Фотія, митрополитъ Серафимъ. Секретарю общества Попову, дѣйствовавшему въ духѣ Голицына, также пришлось уйти; вскорѣ же Фотій призналъ полезнымъ, отложить засѣданія общества на неопредѣленное время и пріостановить переписку съ филіальными союзами. Связи съ заграницей были также прерваны. Русскаго Новаго Завѣта больше не печатали, а дальнѣйшее распространеніе напечатанныхъ экземпляровъ было запрещено. Шишковъ запретилъ студентамъ чтеніе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, а періодическій журналъ общества, пользовавшійся царскимъ покровительствомъ, былъ закрытъ. Въ провинціи, какъ по сигналу, исчезло рвеніе къ библіи и къ религіознымъ поученіямъ внѣ церкви. Только въ остзейскихъ губерніяхъ попрежнему раскупались литовское и эстское стереотипныя изданія библіи, такъ какъ въ протестантской области въ этомъ не усматривалось опасности для государства.

Когда же Магницкій заявилъ, что не желаетъ больше состоять членомъ недостойнаго и вреднаго библейскаго общества, то императоръ приказалъ объявить ему строгій выговоръ. До этого Александръ еще не дошелъ, но онъ не мѣшалъ ему продолжать разрушительную дѣятельность въ университетѣ и школѣ. Какъ же далеко ушелъ ходъ развитія отъ надеждъ лучшихъ людей въ первые свѣтлые годы царствованія Александра? Когда въ 1803 г. былъ опубликованъ новый планъ народнаго образованія въ Россіи, то Карамзинъ писалъ: «Петръ Великій основалъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія училища, Александръ же не только увеличилъ число университетовъ и гимназій, но и воскликнулъ: да будетъ въ хижинахъ свѣтъ! Новая великая эпоха начинается въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, этого корня величія государственнаго, безъ котораго самыя блестящія царствованія служатъ только славѣ монарховъ, но не отечеству и народу». Въ хижинахъ не стало свѣтлѣе, а въ университетъ и школу вступалъ духъ мракобѣсія. Люди же, старавшіеся подрыть шаткія основанія, на которыхъ было воздвигнуто государство Александра, находили мнимое оправданіе своей дѣятельности въ той системѣ лжи и лицемѣрія, какая господствовала

послѣднія пять лѣтъ царствованія императора. Новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ также не находилъ возраженій противъ системы Магницкаго. Мысль заключалась въ томъ, чтобы бороться съ вреднымъ направленіемъ молодежи и вернуть ее къ истинно-русскому образу мыслей. Его система составляетъ переходъ къ школьной политикѣ императора Николая.

Вліяніе, оказанное Александромъ на духъ арміи, и направленіе, которое онъ далъ ея внѣшнему строю, оставило гораздо болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ его дѣятельность въ области религіозной жизни и просвѣщенія народа. Съ 1805 до 1815 г. Россія вела войны почти безъ перерыва, а потомъ до самой смерти императора была постоянно готова къ войнѣ. Годы 1816—1820 составляютъ только кажущееся исключеніе и дались русской арміи, пожалуй, труднѣе всего, такъ какъ въ этотъ-то періодъ ей и пришлось привыкнуть къ ужасамъ военныхъ поселеній. Прусскій милитаризмъ, доведенный Павломъ до крайности и принявшій почти каррикатурныя формы, сохранялся въ силѣ, въ общихъ чертахъ, и при Александрѣ,—послѣ короткаго періода подражанія образцамъ наполеоновской арміи, въ теченіе котораго прусскій духъ все-таки вполнѣ не исчезалъ. Все это не встрѣчало сочувствія въ арміи, особенно же среди легкомысленныхъ и жизнерадостныхъ гвардейскихъ офицеровъ, служившихъ предметомъ зависти и удивленія для офицерства всей обширной страны. Охотнѣе всего армія желала вернуться къ удобнымъ порядкамъ временъ Екатерины II, а въ манифестѣ, изданномъ Александромъ при вступленіи на престолъ, усматривали соотвѣтствующее обѣщаніе. Но Александръ не оправдалъ этой надежды, и это было первымъ большимъ разочарованіемъ, которое онъ доставилъ арміи. Остались въ силѣ Павловскіе образцы и ежедневные парады и ученія, хотя и безъ тѣхъ ужасовъ, которыми они раньше сопровождались. Своею настойчивой энергіей Павелъ достигъ того, что увлеченіе строевой службой сдѣлалось признакомъ хорошаго тона даже въ аристократическихъ кругахъ наиболѣе привилегированныхъ гвардейскихъ полковъ; строевой службой занимались усердно, но за то тѣмъ больше вознаграждали себя въ свободное отъ службы время [1]). Когда же Але-

[1]) См. драгоцѣнныя записки декабриста Сергѣя Григорьевича Волконскаго, гдѣ описывается жизнь гвардейскихъ офицеровъ въ 1806 — 1808 гг. Отношенія съ французами были враждебны, даже послѣ Тильзита; Волконскій и его друзья выбили окна у Холенкура. Любовныя приключенія и дуэли были обычнымъ дѣломъ, такъ какъ Александръ не наказывалъ за

ксандръ сталъ послѣ Эрфурта особенно педантично требовать строгаго соблюденія дисциплины и настаивать на ученіяхъ, то много офицеровъ перешло изъ гвардіи въ армію, преимущественно въ войска, дѣйствовавшія въ Молдавіи и Валахіи. На войну съ Финляндіей они не шли, такъ какъ считали эту войну несправедливой. Этотъ періодъ вплоть до 1815 г. былъ особенно по душѣ военной аристократіи. Но зато тѣмъ бóльшей тяжестью ложилось бремя военныхъ налоговъ на страну, въ особенности на крестьянское населеніе. Ему пришлось за царствованіе Александра выставить болѣе двухъ милліоновъ рекрутъ, а за одинъ періодъ 1812—1815 гг. 917.000 чел., не считая ополченія, вмѣстѣ же съ нимъ 1.237.000 чел. Это число тѣмъ болѣе поразительно, что въ то время все мужское населеніе, обязанное исполнять воинскую повинность, составляло 15.800.000 чел., если же считать только возрастъ отъ 15 до 35 лѣтъ, то немного болѣе 5 милліоновъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ борьбѣ съ Наполеономъ принимала участіе четвертая часть взрослаго мужского населенія Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже не хватало взрослыхъ для удовлетворенія этихъ требованій, поэтому здѣсь забирали 12-лѣтнихъ мальчиковъ, посылали ихъ въ военные сиротскіе дома, давали имъ тамъ военное воспитаніе, а по достиженіи 18-лѣтняго возраста зачисляли въ армію. Такъ какъ срокъ службы равнялся 25 годамъ [1]), то числа эти пріобрѣтаютъ громадное значеніе. Въ годы войны это бремя еще сносили, какъ неизбѣжную, хотя и тяжелую патріотическую повинность, но въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра оно вызывало ропотъ и недовольство, а иногда и открытое сопротивленіе.

Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть большой заслуги въ томъ, что къ концу царствованія Александра русская армія сравнялась съ великими арміями континента, какъ по своему устройству, такъ и по вѣроятной своей полезности, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вѣроятно, даже превосходила ихъ. Въ Россіи было много иррегулярныхъ войскъ, что давало возможность уменьшить регулярную кавалерію. Когда же народу насильственно навязали

послѣднія. Замѣчательно, что въ этихъ кругахъ не считалось позорнымъ мошенничать въ картежной игрѣ и быть на содержаніи! Офицеры еще пудрили себѣ волосы; для Петербурга это было даже предписано. Внѣ службы не было субординаціи.

[1]) Въ 1810 г. государственный совѣтъ, по указанію императора, предложилъ сократить срокъ службы до 15 лѣтъ. Предложеніе осталось невыполненнымъ въ виду грозившей опасности войны.

опытъ съ военными поселеніями съ цѣлью противопоставить прусской всеобщей воинской повинности чисто-русскую организацію, то они считались дополнительными кадрами арміи, съ помощью которыхъ расчитывали даже во время наибольшаго напряженія военныхъ силъ безъ труда удовлетворить требованіямъ самой смѣлой политики. Въ дальнѣйшемъ мы еще разсмотримъ вредныя стороны этого учрежденія.

Главной реформой арміи было произведенное еще въ 1802 г. однообразное дѣленіе всѣхъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ на 3 батальона, а каждаго батальона на 4 роты; полки тяжелой и средней кавалеріи были раздѣлены на 5, а легкой на 10 эскадроновъ.

Затѣмъ былъ образованъ резервъ: въ 1803 г. въ кавалеріи были организованы запасные эскадроны, а въ 1811 г. въ пѣхотѣ четвертые запасные батальоны, которые, впрочемъ, вскорѣ растаяли, такъ какъ они пошли на укомплектованіе армейской пѣхоты.

Въ 1812 г. всѣ полки армейской кавалеріи были доведены до шести дѣйствующихъ и одного запаснаго эскадрона; въ такомъ видѣ они оставались до конца царствованія Александра.

Раздѣленіе войскъ на инспекціи сначала сохранялось въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было установлено Павломъ, и сообразовалось съ мѣстными условіями. Лишь въ 1806 г. войска, входившія въ составъ инспекцій, были раздѣлены по французскому образцу на дивизіи, изъ которыхъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и одной артиллерійской бригады. Въ 1810 г. пѣхотныя дивизіи были соединены въ 6 корпусовъ, а изъ кавалерійскихъ образованы 4 отдѣльныя дивизіи, которыя, впрочемъ, не должны были служить тактическими единицами; полки кавалерійскихъ дивизій были приданы къ различнымъ корпусамъ и пѣхотнымъ дивизіямъ. Составъ корпусовъ не былъ одинаковъ, а число ихъ во время войны непрерывно возростало. Въ 1811 г. почти всѣ пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи состояли изъ 6 полковъ, образовавшихъ 3 бригады, а новообразованныя артиллерійскія бригады были приданы къ различнымъ корпусамъ и дивизіямъ. Лишь въ 1812 г., когда грозило наполеоновское нашествіе, были образованы двѣ арміи, первая и вторая, а потомъ къ нимъ была присоединена третья «обсерваціонная» армія въ Волыни. Если оставить въ сторонѣ менѣе важныя подробности, то на этомъ, въ главныхъ чертахъ, заканчивалась новая организація русскихъ войскъ. Изданныя Барклаемъ-де-Толли въ началѣ 1812 г. и утвержденныя императоромъ предписанія объ управленіи большой дѣйствующей

арміей сохраняли свою силу почти полстолѣтія. Въ 1814 г. было сдѣлано еще распоряженіе, чтобы при каждой пѣхотной дивизіи состояло по бригадѣ пѣшей артиллеріи, а въ 1816 г. каждая кавалерійская дивизія получила по 2 роты конной артиллеріи. Наконецъ, въ 1814 г. было установлено, чтобы каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ 2—3 пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Остальныя кавалерійскія дивизіи образовали 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, по 2 дивизіи въ каждомъ. Они были приданы къ обѣимъ арміямъ.

Но въ 1817 г., когда были закончены всѣ нововведенія, это даетъ слѣдующую картину. Первая армія съ главной квартирой въ Могилевѣ на Днѣпрѣ была расположена отъ Новгородской до Подольской губерніи и отъ западной границы до Волги.

Въ нее входили 2 дивизіи гренадерскаго корпуса и 1—5 пѣхотные корпуса, по 3 пѣхотныхъ дивизіи въ каждомъ, кромѣ 3-го корпуса, въ которомъ были 2 дивизіи, затѣмъ 3 дивизіи гусаръ, состоявшія при 3 первыхъ корпусахъ и 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса.

Вторая армія съ главной квартирой въ Тульчинѣ Подольской губерніи была расположена въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской. Къ ней принадлежали 6-й и 7-й корпуса съ ихъ артиллеріей и кавалеріей. Кромѣ того, одинъ корпусъ стоялъ въ это время во Франціи и одинъ въ Финляндіи.

Особые финскій и грузинскій корпуса содержали по 2 пѣхотныхъ дивизіи. Къ грузинскому корпусу принадлежала еще запасная гренадерская бригада, а къ литовскому корпусу сводно-гвардейская гренадерская дивизія. Первая гренадерская дивизія принадлежала прежде къ гвардейскому корпусу; когда же войска вернулись изъ Франціи, то одна пѣхотная дивизія была причислена къ 3-му, а другая къ 7-му корпусамъ. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1820 г. была измѣнена нумерація пѣхотныхъ дивизій: корпуса считались по старшинству отъ 1-го до 7-го, а дивизіи отъ 1-й до 20-й.

Грузинскія дивизіи получили нумера 21-й и 22-й,—финская 23-й, литовскія—24-й и 25, оренбургская—26-й и сибирская—27-й.

Въ составъ гвардіи входили 2 гвардейскія пѣхотныя дивизіи, по 4 полка и 1 батальону въ каждой, легкая гвардейская кавалерійская дивизія изъ 5 полковъ и 2 эскадроновъ, 2 гвардейскія артиллерійскія бригады по 4 роты въ каждой, лейбъ-гвардіи конная артиллерія изъ 3 ротъ, гвардейская инвалид-

ная бригада изъ 30 ротъ и полуэскадронъ лейбъ-гвардіи жандармовъ.

Въ составъ т. наз. «отдѣльнаго» литовскаго корпуса входили лейбъ-гвардіи литовскій и лейбъ-гвардіи волынскій полки, лейбъ-гвардіи подольскій кирасирскій и лейбъ-гвардіи уланскій цесаревича Константина Павловича полки, 2 роты артиллеріи и 2 гвардейскихъ инвалидныхъ роты. Отдѣльный кавказскій корпусъ состоялъ изъ запасной гренадерской бригады, 21-й и 22-й пѣхотныхъ дивизій съ артиллерійскими бригадами, нижегородскаго драгунскаго полка и 2 полковъ и 3 батальоновъ крѣпостныхъ войскъ. Какъ къ гвардіи, такъ и къ обѣимъ арміямъ и отдѣльнымъ корпусамъ были приданы саперы, піонеры и т. наз. учебные батальоны.

Ко всему этому нужно еще причислить польскую армію и проектированный отдѣльный корпусъ военныхъ поселеній. Ко времени смерти Александра въ нихъ входили: причисленная къ гвардейскому корпусу 1-я гренадерская дивизія и гренадерскій саперный баталіонъ, 3 первыхъ баталіона пѣхотныхъ дивизій отъ 1-й до 19-й (кромѣ 17-й) 3 уланскихъ дивизіи и кадры полковъ 2-й и 3-й кирасирскихъ дивизій [1]).

По этимъ даннымъ невозможно сдѣлать опредѣленный выводъ объ общемъ численномъ составѣ русской арміи, такъ какъ точнаго подсчета личнаго состава не было, и всѣ числовыя данныя вѣрны лишь приблизительно; во всякомъ случаѣ, едва ли общее число значительно превышало 700.000 чел. [2]). Повидимому, этимъ достигалось то, что Александръ поставилъ себѣ цѣлью въ 1816 г.: Россія была такъ же сильна, какъ Австрія и пруссія вмѣстѣ [3]), но вопросъ былъ въ томъ, находится ли нравственная сила этой арміи въ періодѣ роста или упадка; самъ царь склонялся скорѣе къ пессимистическому, чѣмъ оптимистическому отвѣту на этотъ вопросъ. Страшныя мошенничества во всѣхъ отросляхъ военнаго вѣдомства, начиная съ послѣднихъ

---

[1]) Въ этотъ перечень не входитъ т. наз. внутренняя стража, корпусъ инвалидовъ и инвалидныя роты, а также этапы и соляныя команды.

[2]) По вычисленію русскаго генеральнаго штаба, сдѣланному къ 25 лѣтію царствованія Николая, въ 1826 г. состояло фактически на службѣ 729.655 чел., а номинально 884.356. Тамъ же есть указаніе, что въ 1826 г. армія насчитывала 495 генераловъ и 17.985 штабъ—и оберъ-офицеровъ.

[3]) Весною 1816 въ бесѣдѣ съ Киселевымъ: «Россія находится въ такомъ положеніи, что должна содержать такую же сильную армію, какъ у Австріи и Пруссіи вмѣстѣ; другихъ нашихъ сосѣдей я не беру въ расчетъ!» Замѣчательное доказательство недовѣрія, жившаго уже тогда въ Александрѣ.

военныхъ писарей и кончая высшими чинами военнаго министерства, приняли въ теченіе 1812—1815 гг., даже по сравненію съ аналогичными явленіями 1805—7 гг. неслыханные размѣры, особенно въ интендантствѣ и продовольственномъ департаментѣ, такъ что потребовалось самое энергичное вмѣшательство императора [1]). Онъ назначилъ Коновницына военнымъ министромъ, а князя Волконскаго начальникомъ штаба и въ то же время дѣйствительнымъ формальнымъ руководителемъ арміи, оставивши за военнымъ министромъ только хозяйственныя дѣла. Беннигсенъ, котораго лично ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, но который, по мнѣнію императора, былъ слишкомъ снисходителенъ, былъ замѣщенъ въ должности командующаго 2-й арміей Витгенштейномъ, а командующимъ 1-й арміей послѣ смерти Барклая назначенъ Сакенъ; вообще, всѣ важнѣйшіе посты были поручены людямъ, которые пользовались личнымъ довѣріемъ императора и стояли внѣ подозрѣній въ подкупности, — въ этомъ заключался основной критерій. Кромѣ того, у него былъ еще Аракчеевъ, который, въ качествѣ предсѣдателя военнаго департамента государственнаго совѣта, имѣлъ колоссальное вліяніе на всѣ военныя дѣла. Но всѣ эти люди были, въ его глазахъ, исключеніемъ. «У меня нѣтъ помощниковъ», говорилъ онъ,—«да и гдѣ ихъ взять?» До насъ дошла написанная для царя характеристика генераловъ 2-й арміи за 1823 г., которая была составлена Киселевымъ, благонамѣреннымъ и дѣльнымъ генераломъ, въ то время начальникомъ штаба 2-й арміи; она заслуживаетъ полнаго вниманія и рисуетъ намъ средній типъ русскаго генерала той эпохи:

Генералъ *Сабанѣевъ*. Командиръ 6-го корпуса. Заслуги его извѣстны, для службы онъ по истинѣ полезенъ и неутомимъ и, по-моему, годится. Строевой службы не знаетъ и не любитъ. По своей болѣзненности, именно по болѣзни глазъ, не сможетъ долго командовать корпусомъ. Его военныя познанія надежны, въ военномъ совѣтѣ онъ былъ бы однимъ изъ полезнѣйшихъ генераловъ. Для всякаго военно-учебнаго заведенія онъ могъ бы быть полезенъ.

Генералъ-лейтенантъ *Казачковскій*. Начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи. Старый служака; безъ всякаго образованія, но хорошъ для исполненія приказаній, если за нимъ присмотрѣть.

[1]) Припомнимъ, что военный министръ Горчаковъ и статсъ-секретарь Молчановъ были отданы подъ судъ за заключеніе договора о поставкѣ хлѣба по 20 и 30 руб., тогда какъ было предложеніе по вовсе не низкой цѣнѣ въ $12^1/_2$ руб.

Во всякомъ другомъ государствѣ онъ былъ бы полковникомъ, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ бригадиромъ.

Генералъ-лейтенантъ *Рудзевичъ*. Командиръ 7-го корпуса. Храбрый, осмотрительный дивизіонный генералъ, безъ собственныхъ идей, уменъ, но чрезмѣрно честолюбивъ. Передъ сильными гибокъ и лживъ. Не болѣе дивизіоннаго генерала.

Генералъ-лейтенантъ *Корниловъ*. Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи. Былъ хорошимъ полковникомъ, усерденъ, но служитъ только ради столовыхъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ *Левенштернъ*. Начальникъ артиллеріи 2-й арміи. Соблюдаетъ личную выгоду. Злопамятенъ. Во Франціи командовалъ парками.

Генералъ-майоръ *Булатовъ*. Командиръ 1-й бригады 16-й дивизіи. Храбрый офицеръ. По своимъ годамъ и по тому, что сдѣлалъ, скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для службы [1]).

Генералъ-майоръ князь *Сибирскій*. Начальникъ 18-й пѣхотной дивизіи. Въ плохихъ домашнихъ условіяхъ. Въ долгу у своихъ подчиненныхъ и зло для службы.

Генералъ-майоръ *Ферстеръ*. Начальникъ инженеровъ 2-й арміи. Въ первую турецкую войну былъ дѣльный по тому времени офицеръ. Теперь каждый окончившій курсъ кадетъ знаетъ больше по его спеціальности. Ѣстъ много, пьетъ еще больше. Богатѣетъ на службѣ и подчиняется своимъ адъютантамъ.

Генералъ-майоръ *Желтухинъ I*. Начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи. Въ мирное время усердный генералъ съ ефрейторской выправкой, но очень пригоденъ для механической службы, для обученія войскъ. Впрочемъ, негодяй и, по-моему, болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Считается, что онъ не воруетъ, такъ что его можно было бы сдѣлать интендантомъ.

Генералъ-майоръ *Рылѣевъ*. Командиръ 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Фельдфебель, при томъ пьяный.

Генералъ-майоръ баронъ *Розенъ*. Начальникъ 3-й драгунской дивизіи. Никуда и ни на что не годенъ.

Генералъ-майоръ *Ивановъ I*. Командиръ 3-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Храбрый полковникъ.

Генералъ-майоръ *Васильчиковъ III*. Командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Хорошее воспитаніе замѣняетъ ему необходимыя для генерала качества. Въ полѣ не считался храб-

[1]) Александръ писалъ о немъ адмиралу Чичагову въ 1812 г.: «Постарайтесь собрать точныя свѣдѣнія о генералѣ Булатовѣ; имъ любятъ пользоваться, но это—скотина, которая очень плохо служила, но за то отлично воровала.

рымъ; не имѣетъ личной твердости. Тѣмъ не менѣе, при полномъ ничтожествѣ остальныхъ, отборный бригадный командиръ.

Генералъ-майоръ *Козляниновъ*. Командиръ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Былъ командиромъ гвардейскаго батальона. Огромная тучность дѣлаетъ для него службу невозможной. По сравненію съ Корниловымъ, Казачковскимъ и другими относительно образованъ.

Генералъ-майоръ *Турчаниновъ*. Командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Никуда и ни на что не годенъ.

Генералъ-майоръ *Мосаловъ*. При начальникѣ 3-й драгунской дивизіи. Удивляюсь, что этотъ человѣкъ—генералъ.

Генералъ-майоръ *Стааль I*. Главный интендантъ 2-й арміи. Неудачно женатъ, но почтенный человѣкъ, могъ бы быть очень полезенъ.

Генералъ-майоръ *Игнатьевъ II*. Дежурный генералъ 2-й арміи. Московскій бригадиръ.

Генералъ-майоръ *Пантеніусъ*. Командиръ 3-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Не болѣе полковника, понимаетъ хозяйство, нѣмецъ.

Генералъ-майоръ *Шевандинъ*. Командиръ 3-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Принадлежитъ къ Турчаниновымъ, Мосаловымъ и остальнымъ, а по своему отвратительному виду ни къ кому.

Генералъ-майоръ *Мордвиновъ III*. Командиръ 1-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи. Болѣзненъ, слабоуменъ, мало работоспособенъ [1]).

Генералъ-майоръ *Хоментовскій*. Генералъ - квартирмейстеръ 2-й арміи. Отличный инструментъ. Глубоко-честенъ. Отмѣнно копируетъ карты.

Генералъ-майоръ *Тимротъ*. Командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Линейный бригадный командиръ; если ему перевести приказы на нѣмецкій языкъ, то понимаетъ ихъ.

Генералъ-майоръ *Даконскій*. Командиръ 2-й бригады 3-й драгунской дивизіи. Хорошъ для внутренней стражи, но безъ командованія.

Генералъ-майоръ *Киселевъ* (собственная характеристика). Начальникъ штаба 2-й арміи. Безъ прежнихъ заслугъ, поэтому безъ правъ на занимаемую должность; уменъ, но еще болѣе самонадѣянъ, поэтому можетъ принести пользу. Честенъ и го-

---

[1]) Такъ какъ этотъ Мордвиновъ былъ убитъ Киселевымъ на дуэли 24-го іюня 1823, то этимъ устанавливается срокъ, раньше котораго составлена записка.

товъ пожертвовать собою ради службы. При малѣйшемъ (вызванномъ имъ) недовольствѣ пожервуетъ всѣмъ, чтобы удовлетворить свое самолюбіе.

Генералъ-майоръ *Байковъ*. Командиръ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Хорошій бригадиръ. Говорятъ, отлично исполняетъ приказанія.

Генералъ-майоръ *Шульманъ*. Начальникъ артиллеріи 6-го корпуса. Отличный офицеръ.

Генералъ-майоръ *Сосѣдко*. Начальникъ артиллеріи 7-го корпуса. Каліостро-Сведенбергъ и другіе шарлатаны создали карьеру этого горе-артиллериста. Ему нельзя заводить короткихъ знакомствъ, потому что для него было бы несчастьемъ, если бы его узнали.

Генералъ-майоръ *Пущинъ*. Командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Придатокъ Васильчикова и Тимрота.

Генералъ-майоръ *Готовскій*. Начальникъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса. По уму равенъ Шевандину или Мосаловымъ и Турчаниновымъ. Но окончилъ кадетскій корпусъ и потому (?) поразительно глупъ.

Генералъ-майоръ *Тухолка*. Командуетъ 3-й бригадой 22-й пѣхотной дивизіи. Дуракъ и пьяница.

Вотъ и весь рядъ. Трудно допустить, чтобы въ 1-й арміи дѣла были лучше. Но въ гвардіи уровень образованія былъ значительно выше; вѣроятно, въ арміи среди низшихъ офицерскихъ чиновъ, начиная съ полковника, было сравнительно больше образованныхъ и ревностныхъ офицеровъ, чѣмъ на верхахъ. Въ этихъ кругахъ еще въ 1810 г. начали серьезно изучать военныя науки, а затѣмъ походы въ Европу, новая культура и новая свобода, съ которыми армія пришла въ соприкосновеніе, произвели на нее чрезвычайно сильное впечатлѣніе, оно еще больше усилилось отъ продолжительнаго пребыванія оккупаціонныхъ войскъ на французской землѣ; чисто русское міровоззрѣніе офицерства стало постепенно переходить въ либеральный космополитизмъ. «У насъ было», говоритъ одинъ современникъ, — «несравненно больше свободнаго времени, каждый изъ насъ дышалъ свободнѣе, точно камень съ сердца свалился» [1]). Къ этому присоединялось еще вліяніе вновь появившихся во время войны масонскихъ ложъ, «военной ложи къ св. Георгію», ложъ «къ Тремъ Добродѣтелямъ», «Избраннаго Михаила» и др., а также знакомство съ прусской «ложей къ желѣзному кресту», фран-

---

1) Михайловскій-Данилевскій «Воспоминанія о 1822 г.»

цузскими ложами «St. Jean de Iérusalem», «Des fréres unis», «Grand Orient de France» и т. д.; изъ нихъ «ложа къ желѣзному кресту» произвела по своему патріотизму и идеальному характеру—особенно глубокое впечатлѣніе на русскихъ участниковъ ея засѣданій. Съ возвращеніемъ войскъ оживились снова петербургскія ложи, заключившія между собою при гросмейстерахъ графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ и Віельгорскомъ «братскій конкордатъ». Отъ этихъ главныхъ ложъ зависѣли всѣ остальныя русскія ложи; 24-мя руководила ложа Мусина-Пушкина «Астрея», 8-ю гросмейстеръ Віельгорскій. Въ Петербургѣ было не менѣе 14 ложъ, развѣтвленія же ихъ доходили до Томска. Трудно повѣрить, чтобы вліяніе этихъ ложъ было особенно глубоко. Въ нихъ входило много незначительныхъ людей; повидимому, главной приманкой для большинства «братьевъ» служили, на ряду съ нѣсколько туманными филантропическими цѣлями, обрядовые вопросы и споры, а также таинственная торжественность, въ которую была облечена дѣятельность ложъ. Къ тому же всѣ ложи находились болѣе или менѣе открыто подъ надзоромъ полиціи и носили характеръ не тайныхъ обществъ, а клубовъ. Въ отличіе отъ всякихъ другихъ русскихъ обществъ, здѣсь не допускалось игры въ карты; въ то же время тщательно устранялось все, что могло возбудить неудовольствіе правительства и его полицейскихъ органовъ контроля. Изъ-за этого-то имъ и пришлось, въ концѣ концовъ, погибнуть [1]). Въ 1818 и 1819 гг. генералъ-губернаторы съ особенно тонкимъ чутьемъ, какъ маркизъ Паулуччи и князь П. М. Волконскій, закрыли въ своихъ губерніяхъ ложи; петербургскія же братья, принадлежавшіе къ «обществу», справедливо видя въ этомъ доказательство антипатіи царя къ ложамъ, вышли, по примѣру князя Лобанова и графа Мусинъ-Пушкина, изъ своихъ ложъ. То, что продолжало жить въ старыхъ рамкахъ, не носило вовсе политическаго характера и допускалось Александромъ еще нѣсколько лѣтъ. Когда же всѣ тайныя общества были запрещены царскимъ указомъ отъ 1/13-го августа 1822 г., то ложи закрылись, а все ихъ движимое имущество было продано полиціей съ публичнаго торга, для того, чтобы отдать всѣ ихъ тайны на посмѣшище публики. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, игра въ карты приняла неслыханные даже для Петербурга размѣры, а съ другой, фактически сохранившіяся тайныя общества получили радикальный

[1]) Было всего 2 тайныхъ ложи: мистическая ложа Т. Р. Лабзина въ Петербургѣ и московская ложа, руководимая сенаторомъ Кутузовымъ. За обѣими слѣдила тайная полиція.

характеръ. Едва ли, однако, можно считать внезапное и безслѣдное исчезновеніе ложъ умственной или нравственной потерей. Одинъ изъ русскихъ знатоковъ этого періода справедливо полагаетъ, что невозможно доказать, чтобы не только простые члены русскихъ масонскихъ обществъ, но даже гросмейстеры были знакомы съ цѣлями и задачами европейскихъ масоновъ или создали новыя идеи, соотвѣтствовавшія народнымъ потребностямъ въ Россіи. Это было такое же искусственное и поверхностное подражаніе, какъ и въ піэтизмѣ, мистицизмѣ и во всѣхъ видахъ европейскаго образованія. Не менѣе ошибочно было бы объяснять политическое возбужденіе и новыя умственныя теченія, пробивавшіяся наружу въ періодъ между вѣнскимъ конгрессомъ и смертью Александра, вліяніемъ нѣмецкой философіи, особенно сочиненіями Шеллинга и натуръ-философіи Окена. Правда, мы встрѣчаемъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ сторонниковъ ея воззрѣній; но о дѣйствительномъ вліяніи нѣмецкой мысли на русское общество не можетъ быть и рѣчи. Отдѣльные выдающіеся умы, о которыхъ мы уже упоминали, являются въ этомъ отношеніи блестящимъ исключеніемъ; для большинства же людей, считавшихся наиболѣе образованными, остается вѣрнымъ то, что еще долго составляло характерную черту русской культуры: они принимали готовыя данныя, какъ догмы, и на этомъ шаткомъ фундаментѣ строили себѣ міровоззрѣнія, лишенныя внутренней силы и твердости.

Пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе смерти такихъ людей, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ и И. П. Тургеневъ (оба умерли въ 1807 г.), навсегда остался не заполненнымъ. Ихъ дома были, дѣйствительно, центромъ развивавшагося умственнаго движенія; слѣдующее же поколѣніе, т.-е. молодежь 20-хъ годовъ, удовлетворялась поверхностнымъ образованіемъ. Импульсъ, принесенный ею изъ походовъ и переданный слѣдующему молодому поколѣнію, носилъ не столько научный, сколько восторженно-патріотическій характеръ, опиравшійся на обще-человѣческіе идеалы. Послѣдніе находились въ противорѣчіи съ условіями русской жизни и вызвали сначала страстное желаніе реформъ; когда же оказалось, что надежды на это не могутъ осуществиться, то онѣ перешли въ столь же сильное стремленіе къ перевороту. Въ этомъ и заключается ядро всѣхъ революціонныхъ стремленій въ Россіи вплоть до настоящаго времени, и не трудно придти къ выводу, что поколѣніе, ставшее жертвою этихъ разочарованій и революціонныхъ плановъ, одинаково заслуживаетъ сожалѣнія и осужденія.

Русская литература того времени не могла служить опорою. Единственныхъ два крупныхъ таланта, которые по своему личному характеру были достаточно сильны, чтобы занять мѣсто вождей, а именно упомянутый выше адмиралъ и будущій министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ и историкъ Карамзинъ, не могли получить этой роли, потому что одинъ былъ литературный реакціонеръ, который противился дальнѣйшему развитію русскаго языка, а другой прославлялъ въ исторіи и политикѣ самодержавіе, которое ему казалось необходимой, разъ навсегда предопредѣленною формой правленія въ Россіи. То обстоятельство, что оба этихъ человѣка были въ то же время заслуженными русскими патріотами и безупречными личностями, имѣло такъ же мало значенія, какъ и рѣшительныя литературныя заслуги Карамзина въ видѣ удивительной критической работы, искусства изложенія и красоты языка.

Съ другой стороны, для общественнаго настроенія того времени характерно, что разнузданные и въ политическомъ отношеніи вызывающіе стихи мальчишки-школяра [1]), свободно владѣвшаго формой, но талантъ котораго въ тѣ годы былъ лишенъ всякой глубины, являлись событіемъ въ русской литературѣ и въ умственной жизни высшихъ слоевъ націи. Когда Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, о которомъ въ данномъ случаѣ и идетъ рѣчь, въ 1811 г. двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, вступилъ въ лицей, основанный когда-то Александромъ въ Царскомъ Селѣ для воспитанія своихъ младшихъ братьевъ, то онъ принесъ туда съ собою воображеніе, уже испорченное чтеніемъ двусмысленныхъ французскихъ книгъ, а преподаваніе, во всѣхъ отношеніяхъ недостаточное, и разнузданный образъ жизни лицеистовъ, остававшихся почти безъ всякаго надзора, не внесли въ жизнь высоко-одареннаго юноши ничего иного, кромѣ сомнительныхъ знаній въ разныхъ областяхъ, совершенства въ умѣніи владѣть французскимъ и русскимъ языками, необузданной чувственности и самолюбія, хотя и очень обостреннаго, но не имѣвшаго ничего общаго съ серьезнымъ чувствомъ чести. 9/21 іюня 1817 г. происходилъ торжественный первый выпускъ воспитанниковъ лицея въ присутствіи самого императора Александра; кромѣ Пушкина, здѣсь былъ еще цѣлый рядъ чрезвычайно одаренныхъ молодыхъ людей, какъ, напримѣръ, поэты Кюхельбекеръ и баронъ Дельвигъ, будущій канцлеръ князь Горчаковъ, баронъ Модестъ Корфъ и другіе, которымъ предстояла менѣе печальная,

[1]) Это мнѣніе о поэзіи Пушкина и о настроеніи общества остается на отвѣтственности только профессора Шимана.

но и менѣе блестящая карьера. Пушкинъ и его друзья погрузились въ водоворотъ удовольствій и вращались въ гвардейской офицерской средѣ, куда, на ряду съ погонею за сильными ощущеніями, въ видѣ любовныхъ приключеній, дуэлей и дикихъ оргій, въ это же время сталъ проникать новый, болѣе возвышенный духъ.

То-то и характерно для революціоннаго движенія, развившагося въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра, что оно выросло изъ благороднаго зерна и при другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Россіи, могло бы принести благородные плоды. Но умственныя и политическія теченія, исходившія отъ самого императора и дѣйствовавшія въ развращающей атмосферѣ тщательно соблюдаемой тайны, вызвали то, что благомыслящіе и благородные реформаторы обратились въ революціонеровъ, которые видѣли въ государственномъ переворотѣ единственное дѣйствительное средство для улучшенія невыносимаго положенія.

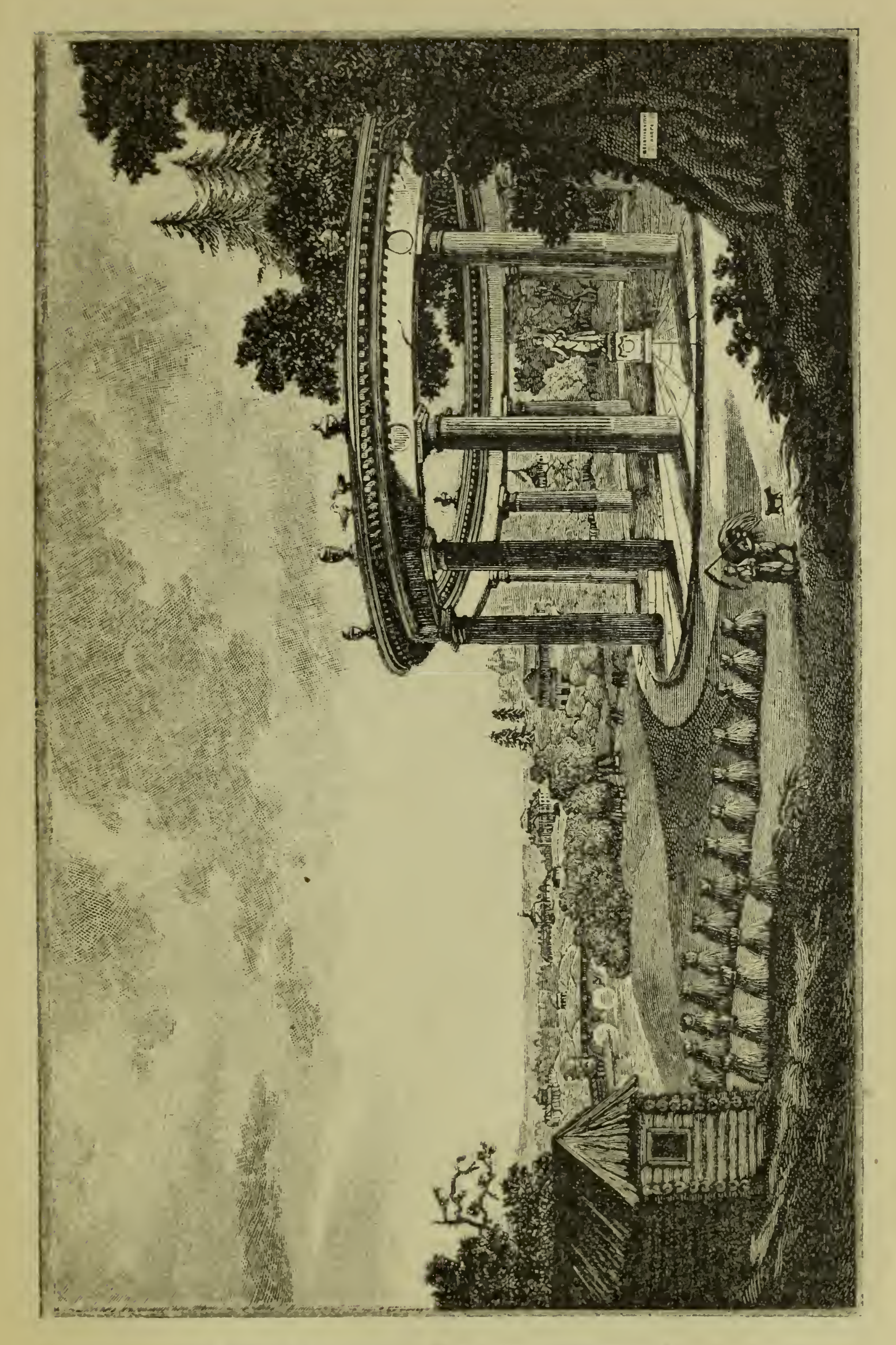
Первоначально собрался небольшой кружокъ молодыхъ офицеровъ, поставившихъ себѣ цѣлью распространять сначала среди товарищей, а потомъ и черезъ общественное мнѣніе, идеи, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были быть осуществлены, какъ первое условіе всякаго дальнѣйшаго прогресса, а именно: уничтоженіе крѣпостного права, распространеніе образованія путемъ устройства школъ, болѣе человѣчное обращеніе съ солдатами, борьба съ возмутительною несправедливостью и продажностью суда и администраціи и подготовка націи къ усвоенію болѣе свободныхъ политическихъ формъ. Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ не было ничего подозрительнаго. Самъ императоръ Александръ сочувствовалъ каждому изъ нихъ и обсуждалъ ихъ съ Лагарпомъ, въ засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета или позже—со Сперанскимъ и другими. Къ тому же въ такое время, когда еще допускалось существованіе ложъ и повсюду возникали литературныя общества, принимавшія невольно политическую окраску, едва ли можно было видѣть что-либо запретное въ интимномъ, хотя и тайномъ союзѣ для филантропическихъ цѣлей.

Началось съ того, что въ 1816 г. у трехъ блестящихъ молодыхъ офицеровъ явилось желаніе обмѣниваться мыслями по вопросу о необходимости перемѣны существующихъ условій. Это были Александръ Муравьевъ, его двоюродный братъ Николай Муравьевъ и князь Сергѣй Трубецкой—все однолѣтки, въ возрастѣ отъ 24 до 25 лѣтъ. Въ началѣ ихъ возмущало только то, что Александръ оказывалъ предпочтеніе иностранцамъ. Въ обществѣ циркулировали слова царя, выразившаго мнѣніе, будто, «русскіе

Александрова дача. Храмъ Фелицы въ саду.

Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ. 1810 г.

Александрова дача. Храмъ Цереры въ саду.
Съ рисунка изъ рѣдкаго изданія „Александрово, увеселительный садъ в. к. Александра Павловича". Харьковъ. 1810 г.

или плуты, или дураки» [1]). Предполагалось составить «заговоръ противъ нѣмцевъ», но эта мысль была скоро оставлена. Вмѣсто того образовался безформенный и плохо-организовавный «Союзъ Спасенія Россіи». Теперь въ него вошли еще нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ: братья Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и поручикъ Якушкинъ—всѣ трое изъ Семеновскаго полка. Предполагалось повліять на русское дворянство и побудить его подать царю петицію объ освобожденіи крестьянъ. Отсюда видно, какъ мало эти молодые люди знали Россію. Когда же затѣмъ Якушкинъ написалъ своему дядѣ, что хочетъ освободить своихъ крестьянъ, то тотъ позаботился объ удаленіи племянника изъ опасной среды, въ которой онъ вращался. Его перевели въ 37-й егерскій полкъ. Подобные планы считались не только въ высшей степени подозрительными, но и просто порожденіями больного ума. Общество между тѣмъ успѣло уже расшириться. Черезъ Новикова, правителя канцеляріи князя Репнина, въ концѣ 1816 г. въ общество былъ принятъ Павелъ Ивановичъ Пестель [2]); онъ внесъ съ собой туда человѣколюбіе, направленное на опредѣленныя политическія цѣли. Пестель былъ, безъ сомнѣнія, недюжинная личность. Будучи еще воспитанникомъ пажескаго корпуса, онъ задумывался надъ политическими вопросами, а впослѣдствіи посвящалъ ихъ изученію все свободное время. Такъ какъ онъ былъ въ то же время храбрый и свѣдущій офицеръ, то легко сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе товарищей и начальства. Съ его вступленіемъ въ тайное общество замѣчается стремленіе къ болѣе прочной его организаціи. При

[1]) Это мнѣніе Александръ высказалъ въ разговорѣ съ генераломъ адъютантомъ Ожеровскимъ.

[2]) Сынъ сибирскаго генералъ-губернатора, недоброй памяти Ивана Борисовича Пестеля, род. 24-го іюня 1792 г. Мать его была нѣмка, урожденная Крокъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ Дрезденѣ, въ маѣ 1810 г. поступилъ въ пажескій корпусъ, а въ декабрѣ 1811 г. въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Отличился подъ Вильной. Въ сентябрѣ 1812 г. былъ раненъ. Въ 1813 г. состоялъ адъютантомъ при Витгенштейнѣ, послѣ битвы при Лейпцигѣ произведенъ въ поручики. За сраженія при Баръ-сюръ, Объ и Труа, получилъ Анну, а въ декабрѣ 1814 г. орденъ «Pour le mérite». Въ 1815 г. былъ съ Витгенштейномъ сначала въ Вильнѣ, потомъ въ Митавѣ, 1816 г.—въ Петербургѣ. Когда Витгенштейнъ былъ назначенъ въ 1818 г. главнокомандующимъ второю арміей, то Пестель послѣдовалъ за нимъ въ качествѣ адъютанта въ Тульчинъ. Въ ноябрѣ 1819 г. сопровождалъ Витгенштейна въ Петербургъ и произведенъ въ подполковники Маріупольскаго гусарскаго полка. Въ 1821 г. былъ посланъ въ Бессарабію съ военно-политическою миссіей, а затѣмъ произведенъ въ полковники Вятскаго пѣхотнаго полка.

этомъ обнаруживается нѣкоторое разногласіе между нимъ и Муравьевыми. Въ виду того, что не удалось достигнуть соглашенія по поводу представленныхъ обѣими сторонами проектовъ конституціи, то было основано другое тайное военное общество, куда вошли почти всѣ лучшіе элементы изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ такія личности, какъ адъютантъ великаго князя Михаила, Бибиковъ, князь Долгорукій изъ гвардейской артиллерійской бригады, оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Перовскій, командиръ полка наслѣднаго принца Прусскаго, командиръ гвардейскихъ егерей фонъ-Визинъ и др.

Поворотъ, сообщившій этой безусловно благонамѣренной, хотя и не вполнѣ надежной, дѣятельности опасный характеръ, произошелъ лишь позднею осенью 1817 г. Императоръ Александръ собирался 12/24-го октября совершить въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ закладку собора, который долженъ былъ напоминать грядущимъ поколѣніямъ о томъ днѣ, когда съ отступленіемъ Наполеона на глазахъ у всѣхъ, начался великій судъ Божій надъ врагами Россіи. Для большей торжественности онъ велѣлъ отправить въ Москву представителей отъ всѣхъ императорскихъ гвардейскихъ полковъ; такимъ образомъ руководители тайнаго общества имѣли возможность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ старой столицѣ распространять свои идеи и въ московскихъ полкахъ. Въ то время господствовало особенно возбужденное настроеніе. Въ обществѣ ходила масса слуховъ. Князь Трубецкой писалъ изъ Варшавы, что Александръ хочетъ присоединить къ Польскому королевству бывшія польскія губерніи Россіи, Литву и Малороссію. На польскую конституцію и на освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ смотрѣли, какъ на оскорбленіе Россіи. Царь покровительствовалъ иностранцамъ,—это было ясно. Его поступки и намѣренія казались измѣной отечеству. Въ связи съ этимъ и возникъ вопросъ, не должно ли, для предупрежденія дальнѣйшихъ бѣдъ, устранить самого царя. Александръ Муравьевъ, говорятъ, предложилъ бросить жребій, кому взять на себя нанесеніе удара; но Якушкинъ объявилъ, что ему этого не нужно и что онъ рѣшился застрѣлить передъ Успенскимъ соборомъ сначала царя, а потомъ и себя. Въ этомъ поступкѣ онъ видѣлъ «не убійство, а только поединокъ на смерть обоихъ».

Къ счастью, дѣло не пошло дальше словъ, за которыми къ тому же едва ли скрывались дѣйствительно серьезныя намѣренія. Якушкинъ успокоился, но вышелъ изъ Общества, а Але-

ксандръ Муравьевъ вышелъ въ отставку, когда императоръ наказалъ его арестомъ за неудачный парадъ передъ Кремлемъ. Вскорѣ затѣмъ онъ женился и также прервалъ оффиціальныя сношенія съ обществомъ, если можно такъ выразиться. Остальные же продолжали поддерживать связь другъ съ другомъ и сорганизовались окончательно въ «Союзъ Благоденствія». Этой организаціи придавали впослѣдствіи весьма преувеличенное значеніе. Это было патріотически-филантропическое общество, уставъ котораго, изложенный въ пресловутой Зеленой Книгѣ, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что не было бы совмѣстимо съ интересами государства, такъ что возникала даже мысль ходатайствовать передъ императоромъ объ утвержденіи Союза. Опасность заключалась въ умышленной таинственности, въ подъемѣ настроенія при обсужденіи текущихъ событій и, наконецъ, въ томъ, что, съ непрерывнымъ поступленіемъ новыхъ членовъ [1]), у руководителей возрастало сознаніе собственной силы. Самъ Союзъ старался создать центральный органъ и различалъ петербургскую, московскую и тульчинскую Думу по мѣсту стоянки главной квартиры 2-й арміи. Но связь между ними была крайне слаба; даже въ Петербургѣ составлялись новыя общества, которыя большею частью были недолговѣчны и только доказывали, насколько повсемѣстно была распространена потребность въ тѣсномъ товарищескомъ общеніи на почвѣ общихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ.

Однако, возраставшее негодованіе по поводу произвола и нечестныхъ дѣйствій правительства и крайностей милитаризма постепенно отравили все движеніе и придали ему несомнѣнно опасный для государства характеръ.

Рѣшающую роль въ этомъ случаѣ сыграло учрежденіе военныхъ поселеній и варварская жестокость, съ какою Александръ черезъ Аракчеева подавлялъ малѣйшее выраженіе недовольства невыносимымъ гнетомъ, связаннымъ съ этими поселеніями.

Въ первый разъ мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній явилась императору Александру, повидимому, въ 1808 г., во время финляндскаго похода. Вокругъ Куопіо и въ Кареліи находились поселенія шведскихъ войскъ, которыя, правда, сдались генералу Буксгевдену безъ всякой попытки къ сопротивленію, но тѣмъ не менѣе служили доказательствомъ, что и въ сѣверныхъ областяхъ возможны такія поселенія, какія существовали, начиная съ XVI вѣка, вдоль австрійской военной границы. Але-

[1]) Въ 1818 г. Союзъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 200 офицеровъ.

ксандру захотѣлось, какъ и всегда, чтобы разъ принятое намѣреніе было осуществлено возможно скорѣе. Вопросъ о военныхъ поселеніяхъ такъ и остался единственнымъ въ которомъ онъ не уклонялся отъ намѣченной цѣли. Въ 1810 г. уже была сдѣлана попытка устроить такое поселеніе для запаснаго батальона Елецкаго мушкетерскаго полка, при чемъ всѣ планы и расчеты были изготовлены Аракчеевымъ. Солдатъ отправили въ Климовическій уѣздъ Могилевской губерніи и поселили въ деревняхъ казенныхъ крестьянъ. Самихъ же крестьянъ, въ числѣ 4000 чел., переселили въ Новороссію, гдѣ многіе изъ нихъ и погибли. Тоска по родинѣ, холодъ и голодъ, а также пьянство унесли десятую часть въ могилу. Ихъ опустѣвшіе дома тѣмъ временемъ заняли мушкетеры. То были отборные люди, большею частью женатые и явившіеся съ женами и дѣтьми; холостыхъ женили на крестьянскихъ дѣвушкахъ сосѣднихъ казенныхъ деревень. Правительство снабдило мушкетеровъ земледѣльческими орудьями, скотомъ и сѣменами для посѣва и требовало отъ нихъ, чтобъ они были одновременно солдатами и земледѣльцами. Трудно установить, насколько ему удалась эта попытка.

Въ 1812 г. поселенный батальонъ былъ призванъ на дѣйствительную службу, а когда остатки въ 1814 г. вернулись обратно, то оказалось, что дома ихъ разграблены сосѣдями. Расходы на новое устройство, а также ничтожныя хозяйственныя способности солдатъ заставили царя остановиться на другой формѣ колонизаціи. Мысли своей онъ, конечно, не оставилъ: это видно изъ его манифеста отъ 30-го августа 1814 г. «Мы надѣемся, говорилось въ немъ, что сохраненіе мира и спокойствія дастъ намъ возможность не только устроить содержаніе солдатъ лучше и съ большимъ достаткомъ, но и сдѣлать ихъ осѣдлыми и соединить съ ними ихъ семьи».

Очевидно, императоръ утвердился въ мысли, что его идея имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и въ высшей степени полезна. Однако прошло еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ ему удалось приступить къ ея исполненію. 5-го августа 1816 г. былъ изданъ указъ, которымъ графу Аракчееву поручалось устроить поселеніе для батальона гренадеръ. Весь планъ былъ сначала обдуманъ царемъ и Аракчеевымъ и разработанъ графомъ. Лишь 3/4 года спустя, аракчеевскій планъ былъ сообщенъ старому генералъ-фельдмаршему Барклаю-де-Толли, а послѣдній привлекъ къ совѣту генералъ лейтенанта Дибича. Заключенія обоихъ были представлены царю въ маѣ 1817 г.; оба они высказывались рѣшительно противъ задуманнаго плана. Ихъ заключенія

были оставлены безъ послѣдствій. Запросъ былъ сдѣланъ не для того, чтобы вызвать новое обсужденіе принятыхъ уже рѣшеній, а только для того, чтобы получить отъ военныхъ авторитетовъ желательное для царя одобреніе. Обоимъ этимъ почтеннымъ генераламъ слѣдуетъ поставить въ большую заслугу, что они отказались исполнить желаніе императора; насколько извѣстно, они въ этомъ отношеніи были совершенно одиноки. Всѣ, кто окружалъ Александра, не исключая матери и братьевъ, притворялись, будто раздѣляютъ и одобряютъ геніальную мысль. Царь вѣрилъ въ превосходныя качества своего плана и ждалъ не наставленія, а похвалъ.

Статья, написанная Сперанскимъ въ 1823 г. и отпечатанная въ 1825 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ «О военныхъ поселеніяхъ», показываетъ какими гуманными идеями Александръ самъ себя тѣшилъ и другіе его тѣшили. Это — апологія, съ помощью которой опальный любимецъ, вопреки своимъ лучшимъ убѣжденіямъ, добился милости Аракчеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царя. Такъ какъ въ этой статьѣ высказаны безъ всякихъ обиняковъ тѣ самыя мысли, въ справедливости которыхъ царь и Аракчеевъ желали всѣхъ убѣдить, то важно познакомиться подробнѣе съ ея содержаніемъ. По свойственной Сперанскому манерѣ, разсужденіе ведется систематично, стройно и весьма льгично.

Колоніи, говоритъ онъ, основаны для того, чтобъ устранить недостатки рекрутскихъ наборовъ, а именно: 1) неравномѣрность набора, 2) разрывъ родственныхъ и брачныхъ узъ, 3) трудности, связанныя съ распредѣленіемъ рекрутовъ (дальніе походы, болѣзнь, смертность), 4) безпріютность тѣхъ, кто выслужилъ свой срокъ, 5) поврежденіе сельскаго хозяйства и увеличенія народонаселенія, 6) обремененіе государственнаго бюджета и 7) гнетъ постоевъ. Всѣ эти недостатки чувствовались уже давно, но приступить къ лучшей системѣ стало возможно только по окончаніи войны.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы вмѣсто рекрутскихъ наборовъ, обременяющихъ всѣ части государства, сконцентрировать средства для образованія арміи и ограничить ихъ опредѣленными областями, такъ чтобы всѣ остальныя области были тѣмъ самымъ освобождены, отъ военной службы.

Населеніе военныхъ округовъ должно состоять изъ прежнихъ жителей и войскъ. Первымъ должно уравновѣсить новыя принимаемыя ими на себя повинности соотвѣтствующими льготами. Войска должны быть поселены и получить возможность матері-

ально содержать самихъ себя и безъ ущерба для военной дѣятельности пользоваться радостями семейной жизни.

Рѣшеніе подобной задачи, конечно, не легко. Къ тому же въ проведеніи этого плана можно различать два періода: переходное время и позднѣйшій періодъ, когда не будетъ ни первоначальныхъ владѣльцевъ, ни вновь поселенныхъ войскъ, а только колонизированное войско со своимъ естественнымъ дѣленіемъ на арміи, корпуса и дивизіи.

Въ первый періодъ для коренныхъ жителей дѣйствуютъ слѣдующія правила:

1) Имущество ихъ остается неприкосновеннымъ. 2) Дома ихъ частью исправляются, частью выстраиваются за-ново, а сельская хозяйственная утварь пополняется на счетъ казны. 3) Гдѣ не хватаетъ земли, тамъ ихъ надѣляютъ новою землей, полученной или путемъ корчевки, или покупкой за счетъ казны. 4) Земля эта передается поселеніямъ въ вѣчное пользованіе, такъ что съ ней не сопряжена дѣйствительная служба, а только зачисленіе въ ополченіе. 5) Съ нихъ не взимаются ни государственныя, ни земскія подати. 6) Всѣ годные служатъ и зачисляются въ поселенные полки, не разлучаясь со своими домами и сельско-хозяйственными работами. Ихъ постепенно готовятъ къ дѣйствительной службѣ, при чемъ всѣ болѣзненные и старики освобождаются отъ службы, а дѣти получаютъ соотвѣтствующее ихъ возрасту воспитаніе.

Для поселенныхъ войскъ устанавливается:

1) Общій составъ и раздѣленіе арміи остаются въ силѣ, но каждый полкъ, назначенный на поселеніе, получаетъ въ округѣ своего поселенія землю безъ лежачей на ней барщины, кромѣ того оборудованное государствомъ хозяйство.

2) Военные поселенцы соединяются со своими семьями, инвалиды призрѣваются, а малолѣтніе получаю̆ воспитаніе.

3) Въ каждомъ округѣ устраиваются хозяйства и организуются такъ, что сначала хозяевами дѣлаются коренные жители, впослѣдствіи, когда все населеніе округа сольется, то опредѣленная часть полка будетъ состоять изъ хозяевъ, которые тогда составятъ *неподвижную* часть поселенія, въ то время какъ остальные будутъ помогать имъ въ работѣ и, соотвѣтственно приносимой ими выгодѣ, получаютъ содержаніе.

Для второго періода получается тогда слѣдующая картина:

Поселенное войско сохранило прежній составъ арміи и состоитъ изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи, саперовъ и піонеровъ. Оно распадается на корпуса, дивизіи, бригады и полки. Каждый

поселенный полкъ образуетъ полковой округъ, изъ полковыхъ округовъ получаются бригадные, дивизіонные и корпусные округа, а изъ послѣднихъ—округа поселенныхъ армій. Всѣ эти округа изъемлются изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства и находятся подъ военнымъ управленіемъ.

Полковые округа управляются полковыми командирами, бригадные—бригадными генералами и т. д., наконецъ, всѣ корпусные округа вмѣстѣ взятые—главнокомандующимъ арміей.

Въ составѣ каждаго полкового округа должно различать сельскохозяйственныя и военныя части.

Каждый полкъ дѣлится на хозяйства, состоящія каждое изъ участка земли и угодій, избы, хозяйственныхъ строеній, домашняго и рабочаго скота, домашней утвари, мебели и запаса хлѣба для посѣва и для прокорма. Число хозяйствъ въ каждомъ полку опредѣляется числомъ дѣйствительныхъ солдатъ и родомъ ихъ службы. Гдѣ не хватаетъ земли и хозяйствъ, ихъ дополняетъ казна.

Внутри полкового округа различаютъ подвижную и неподвижную часть населенія. Неподвижными называются тѣ, кто не участвуетъ въ походахъ и всегда остается въ мѣстѣ поселенія, подвижными—всѣ остальные.

Къ неподвижнымъ относятся хозяева, кантонисты, инвалиды и всѣ старожилы, перешедшіе 45-лѣтній возрастъ и, наконецъ, семьи войскъ, ушедшихъ въ походъ. Хозяевами являются тѣ, кому данъ участокъ земли съ хозяйственнымъ инвентаремъ; когда полкъ уходитъ въ походъ, они остаются, продолжаютъ свои сельско-хозяйственныя работы и заботятся о содержаніи семействъ ушедшихъ войскъ.

Когда подвижные находятся въ поселеніи, то они со своими семьями опредѣляются къ хозяевамъ, помогаютъ имъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ и имѣютъ право на долю въ прибыли отъ совмѣстной работы.

Хозяйства переходятъ по наслѣдству, согласно особымъ предписаніямъ.

То, что пріобрѣтено личнымъ трудомъ независимо отъ хозяйственной дѣятельности, напримѣръ, ремесленнымъ трудомъ или торговлей, становится свободной личной собственностью.

Кантонистами становятся дѣти мужескаго пола всего населенія округа. Они дѣлятся по возрасту на младшихъ, среднихъ и большихъ.

Инвалидами являются всѣ, кто по старости или по болѣзни негоденъ къ службѣ.

Въ военномъ отношеніи каждый полкъ дѣлится на батальоны, роты или эскадроны. «Хозяева» каждаго полка соединяются въ батальонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ ротъ или эскадроновъ. Когда другіе уходятъ, то они остаются и готовятъ новую смѣну для службы въ подвижномъ батальонѣ.

Въ каждомъ полковомъ округѣ строятся церкви и основываются на ряду съ частными хозяйствами еще сельско-хозяйственныя предпріятія для обезпеченія всему округу правильныхъ доходовъ, а въ кавалерійскихъ округахъ, кромѣ того, конскіе заводы.

Изъ особыхъ доходовъ образуется ссудная касса, вездѣ устраиваются хлѣбные магазины, зданія для управленія и для почты, наконецъ, вездѣ принимаются мѣры къ содержанію въ порядкѣ столбовыхъ дорогъ и водяныхъ путей.

Каждый округъ имѣетъ свой обозъ, артельныя деньги запасныхъ, экзерциргаузы, пороховые и оружейные склады и мастерскія, чтобы держать въ порядкѣ оружіе и обозъ.

Вездѣ должны быть школы для среднихъ кантонистовъ и для большихъ учебныхъ батальоновъ, эскадроновъ или ротъ; кромѣ того, колоніи для инвалидовъ съ пріютами и госпиталями.

Если спросить, какія преимущества даются поселенцамъ за возложенную на нихъ воинскую повинность, то сравненіе показываетъ, что казенные крестьяне, которые одни идутъ въ разсчетъ, несли до сихъ поръ, слѣдующія повинности: душевой налогъ, барщину, рекрутскій наборъ, земскіе налоги деньгами и натурой и волостныя подати.

За то если крестьянинъ становится кантонистомъ, то онъ не только сохраняетъ въ пользованіе свою землю, но его доля еще увеличивается отъ прибавки корчевыхъ земель и земли, покупаемой казной, всѣ же вышеприведенныя подати отпадаютъ. Его домъ исправляется или ему дается новый, его скотъ и домашняя утварь пополняется, во времена дороговизны или голода о немъ заботятся, ему доступно всякое пріобрѣтеніе, его имущество неприкосновенно и ему открывается возможность дѣлать денежные займы. Дѣти его остаются при немъ, кромѣ военнаго времени; государство заботится объ ихъ воспитаніи, взрослые же учатся службѣ, не уходя изъ семьи, а старики, больные и неспособные призрѣваются.

Наконецъ, невѣрно, будто у всѣхъ имущество должно быть одинаково, наоборотъ, открытъ доступъ къ частному пріобрѣтенію; но въ поселеніяхъ не можетъ быть ни безпріютныхъ сиротъ, ни безпомощныхъ стариковъ и нищихъ, ни безнравствен-

ности, которая терпѣлась бы безъ примѣненія средствъ къ исправленію. Такъ же велики и выгоды, извлекаемыя государствомъ изъ военныхъ поселеній. Въ этомъ поселенномъ населеніи военныя силы возобновляются сами собою, такъ что рекрутскій наборъ постепенно уменьшится и, наконецъ, совсѣмъ прекратится. Только въ рѣдкихъ случаяхъ войны придется назначить производство набора.

Во-вторыхъ, войско будетъ содержать себя собственнымъ трудомъ, а бюджетъ военнаго министерства, поглощающій теперь столь значительную часть государственныхъ доходовъ, сначала уменьшится, а въ концѣ концовъ, сможетъ сойти на-нѣтъ.

Этимъ заканчивается апологія Сперанскаго; не трудно догадаться, что царь и Аракчеевъ остались ею довольны. Дѣйствительность исчезала передъ этимъ миражемъ, и императору, устремившему свой взоръ въ отдаленное будущее, легко было проходить мимо бѣдствій, переживаемыхъ жертвами его благодѣтельныхъ замысловъ.

Но Сперанскій отлично зналъ, что ожидаемыя отъ военныхъ поселеній сбереженія были фикціей и что въ дѣйствительности эти учрежденія поглощали огромныя суммы. Декабристъ Батенковъ, прослужившій три года у Аракчеева въ поселеніяхъ и составлявшій, по его порученію, ложныя донесенія о выгодахъ, приносимыхъ ими казнѣ, далъ въ 1826 г. передъ слѣдственной комиссіей слѣдующее показаніе: «Поселенія стоили очень дорого: деньгами, лѣсомъ, трудомъ и людьми. Если сдѣлать правильный разсчетъ всѣхъ расходовъ, то, употребивъ 5% капитала, затраченнаго на незаконченное поселеніе любого полка 1-й гренадерской дивизіи, можно было бы навѣки обезпечить содержаніе этого полка, между тѣмъ какъ цѣлью поселенія является только доставка продовольствія. Огромный же капиталъ получается главнымъ образомъ изъ поставокъ на продовольствіе и на комиссаріатъ и изъ другихъ средствъ, которыя, въ концѣ концовъ, обратились въ новое бремя для государства». Но Сперанскій не рѣшался сказать правду, и эта записка остается пятномъ на его имени.

Тотчасъ послѣ изданія указа отъ 5-го августа 1816 г. Аракчеевъ приступилъ къ выполненію царскаго приказанія. Онъ отправилъ своего адъютанта Мартоса въ Высоцкую волость, Новгородской губерніи, съ порученіемъ принять всѣ деревни, описать ихъ и проложить дороги. Имѣлось въ виду устроить поселеніе, какъ можно ближе къ Петербургу, а такъ какъ нельзя было избрать для этого Петербургскую губернію вслѣдствіе

полнѣйшаго безплодія почвы, то выборъ остановился на Новгородской губерніи, въ которой вдоль Волхова встрѣчаются красивыя и болѣе или менѣе плодородныя мѣстности, но которая, въ общемъ, отличается бѣдностью и не очень благопріятнымъ климатомъ. За 6-мѣсячною суровою зимой слѣдуетъ сырая и грязная весна, которая обыкновенно продолжается три мѣсяца, такъ что всѣ главныя работы крестьянъ приходятся на четвертую часть года. Сѣять пшеницу здѣсь невозможно, рожь въ хорошіе годы рождалась самъ-пятъ, овесъ—самъ-третей. Крестьянское хозяйство могло держаться только благодаря многочисленному скоту, который находилъ себѣ кормъ въ лугахъ и въ лѣсахъ. Обыкновенно въ декабрѣ у нихъ кончался запасъ муки и зерна; тогда они ѣздили въ Новгородъ и Петербургъ, чтобы вымѣнять сѣно, дрова и убойный скотъ на предметы потребленія. Къ тому же населеніе здѣсь было рѣдко. Во всей Высоцкой волости въ 23 деревняхъ насчитывалось лишь 720 душъ, и этимъ-то людямъ предлагалось прокормить 1000, а вскорѣ и 2000 гренадеръ.

Къ осени 1816 г. дѣло настолько подвинулось впередъ, что можно было приступить къ самому устройству поселенія. Сначала все населеніе было изъято изъ вѣдѣнія гражданскаго начальства и подчинено вышеупомянутому адъютанту Аракчева, штабсъ-капитану Мартосу; онъ далъ намъ полное пламеннаго негодованія описаніе того, что совершалось передъ его глазами и чему онъ самъ былъ отчасти невольнымъ виновникомъ. Затѣмъ явились солдаты—сначала на постой къ крестьянамъ; тутъ-то и началась лихорадочняя работа: прежде всего нужно было построить дома, чтобы дать солдатамъ лучшее помѣщеніе и устроить военное начальство—офицеровъ и ихъ семейства—своимъ домомъ. Когда же въ апрѣлѣ 1817 года сюда явился новый батальонъ подъ командой майора фонъ-Фрикена, то несчастными крестьянами овладѣло дикое отчаяніе.

Только теперь они узнали, что должны оставить свою удобную крестьянскую одежду, замѣнить ее мундиромъ и (что раньше отъ нихъ скрывали) обратиться вмѣстѣ со своими дѣтьми въ солдатъ. Они отправили къ царю въ Петербургъ депутацію съ просьбой освободить ихъ отъ этой новой бѣды, но Аракчееву удалось перехватить пословъ, и онъ распорядился ихъ строго наказать. Дѣло казалось ему настолько важнымъ, что онъ не остановился передъ непосредственнымъ личнымъ вмѣшательствомъ,—мы знаемъ это изъ его собственныхъ писемъ. 19-го мая Аракчеевъ написалъ императору, что осмотрѣлъ поселенія въ

Высоцкой волости. Въ одной деревнѣ были волненія, жители другой деревни убѣжали въ лѣсъ, но вернулись уже черезъ три дня, кромѣ 8 человѣкъ; изъ бѣглецовъ крестьяне выдали четверыхъ, остальные уже исчезли. Онъ установилъ также, что еще 10 крестьянъ отзывались неблагопріятно о новыхъ порядкахъ. Ихъ онъ отдалъ въ солдаты и отправилъ въ Оренбургъ. Судъ онъ назначитъ потомъ, когда схватитъ послѣднихъ четырехъ. Съ постройками дѣло идетъ на ладъ.

Приведемъ еще нѣсколько писемъ, относящихся къ періоду устройства поселеній; они характеризуютъ не только грубость колонизаціонныхъ пріемовъ, но еще и самого Аракчеева и императора.

27-го мая 1817 г. Не хватаетъ только еще одного изъ бѣглецовъ. Это—тѣ самые люди, у которыхъ были найдены прошенія. «Онъ приказалъ шить мундиры для дѣтей на три роста, одѣнетъ ихъ въ одинъ день и прикажетъ, дабы они никогда другого платья не носили окромѣ мундировъ, употребляя оные и во всѣхъ работахъ».

6-го іюня. «Дѣти военныхъ поселянъ всѣ обмундированы. Обмундированіе началось въ одинъ день, въ 6 час. утра въ четырехъ мѣстахъ вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ къ центру изъ одной деревни въ другую, причемъ ни малѣйшихъ непріятностей не встрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей». Приговоръ надъ бунтовщиками уже произнесенъ. Онъ приказалъ наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь только четырехъ, остальные получили батоги и остались въ селеніи. Теперь всѣ крестьяне до 46 лѣтъ получаютъ мундиры; имъ приказано будетъ «оставаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные же ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы же стричь и бороды брить я не велю, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣлается».

17-го іюня. «Всѣ работаютъ уже въ мундирахъ, многіе уже остригли бороды [1]). Здѣсь (въ Высоцкой волости) надѣли военный мундиръ 235 человѣкъ и 165 дѣтей. Далѣе Аракчеевъ хвалитъ своихъ помощниковъ, генералъ-майора Бухмейера, батальоннаго командира фонъ-Фрикена и адъютанта Мартоса.

---

[1]) Эта стрижка вызывала настоящій ужасъ, такъ какъ часть крестьянъ были старовѣры. Они ходатайствовали о томъ, чтобы цирюльникамъ приказано было отдать имъ обратно ихъ бороды, для того, чтобъ они могли имѣть ихъ при себѣ въ день воскресенія изъ мертвыхъ, цирюльники же

Между тѣмъ работы по устройству поселеній распространились и на другія области.

Указомъ отъ 16-го апрѣля 1817 г. для поселеній было назначено 13 казенныхъ деревень въ Зміевскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи и предписано обратить все населеніе донскихъ казаковъ въ поселенія уланской дивизіи. Указомъ отъ 8-го октября 1817 г. семь запасныхъ эскадроновъ были обращены въ поселенные полки, а нѣсколько дней спустя было предписано причислить къ Чугуевскому уланскому полку всѣхъ тамошнихъ жителей; къ Бугской уланской дивизіи въ Херсонской губерніи было присоединено 11 казенныхъ деревень, и т. д. Къ августу 1818 г. въ поселеніяхъ были размѣщены слѣдующія части: въ Новгородской губерніи полки 1-й гренадерской дивизіи, въ Могилевской 2-я кавалерійская дивизія, въ Харьковской 3-я уланская дивизія, въ Херсонской губерніи, въ уѣздахъ Херсонскомъ, Елисаветградскомъ [и Ольвіопольсомъ Бугская уланская дивизія.

Дѣло велось съ поразительной энергіей, но какою цѣной,— это видно даже изъ докладовъ Аракчеева, который явно старался представлять все царю въ лучшемъ свѣтѣ. «Я вернулся», пишетъ онъ 18-го апрѣля 1818 г.,—«изъ округа поселеній 3-й уланской дивизіи. Въ Таганрогскомъ были небольшіе безпорядки. Въ городѣ Зміевѣ я видѣлъ 16.000 человѣкъ коренного населенія въ страхѣ и горѣ, точно они лишились языка, т.-е. въ состояніи, въ которое человѣкъ попадаетъ, когда онъ недоволенъ своей судьбою, боится, но не знаетъ, что ему дѣлать, чтобы исправить свою участь. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ по невѣжеству попадаетъ въ стадій вредной тупости». Жители недовольны военными поселеніями, а военное начальство жалуется на неповиновеніе. Въ этой нуждѣ онъ обратился къ молитвѣ, тогда онъ получилъ письмо Александра и приказалъ выбрать отъ каждой деревни по 2 депутата и вызвать въ штабъ-квартиру дивизіи. Такъ какъ онъ выразилъ готовность исполнить ихъ просьбы и съѣздилъ въ деревни, то теперь все успокоилось.

брали за это плату. Впослѣдствіи начальство приказало возвращать имъ бороды безвозмездно; кромѣ того, старикамъ разрѣшено было сохранить свои бороды. Нѣкоторые изъ старовѣровъ носили, по указанію своихъ учителей, на голомъ тѣлѣ желѣзныя вериги, чтобы отвести отъ себя Божій гнѣвъ. Это обнаружилось во время одной экзекуціи, и ношеніе веригъ было строго запрещено. Съ бородами же и позже приходилось разставаться.

12-го октября, послѣ смотра первой гренадерской дивизіи, онъ сообщаетъ, что вездѣ нашелъ жителей веселыми и въ добромъ довольствѣ и что и въ остальныхъ поселеніяхъ все въ лучшемъ порядкѣ.

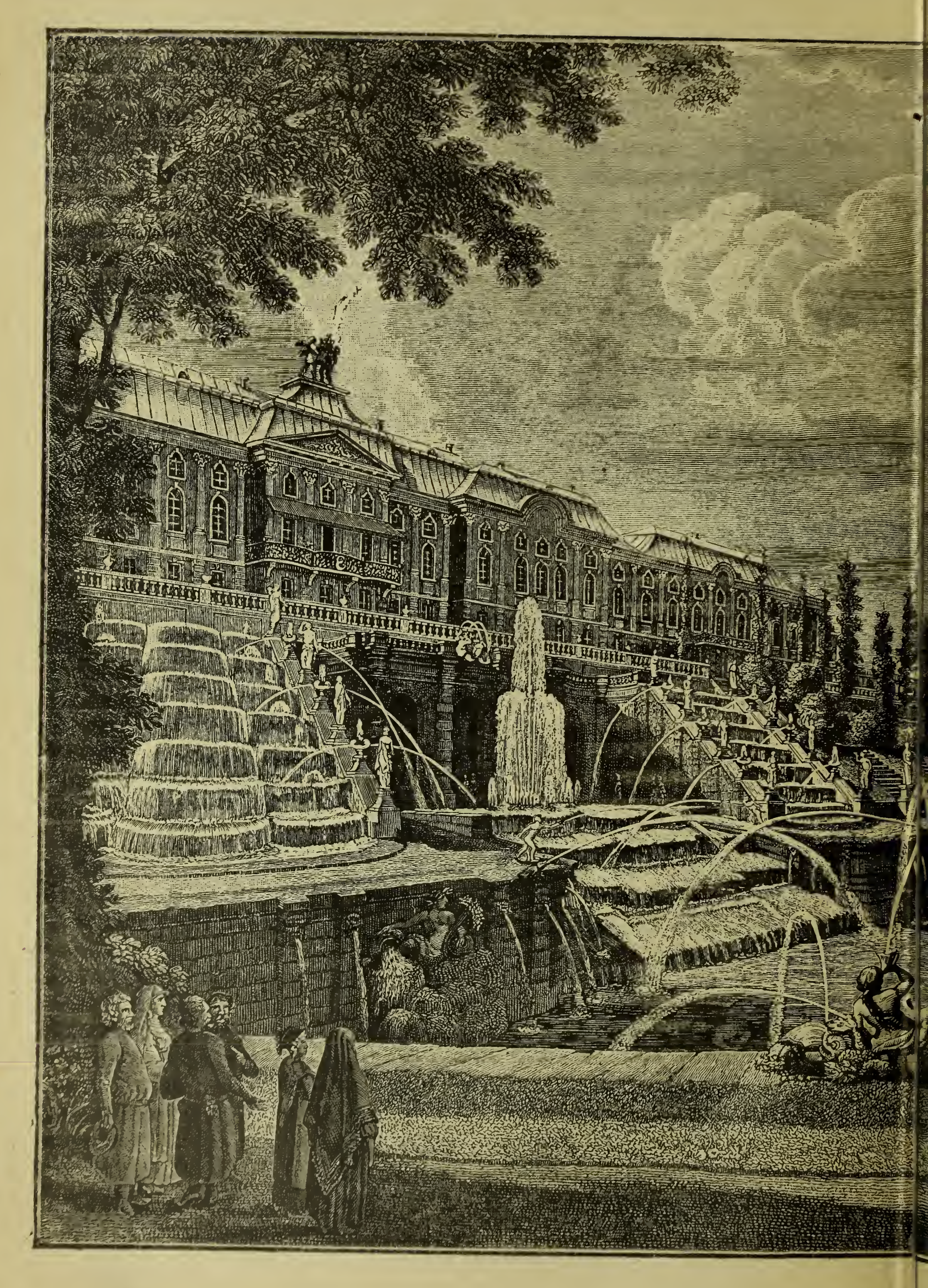
Во внѣшнемъ порядкѣ недостатка не было. Длинными рядами, раздѣленные березовыми насажденіями, стояли вновь отстроенные дома, т. наз. связи, одноэтажныя зданія, раздѣленныя на 2 одинаковыхъ части, которыя предназначались для двухъ, а то и для четырехъ хозяевъ-поселянъ съ назначенными къ нимъ солдатами; рядомъ съ ними находились, т. наз., мезонки, небольшія строенія, также предназначенныя для солдатъ. Переднія комнаты, содержимыя въ высшей степени чисто, были назначены для того, чтобы ихъ показывать во время смотровъ и посѣщенія гостей, а хозяева жили въ заднемъ домѣ. Дома же были сырые, нездоровые и прежде всего негодные для жилья. Инвентарь каждаго хозяйства, опись котораго висѣла въ каждомъ домѣ въ рамкѣ подъ стекломъ, провѣрялся ежедневно не только въ отношеніи полноты, но и въ отношеніи того, находится ли все на указанномъ мѣстѣ. Это дѣлалось не только въ крестьянскихъ хозяйствахъ, но и въ офицерскихъ квартирахъ. Время «хозяевъ» было настолько занято военными ученіями, которыя велись здѣсь съ мучительнѣйшимъ педантизмомъ, что для полевыхъ работъ оставалось только два дня, поэтому послѣднія все больше и больше приходили въ упадокъ, несмотря на помощь (правда, подневольную) со стороны расквартированныхъ солдатъ; о прежнемъ же доходѣ отъ торговли не могло быть вовсе и рѣчи. Текущія работы исполнялись женщинами, состоявшими также подъ контролемъ.

Наиболѣе невыносимо для крестьянъ было то, что для каждаго дѣла былъ назначенъ опредѣленный часъ и что всю утварь нужно было тотчасъ же послѣ употребленія чистить и приносить въ указанное начальствомъ мѣсто. Лѣтомъ съ 1-го мая до 15-го сентября выпечка хлѣба и варка пищи должны были происходить на дворѣ въ каменныхъ печкахъ. Въ это время осматривались печи въ домахъ, въ случаѣ надобности чинились и затѣмъ опечатывались полицеймейстеромъ. Такъ должно было продолжаться до 15-го сентября, послѣ чего можно было снова разводить огонь въ домовыхъ печахъ. Къ тому же приходилось носить неподходящую для сельскихъ работъ одежду, да еще тщательно беречь ее отъ малѣйшаго пятна и порчи. Люди жили въ постоянномъ напряженіи, въ страхѣ и тревогѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ начальствомъ и подвергаясь ежечасно опасности

тѣлеснаго наказанія. Интимный характеръ семейной жизни былъ нарушенъ постояннымъ присутствіемъ сожителей; мужъ и жена не могли ни на часъ остаться дома наединѣ, а дѣти принадлежали больше полку, чѣмъ имъ. Понятіе о собственности совершенно исчезало подъ соціалистической тираніей новыхъ порядковъ; съ такою же роковой необходимостью утрачивалась и охота къ труду, а въ концѣ концовъ, и всякое нравственное чувство. Оставалась только безсильная ненависть и глухая жажда мести, которыя отъ времени до времени проявлялись въ кровавыхъ расправахъ, несмотря на ужасающую жестокость, съ какою воинскій уставъ наказывалъ за малѣйшее нарушеніе дисциплины.

Участь солдатъ была не лучше участи крестьянъ. На ряду съ военными ученіями—ихъ главнымъ дѣломъ—они должны были рубить дрова, осушать болота, выкорчевывать лѣса, выбирать камень, словомъ, исполнять всевозможныя непривычныя работы, такъ что большинство изъ нихъ вскорѣ же заболѣвало. Несмотря на хорошую пищу и щедрую раздачу графской водки, среди нихъ господствовала лихорадка, цынга, водянка и куриная слѣпота. Съ работы они должны были возвращаться съ пѣснями, зато по ночамъ они страдали, потому что дома у нихъ было жесткое ложе и не было печей. Нужно было нечеловѣческое терпѣніе русскаго солдата, чтобы переносить подобную жизнь, не оставлявшую даже часа на отдыхъ. Въ полку императора австрійскаго роты собирались въ батальонномъ штабѣ три раза въ недѣлю на ученіе, которое продолжалось съ 6 часовъ утра до 11 и съ 2 до 10. Въ промежуткѣ они должны были мести улицы и чистить канавы. Они были, въ сущности, крѣпостными своего начальства; то же можно сказать и объ офицерахъ. Они являлись слугами Аракчеева и его присныхъ.

Аракчеевъ охарактеризовалъ свое отношеніе къ одному изъ старшихъ офицеровъ слѣдующимъ образомъ: «Я — другъ царя, говорю вамъ, и на меня можно жаловаться только Богу». «Если командиръ военныхъ поселянъ не убѣжденъ, что рядовой солдатъ можетъ быть въ то же время земледѣльцемъ, то такое сомнѣніе дѣлаетъ его неспособнымъ командовать», — говорится въ другомъ, не-шуточномъ изреченіи. При этомъ Аракчеевъ всячески старался удерживать офицеровъ, состоящихъ при военныхъ поселенцахъ. Тѣ, кто добивался перевода въ вольный полкъ, получалъ препроводительное письмо, преграждавшее ему всякую дальнѣйшую карьеру. Нечего и говорить, что состоятельные офицеры и тѣ, у кого чувство чести было

Императоръ Александ

Съ рисунка съ натуры Шапошн

въ Петергофскомъ саду.

ва. (Изъ собраній П. Я. Дашкова).

сильнѣе, чѣмъ у большинства, все-таки уходили изъ поселеній [1]).

На мѣстахъ оставались только бѣдняки незнатнаго происхожденія, жившіе на свое жалованье, да честолюбцы, спокойно переносившіе унизительное обхожденіе ради карьеры. Поэтому неудивительно, что тонъ здѣсь былъ не тотъ, что въ заносчивыхъ гвардейскихъ полкахъ. Надо всѣмъ господствовалъ духъ службы и строгой дисциплины, а такъ какъ начальству былъ извѣстенъ каждый шагъ и каждое слово, то вмѣсто дикихъ оргій, привившихся въ гвардіи и арміи, здѣсь процвѣтало молчаливое пьянство въ одиночку,—«по фельдфебельски», какъ выразился одинъ современникъ. Если что и предоставлялось офицерамъ, то только удобныя и выгодныя матеріальныя условія жизни. Обѣдъ [2]), ужинъ, одежда, прислуги и чтеніе [3]) обходились молодому офицеру въ 13 р. 75 коп. ассигнаціями въ мѣсяцъ, т.-е. въ 4 рубля серебромъ. Деньщиками были служилые солдаты, большею частью съ Парижской медалью 1814 г.; на нихъ лежала опасная обязанность заботиться объ одеждѣ барина и о порядкѣ въ его квартирѣ, причемъ они должны были всегда быть готовы получить за какія-либо упущенія «десять горячихъ» на гауптвахтѣ. Страшный полковой полицеймейстеръ изъ инвалидовъ дѣлалъ каждое утро повѣрку всѣхъ нумеровъ и налагалъ взысканія. Больше всего угнетало офицеровъ отсутствіе умственныхъ и общественныхъ импульсовъ и убійственное однообразіе службы, которая и имъ не оставляла времени для отдыха. Строевая служба поглощала всѣ ихъ мысли и дѣятельность, дисциплина обратилась въ idée fixe, а безцвѣтная, давящая, рабская рутина убивала всякое чувство и дарованье. Но участь ихъ была все-таки гораздо легче, чѣмъ участь солдатъ и особенно военныхъ крестьянъ. На самомъ дѣлѣ, всѣ стонали и роптали. Какъ говорится въ одномъ изъ множества циркулировавшихъ тогда сатирическихъ стихотвореній:

«На бумагѣ все прекрасно,
«Но на дѣлѣ все ужасно,
«Хоть не говори!»

---

[1]) Къ 1825 г. больше половины первоначальнаго офицерскаго состава новгородскихъ поселеній частью вышли въ отставку, частью были переведены въ армію; при этомъ нужно имѣть въ виду, что гренадеры причислялись къ гвардіи.

[2]) Въ полковомъ трактирѣ, 3—4 блюда, приготовленныя крѣпостными поварами, обученными въ петербургскихъ французскихъ ресторанахъ.]

[3]) «Почти запретная роскошь». Начальство не поощряло офицерскаго чтенія, хотя библіотека была обязательна.

Хотя устройство военнаго поселенія и вызывало вездѣ сопротивленіе, тѣмъ не менѣе ужасъ, какой внушала строгость Аракчеева, до сихъ поръ еще не вызвалъ сколько-нибудь значительнаго возстанія. Кризисъ наступилъ въ августѣ 1819 г., когда въ Чугуевскомъ поселеніи произошелъ очень серьезный бунтъ, въ которомъ одинаково участвовали какъ уланы-поселенцы, такъ и доведенное до крайности коренное населеніе. Методъ и мораль аракчеевскаго гнета и отношеніе императора Александра къ этимъ вопросамъ выступаютъ въ данномъ случаѣ настолько рельефно, что мы предпочитаемъ передать слово имъ обоимъ. 24-го августа 1819 г. Аракчеевъ писалъ изъ Чугуева императору:

Городъ Чугуевъ, 24-го августа 1819 г.

«Всеподданѣйше доношу Вашему Величеству о неповиновеніи въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка, въ томъ порядкѣ, какъ происходило дѣло съ отъѣзда Вашего Величества въ Царское Село до послѣдовавшаго нынѣ устраненія онаго. Важность событія вынуждаетъ меня изложить всѣ подробности. Получивши Высочайшій приказъ отправиться въ округа поселенія 2-й уланской дивизіи, я отправилъ 24-го іюня офицера, посланнаго съ донесеніемъ въ Петербургъ, къ командиру дивизіи генералъ-лейтенанту Лисаневичу и предписалъ ему назначить военный судъ подъ предсѣдательствомъ полковника Салова и передать ему для сужденія всѣхъ главныхъ бунтовщиковъ.

Сдѣлавши затѣмъ всѣ нужныя распоряженія по дѣламъ поселенія 2-й гренадерской дивизіи, которыя, какъ Вашему Величеству извѣстно, по многимъ работамъ требовали моего рѣшенія, я уѣхалъ 2-го августа, но вслѣдствіе дурной дороги, вызванной большими ливнями за Москвой, несмотря на всѣ усилія не могъ ѣхать такъ скоро, какъ того желалъ. Въ пути я получилъ между Тулой и Орломъ снова посла отъ Г. Л. Лисаневича съ донесеніемъ, что безпорядки въ Чугуевскомъ округѣ усиливаются, а число бунтовщиковъ увеличивается, что вслѣдствіе дурного примѣра произошелъ бунтъ и въ округѣ Таганрогскаго уланскаго полка, коего коренное населеніе также отказывается повиноваться, что онъ предвидитъ плохія послѣдствія и требуетъ изъ Полтавы еще 2 пѣхотныхъ полка.

Вслѣдствіе сей дурной новости я старался еще ускорить свое прибытіе, но не могъ попасть въ Харьковъ раньше 11-го с. м.

По семъ моемъ прибытіи я вызвалъ къ себѣ Г. Л. Лисаневича, тѣмъ временемъ узналъ отъ слободско-украинскаго граж-

данскаго губернатора Муратова, что возстаніе продолжается и что виною является слабость начальства и недовольство нѣкоторыхъ чиновниковъ, высланныхъ изъ города Чугуева; сіи люди, потерявши недозволенныя выгоды, коими здѣсь пользовались, употребили во зло свое вліяніе на умы коренного населенія. Губернаторъ прибавилъ къ сему, что общее желаніе населенія ввѣренной ему губерніи состоитъ въ томъ, чтобы съ бунтовщиками сими было поступлено по всей строгости законовъ, дабы дать примѣръ низшимъ классамъ населенія и тѣмъ успокоить волненіе.

Ночью прибылъ Г. Л. Лисаневичъ и привезъ мнѣ столь же неблагопріятное донесеніе. Изъ рапорта я узналъ, что уже теперь изъ округа Чугуевскаго полка арестовано 1104 человѣка, а изъ Таганрогскаго 899, изъ коихъ надъ 313, какъ надъ главными виновниками, наряженъ, согласно предписанія, военный судъ.

При семъ онъ донесъ мнѣ, что ни одно изъ его увѣщаній не дѣйствуетъ на бунтовщиковъ и что всѣ они съ женами и дѣтьми единодушно кричатъ слѣдующее: «не хотимъ военныхъ поселеній, они—служба графу Аракчееву, а не царю; скажите только Аракчееву, что мы приняли вѣрныя мѣры, чтобы его погубить, и знаемъ навѣрно, что съ его смертью разрушатся и военныя поселенія».

Не стану описывать Вашему Величеству мое настроеніе послѣ всѣхъ сихъ донесеній... скажу только, что, къ вящему усиленію всѣхъ сихъ непріятныхъ вещей, 10-го августа въ Харьковѣ происходитъ большая ярмарка, приносящая оборотъ въ 25 милліоновъ руб. Отсюда Вы заключите, сколь велико стеченіе народа, купцовъ всѣхъ южныхъ губерній и дворянъ. Чугуевъ же лежитъ всего въ 32 верстахъ отъ Харькова.

По разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ, съ призываніемъ на помощь всемогущаго Бога, я видѣлъ съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорѣе дѣйствіе, а съ другой, слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь. Вотъ, государь, самое затруднительное положеніе человѣка, помнящаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцатипятилѣтняя привязанность къ лицу императора Александра I рѣшили меня, составя комитетъ, разсуждать въ ономъ по дѣламъ, до возмуще-

нія касающимся, дѣйствовать же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника...

Послѣ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, въ исполненіе приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ и представленъ ко мнѣ на конфирмацію, по коему приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ, я далъ предписаніе дивизіонному командиру генералъ-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнѣніе о наказаніи ихъ шпицрутеномъ каждаго черезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ, съ тѣмъ, чтобы наказаніе сіе было учинено въ первый день только сорока человѣкамъ, изъ главнѣйшихъ преступниковъ. Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18-го августа, и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики. При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ. Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ же прощены, а прочіе 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали. Впрочемъ, при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію каждаго преступника.

По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицрутенами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ. Въ то же самое время наказаніе прекращено, и всѣ арестанты, не бывшіе подъ судомъ, приведены вновь къ присягѣ. Какое дѣйствіе сіе имѣло на всѣхъ жителей, Ваше Величество усмотрите изъ прилагаемаго рапорта за № 1346 дивизіоннаго командира мнѣ. Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ, въ середину самого города, призвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что приму на себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошлю къ вамъ, государь, просить за нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, если исполнятъ слѣ-

дующее: подадутъ мнѣ списокъ главнымъ зачинщикамъ безпорядка, отыщутъ бумаги, при началѣ сего возмущенія ими писанныя, и найдутъ или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убѣжища трехъ преступниковъ, бѣжавшихъ въ первые дни безпокойства.

Съ помощью Божіею, сіе имѣло желаемый успѣхъ. Бумаги были ими принесены; оныя состоятъ изъ прошенія, которое, слѣдуетъ предположить, было обсуждаемо, и изъ именъ преступниковъ, кои обязались оказать сопротивленіе, какъ одинъ человѣкъ; сіе облегчаетъ намъ отысканіе главныхъ виновниковъ. Прошеніе написано тѣмъ самымъ отставнымъ капитаномъ Тарѣевымъ, о коемъ упоминаетъ журналъ комитета отъ 12-го августа. Сей Тарѣевъ есть родной братъ старшаго адъютанта 2-й уланской дивизіи, штабсъ-ротмистра Тарѣева, коего преступныя дѣйствія присемъ особенно представляю.

Изъ дезертировъ 2 уже найдены и арестованы.

Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка выступили въ Чугуевъ въ военномъ порядкѣ; я лично объявилъ имъ благоволеніе Вашего Величества, и они прошли мимо церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ по-взводно и рысью по полуэскадронно. Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ, и, отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобы кающіеся въ своемъ преступленіи не медля пали на колѣна и просили прощенія. Къ удовольствію моему, сіе исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставя ихъ въ семъ положеніи на колѣнахъ, приказалъ дѣйствующимъ эскадронамъ слѣдовать въ свои квартиры мимо ихъ, а потомъ, сдѣлавъ имъ должное наставленіе, простилъ и распустилъ по домамъ. Не бывъ еще совершенно увѣренъ въ точномъ душевномъ раскаяніи всѣхъ жителей, коихъ въ городѣ находится обоего пола до девяти тысячъ человѣкъ, и дабы имѣть и послѣ отъѣзда моего вѣрное свѣдѣніе о всемъ, что будетъ происходить, я счелъ нужнымъ приказать полковнику Салову исполнять впредь до повелѣнія должность коменданта въ городѣ Чугуевѣ, какъ Ваше Величество усмотрите изъ моего приказа № 3, коимъ устанавливается число выставленныхъ карауловъ и порядокъ ежедневной службы, какъ сіе необходимо послѣ бунта. Къ предупрежденію же всякаго безпорядка вездѣ нахожусь самъ и надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя.

Послѣ всѣхъ сихъ распоряженій я обратился въ комитетъ для обсужденія мѣръ къ окончательному наказанію преступниковъ, кои находятся подъ арестомъ въ округѣ поселенныхъ Чугуевскаго и Таганрогскаго уланскихъ полковъ. О чемъ подробно сообщаетъ журналъ комитета отъ сего числа, который и пересылаю Вашему Величеству для письменнаго утвержденія. Прошу послать мнѣ его обратно для исполненія, ибо я отложилъ отправку людей въ Оренбургъ къ графу Витту до полученія Высочайшаго соизволенія.

Всемилостивѣйшій государь, посылая сей мой отчетъ, я приступаю къ осмотру остальныхъ поселеній 2-й уланской дивизіи и ночью возвращусь въ Чугуевъ».

Отвѣтъ царя помѣченъ 8/20-мъ сентября 1819 г. и содержитъ по поводу даннаго дѣла буквально слѣдующее:

«Издавна тебѣ извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, искренняя моя къ тебѣ привязанность и дружба, и посему ты не повѣришь тѣмъ чувствамъ, кои ощущалъ я при чтеніи всѣхъ твоихъ бумагъ.

«Съ одной стороны могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также цѣнить и благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно отъ чистаго сердца за всѣ твои труды.

«Происшествіе, конечно, прискорбное; но уже когда, по несчастію, случилось оное, то не оставалось другого средства изъ онаго выйти, какъ давъ дѣйствовать силѣ и строгости законовъ».

При этомъ, однако, императоръ дѣлаетъ еще одно замѣчаніе, звучащее легкимъ упрекомъ Аракчееву: «не слѣдуетъ ли строго, искренно и безпристрастно намъ самихъ себя вопросить: выполнено ли нами все обѣщанное полку? Не имѣвъ съ собою положенія и грамоты, данной полку, сего я теперь рѣшить не могу. Но прошу тебя искренно обрати свое вниманіе на сей предметъ».

Объ ограниченіи предстоящаго наказанія не было и рѣчи, «наказаніе преступниковъ» продолжалось дольше, пока не была удовлетворена «справедливость», какъ ее понималъ Аракчеевъ. «Довольство» порядками, созданными колонизаціей, въ то время не оставляло ничего больше желать, и когда царь посѣтилъ въ іюлѣ 1820 г. Чугуевъ, то могъ только хвалить.

Однако, варварская чугуевская расправа произвела много шуму и вызвала глубокое негодованіе, особенно среди военныхъ. Чѣмъ больше выяснялось, что конечная цѣль императора заключалась

въ поселеніи почти всего войска и, чѣмъ безграничнѣе становились полномочія Аракчеева, тѣмъ легче могъ оказаться втянутымъ въ систему новой тиранніи любой офицеръ. Это тотчасъ же сказалось на Тайномъ Обществѣ. Число его членовъ значительно возросло въ 1818 1819 гг.; дальнѣйшимъ толчкомъ явились впослѣдствіи такъ наз. возстанія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, шефомъ котораго былъ самъ императоръ.

Семеновцы, у которыхъ начальникомъ дивизіи былъ баронъ Розенъ, а его замѣстителемъ бригадный генералъ великій князь Михаилъ Павловичъ [1]), получили въ лицѣ полковника Шварца полкового командира, которому дано было порученіе завести въ полку больше порядка и болѣе строгую дисциплину. Одно ужъ его назначеніе вызвало недовольство, такъ какъ этотъ полкъ считался, какъ и Преображенскій, самымъ знатнымъ и лучшимъ во всей арміи, выдѣлялся своими, безспорно, наиболѣе образованными офицерами и привыкъ состоять подъ начальствомъ людей съ громкимъ именемъ изъ рядовъ высшей аристократіи. А тутъ полкъ получилъ нѣмца, съ именемъ котораго не было связано ни одного воспоминанія изъ временъ послѣднихъ славныхъ походовъ, — педанта, который грубо и безтактно преслѣдовалъ цѣль сдѣлать изъ семеновцевъ образцовый полкъ. Возмущались прежде всего не грубостью обращенія, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ начальникамъ—любителямъ порки [2]), но онъ доводилъ людей до отчаянія мелочами, особенно тѣмъ, что въ своемъ служебномъ усердіи лишалъ ихъ всякой возможности отдохнуть и освѣжиться. Когда же онъ, противъ обычая, назначилъ ученіе 1-му батальону полка на 17/29-го октября 1820 г., приходившееся въ воскресенье, то вспыхнулъ бунтъ. Батальонъ отказался повиноваться, пока Шварцъ будетъ оставаться начальникомъ. Безтактность великаго князя Михаила и другихъ начальниковъ привела къ тому, что къ бунтовщикамъ присоединились и другіе два батальона полка, за исключеніемъ 700 чел. Эти волненія продолжались до 18/30-го ноября и могли бы стать опасными, если бы хоть одинъ изъ офицеровъ полка взялъ въ свои руки власть. Но этого не случилось, и гуманному генералу Васильчикову удалось безъ кровопролитія и экзекуцій за-

---

[1]) 23 лѣтъ отъ роду. Солдаты и офицеры ненавидѣли его, какъ мелочного представителя самаго узкаго военнаго формализма.

[2]) Онъ довольствовался тѣмъ, что ругался, плевалъ въ лицо, вырывалъ усы и совершалъ другія такія же мерзости, но розгами наказывалъ рѣдко. Офицеры издѣвались надъ его дурными манерами, даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ.

ставить полкъ, требовавшій и отъ него удаленія Шварца, пройти въ Петропавловскую крѣпость и дать себя тамъ запереть.

Болѣе всего внушало безпокойство то обстоятельство, что найдено было воззваніе къ Преображенцамъ, призывавшее прямо къ государственному перевороту. Авторомъ его былъ, безъ сомнѣнія, одинъ только человѣкъ и во всякомъ случаѣ не тотъ, кого Александръ, безъ всякихъ доказательствъ, наказалъ за это сначала шестимѣсячнымъ заключеніемъ, а затѣмъ ссылкой,—не Каразинъ, много лѣтъ пользовавшійся дружбой царя и ставшій теперь жертвой ничѣмъ не обоснованныхъ подозрѣній [1]).

Если у Александра возникали подозрѣнія, то онъ относился къ возможностямъ, какъ къ дѣйствительности и этимъ самъ вызывалъ къ жизни то, что хотѣлъ задушить и уничтожить еще въ зародышѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Всѣ рядовые лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, не наказанные военнымъ судомъ въ качествѣ зачинщиковъ, были распредѣлены по различнымъ полкамъ арміи, для которой они явились не устрашающимъ примѣромъ, какъ того ожидалъ Александръ, а наоборотъ внесли туда ожесточеніе, вызванное сознаніемъ перенесенной несправедливости. Это чувство еще въ большей степени разносилось повсюду офицерами, которые также были переведены въ армейскіе полки, несмотря на то, что за ними не значилось ни малѣйшей вины въ злополучномъ происшествіи. Всѣ они, солдаты и офицеры, состояли съ тѣхъ поръ подъ тайнымъ надзоромъ полиціи и ясно это чувствовали, а тѣ, кто былъ у императора въ особомъ подозрѣніи, не получали повышенія по службѣ [2]).

Многіе же изъ офицеровъ принадлежали къ Тайному Обществу и широко распропагандировали его въ арміи. Въ самомъ Обществѣ усилилось оппозиціонное направленіе [3]). Стихи Пуш-

---

[1]) Насколько раздраженъ и озабоченъ былъ тогда Александръ, видно изъ того, что онъ велѣлъ заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость полковника Бока, передавшаго ему въ 1820 г. проектъ конституціи. Полковникъ Шварцъ, сначала потерявшій свое мѣсто, попалъ 2-го сентября 1823 г. снова въ милость. Шварцъ былъ орудіемъ во вкусѣ Александра.

[2]) 50 рядовыхъ Семеновскаго полка были переведены въ Либаву въ 3-й егерскій полкъ. Ихъ нельзя было ни производить въ унтеръ-офицеры и фельдфебели, ни увольнять отъ службы по неспособности. Послѣднее обстоятельство причинило немало затрудненій, когда одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума.

[3]) «Дворянство не переставало порицать всѣ мѣры, принятыя императоромъ для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Съ другой стороны, оно порицало самодержавныя стремленія государя во всемъ, что касалось военнаго дѣла, и крайнюю суровость его личныхъ привычекъ, вліяніе которыхъ

кина, сосланнаго въ то время изъ Петербурга, и Рылѣева, вступившаго тогда въ Тайное Общество, вѣрно отражаютъ господствовавшее настроеніе. По поводу «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина Пушкинъ говоритъ, будто онъ прославляетъ «необходимость самовластья и прелести кнута». Въ 1821 г. онъ возвеличиваетъ Наполеона на счетъ Александра, а убійство Коцебу внушаетъ ему стихи:

«О юный праведникъ, избранникъ роковой,
«О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ».

Его посланіе къ Пестелю могло бы носить заголовокъ «На тиранновъ», а Аракчееву онъ желаетъ «смерти нѣмца Коцебу».

Но ихъ голоса не были одинокіе; другіе раздавались на тысячу ладовъ въ прозѣ и стихахъ, въ знаменитой комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», въ разговорахъ и запискахъ и въ интимной перепискѣ того времени. Человѣку, вращавшемуся въ петербургской средѣ, почти невозможно было уйти отъ этихъ теченій. Къ тому же и мода требовала отъ каждаго, «образованнаго» человѣка либеральныхъ убѣжденій; въ томъ же направленіи дѣйствовала и политическая незрѣлость и страсть къ преувеличенію и громкимъ фразамъ, которыя звучали очень рѣшительно, но за которыми въ очень рѣдкихъ случаяхъ скрывалась твердая воля или достаточныя способности. Эти-то элементы и хлынули послѣ семеновскаго дѣла въ Тайное Общество; вскорѣ же нашлись и люди, воспользовавшіеся тайной, въ которую были посвящены, для шантажа. Такъ, напримѣръ, принятый Н. Тургеневымъ въ Общество секретарь московскаго департамента правительствующаго сената, Хавскій грозилъ открыть все, если ему не дадутъ денегъ.

чувствовалось на всемъ петербургскомъ обществѣ. Безпрестанно, и почти открыто осуждали могущественное вліяніе религіозныхъ идей на умъ монарха. Ихъ считали мистицизмомъ и своего рода фанатизмомъ, равно какъ и его взглядъ на политическую свободу»... Въ 1820 г. отмѣчается, что петербургское общество негодовало по поводу избранія «цареубійцы» аббата Грегуара во французскую палату, но не меньше и по поводу незаконнаго исключенія его изъ палаты. Всѣ приняли сторону семеновцевъ. «Негодованіе противъ Шварца было всеобщимъ. Раздавались жалобы на роковую страсть всей царской семьи, особенно великаго князя Михаила, мучить солдатъ... Изъ-за этихъ строгостей ежегодно гибло около десятой части гвардіи. Офицеры Семеновскаго полка не были открыто обвинены въ неповиновеніи. Но многіе считали ихъ соучастниками. Предполагали, что они связаны другъ съ другомъ въ подозрительные масонскіе союзы». («Analyses de a correspondance de Russie 1819).

Такъ, вѣроятно, и было [1]). Возможно, однако, что въ связи съ этимъ дѣломъ стоитъ предложеніе Якушкина обратиться къ царю съ адресомъ за подписью всѣхъ членовъ Тайнаго Общества и просить его созвать, по примѣру своихъ предковъ, Земскую Думу для исправленія всѣхъ непорядковъ. Это предложеніе было, въ концѣ концовъ, отклонено, такъ какъ оно выдало бы всѣхъ, за то рѣшено было устроить 1-го января 1821 года съѣздъ въ Москвѣ, въ которомъ должны были участвовать делегаты отъ Петербурга и Тульчина. Съѣздъ, дѣйствительно, состоялся въ присутствіи почти всѣхъ вождей, кромѣ Пестеля [2]). Пестель и Николай Тургеневъ были представителями двухъ противоположныхъ направленій, которыя необходимо знать, чтобы понять дальнѣйшее развитіе въ арміи преобразовательныхъ и революціонныхъ стремленій. Оба они отличались тѣмъ, что съ полной серьезностью шли къ намѣченной цѣли. Это не были краснобаи, энтузіасты и политическіе проходимцы, какъ большинство недовольныхъ, которые легко произносили грозныя рѣчи, но по своей природѣ не могли, да и не желали превращать ихъ въ страшную дѣйствительность [3]). Насчетъ же самой цѣли Николай Тургеневъ и Пестель были различнаго мнѣнія; этотъ фактъ объясняется не только разницей въ характерахъ, но еще въ гораздо большей степени основнымъ различіемъ ихъ образованія.

Николай Ивановичъ Тургеневъ успѣлъ получить въ Геттингенскомъ университетѣ превосходное историческое, юридическое и политико-экономическое образованіе къ тому времени, когда онъ въ 1812 г., 23 лѣтъ отъ роду, вернулся въ Россію. Затѣмъ онъ имѣлъ счастье состоять при Штейнѣ, до 1816 г. пользо-

---

[1]) Это извѣстіе исходитъ изъ доклада, сдѣланнаго императору въ 1821 г. флигель-адъютантомъ Бенкендорфомъ объ открытыхъ имъ связяхъ заговора. Достигъ ли Хавскій своей цѣли, неизвѣстно, но, вѣроятно, достигъ, такъ какъ не было другого средства, чтобы отдѣлаться отъ этого человѣка. Возможно также, что извѣстія Бенкендорфа исходятъ отъ Хавскаго.

[2]) Здѣсь были Граббе, Бурцевъ, Фонвизинъ, Николай Тургеневъ, Ѳедоръ Глинка, Охотниковъ, Якушкинъ, Муравьевы и генералъ Михаилъ Орловъ.

[3]) Припомнимъ, напримѣръ, милаго, жизнерадостнаго и добродушнаго Артамона Захарьевича Муравьева, который въ 1825 г. вызвался убить Александра въ Таганрогѣ. Стоило только взглянуть ему въ смѣющіеся глаза, чтобы убѣдиться, что онъ совершенно неспособенъ на такое дѣло. Все это было лишь дикое политическое краснобайство. То же можно сказать и о другихъ участникахъ Тайнаго Общества, доходившихъ до подобныхъ предложеній. Никто изъ нихъ ни разу серьезно не пытался выполнить эту чудовищную мысль или хоть сдѣлать необходимыя приготовленія.

вался его обществомъ и участвовалъ въ его трудахъ. Штейнъ его очень цѣнилъ. Слово «Тургеневъ», говаривалъ онъ, и означаетъ то же, что честность и благородство, Арндтъ, стоявшій ближе къ его старшему брату Алексѣю, также его полюбилъ [1]).

Въ ихъ обществѣ изъ него развился государственный человѣкъ съ либеральными убѣжденіями. «Теорія налоговъ», опубликованная имъ въ концѣ 1818 г., проникнута такимъ духомъ, какой еше ни разу не выступалъ здѣсь публично въ политическихъ вопросахъ. Будучи умѣреннымъ фритредеромъ (сторонникомъ свободы торговли), Тургеневъ требовалъ пониженія чрезмѣрно высокаго таможеннаго тарифа, но прежде всего уменьшенія крестьянскихъ налоговъ. Онъ былъ противникъ душевой подати, противникъ освобожденія дворянства отъ налоговъ и другъ свободы во всѣхъ областяхъ. Въ основу своей финансовой системы онъ клалъ подоходный налогъ, разложенный равномѣрно на чистый доходъ каждаго, и освобожденіе важнѣйшихъ предметовъ потребленія отъ налоговъ, для того, чтобы крестьянинъ могъ достигнуть зажиточности. Ибо богатство страны основывается на благосостояніи крестьянства. Но усовершенствованіе финансовой системы должно идти рука объ руку съ преобразованіемъ политическаго законодательства путемъ привлеченія народа къ участію въ законодательствѣ и управленіи.

Можно подумать, что слышишь рѣчи русскаго либерала нашего времени. Книга имѣла необычайный успѣхъ. Къ концу года она была уже распродана, и въ маѣ 1819 г. вышло новое изданіе [2]). Подъ впечатлѣніемъ книги графъ Милорадовичъ попросилъ его составить для императора записку о крѣпостномъ правѣ; въ исполненіе этой задачи Тургеневъ вложилъ много умѣренности и осторожности. Онъ вовсе не совѣтуетъ немедленно уничтожить крѣпостное право, и дорожитъ при всѣхъ условіяхъ иниціативой правительства. Онъ настаиваетъ сначала на уменьшеніи слишкомъ тяжелой барщины, на запрещеніи продажи крестьянъ въ одиночку, на защитѣ крестьянъ отъ дурного обращенія господъ, и, наконецъ, на обезпеченіи имъ права жаловаться на помѣщиковъ въ общій судъ. Это—тѣ же идеи, кото-

---

[1]) Арндтъ, «Мои странствія со Штейномъ»: «Этотъ Николай былъ маленькій, умный, славный, хромой москвичъ, неистощимо веселаго характера, съ которымъ я былъ очень друженъ и котораго и Штейнъ любилъ». Тургеневы происходятъ отъ татаръ. Ихъ родоначальникъ явился въ XV вѣкѣ изъ Золотой орды ко двору великаго князя Василія Слѣпого.

[2]) Въ 1826 г. «Теорія налоговъ» была запрещена. При императорѣ Николаѣ не было мѣста для такихъ идей.

рыя были представлены императору Александру еще въ 1801 и 1802 гг. въ засѣданіяхъ «неоффиціальнаго комитета» и нашли себѣ выраженіе въ конституціонныхъ проектахъ Сперанскаго и Новосильцева. Но какъ тогда, такъ и теперь Александръ удовольствовался однимъ принципіальнымъ одобреніемъ. Это была, по его словамъ, лучшая записка по данному вопросу, какую онъ когда-либо получалъ.

Если принять во вниманіе, что Тургеневъ вступилъ въ Тайное Общество какъ разъ въ 1819 г., то этимъ, вѣроятно, и опредѣлится тотъ кругъ идей, въ которомъ Общество тогда вращалось. Оно желало, конечно, ограниченія самодержавія; если же на петербургскомъ съѣздѣ въ 1820 г. [1]) всѣ члены кромѣ одного, высказались за республиканскій образъ правленія, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ теоретическими взглядами, а не съ намѣреніемъ произвести государственный переворотъ. Доказать это, правда, невозможно, но за это говоритъ все дальнѣйшее развитіе тайныхъ обществъ.

Въ противоположность этимъ реформаторамъ, Пестель былъ главою болѣе лѣвой группы. Его больше привлекала мысль о внезапномъ переворотѣ, хотя и въ немъ эти планы созрѣли не сразу. У него былъ болѣе сильный духъ инициативы. Будучи самоучкой, онъ получилъ лишь отрывочное юридическое образованіе, благодаря которому онъ пріобрѣлъ порядочное самомнѣніе и увѣренность въ своихъ теоретическихъ конституціонныхъ проектахъ, но не замѣчалъ огромныхъ трудностей, связанныхъ съ ихъ осуществленіемъ; одного этого факта было уже достаточно, чтобъ онъ не могъ долго идти однимъ путемъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Николай Тургеневъ. Къ несчастію для русскихъ преобразовательныхъ идей, вліяніе Тургенева все больше и больше отступало на задній планъ, а прямой или косвенной двигательной силой сдѣлался Пестель и его ученики. Такой ходъ развитія былъ подготовленъ на вышеупомянутомъ съѣздѣ обществъ въ Москвѣ въ февралѣ 1821 г. Такъ какъ Пестеля здѣсь не было, то Тургеневъ провелъ формальное закрытіе «Союза Благоденствія», причемъ мотивы не были достаточно выяснены. Извѣстную роль при этомъ сыграло желаніе устранить тѣхъ, кто внушалъ недовѣріе своею скрытностью, а

[1]) Полковникъ Глинка вступился за монархію и указалъ на императрицу Елизавету, какъ на желательную государыню. Это показываетъ, какъ мало практичности вносилось въ дѣла, а съ другой стороны, это интересно, какъ новое доказательство того, насколько живы были воспоминанія о временахъ женскаго правленія.

также опасность раскрытія. Передаютъ, будто рѣшено было тотчасъ же снова сорганизоваться и повліять на войска, для того, чтобы подготовить ихъ ко всякимъ возможностямъ. Но разсказъ этотъ не убѣдителенъ. Извѣстно только то, что Пестель призналъ закрытіе неправильнымъ, и образовалъ со своими приверженцами самостоятельный Южный союзъ, который поставилъ себѣ цѣлью насильственный переворотъ; но основатель перваго тайнаго общества Никита Михайловичъ Муравьевъ собралъ въ Петербургѣ всѣ порванныя на московскомъ съѣздѣ нити, и вокругъ него образовался новый кружокъ единомышленниковъ изъ отборныхъ членовъ прежняго «Союза Благоденствія», стоявшихъ на Тургеневской точкѣ зрѣнія. Принадлежалъ ли самъ Тургеневъ къ этому Сѣверному обществу—не установлено. Вѣроятно, онъ появлялся въ немъ только случайно. Отправка гвардіи на помощь австрійцамъ для подавленія итальянскаго возстанія прервала связь съ не-военными членами бывшаго «Союза Благоденствія». Тургеневъ остался въ Петербургѣ, гдѣ онъ по должности занимался въ министерствѣ финансовъ и въ государственномъ совѣтѣ; когда же гвардія въ 1822 г. вернулась обратно, то во главѣ дѣла мы находимъ уже не его, а Никиту Муравьева и князей Оболенскаго и Трубецкаго, причемъ стоитъ отмѣтить, что Оболенскій былъ поручикомъ, а Трубецкой полковникомъ. Къ этому времени императоръ былъ уже достаточно освѣдомленъ черезъ Бенкендорфа о существованіи и о совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ и могъ бы безъ труда ихъ уничтожить или парализовать. Онъ удовольствовался тѣмъ, что строжайше запретилъ всякія тайныя общества и усилилъ военную полицію.

Условія времени благопріятствовали болѣе идеямъ Пестеля, чѣмъ петербуржцевъ. Одинъ изъ его приверженцевъ [1]), почти полвѣка спустя, выяснилъ причины, приведшія его и его друзей къ революціоннымъ взглядамъ: «Я вернулся изъ-за границы на родину съ другими, новыми взглядами. Сотни тысячъ русскихъ купили свободу всей Европы цѣною своей крови. Вмѣсто ожидаемыхъ наградъ и выгодъ, избалованная побѣдами и славой армія встрѣтила неслыханное порабощеніе: военныя поселенія и начальниковъ въ родѣ Ропса, Шварца, Желтухина и многихъ другихъ; солдатъ засѣкали на-смерть, крѣпостная зависимость крестьянъ продолжалась, боевые офицеры вытѣсня-

[1]) Несчастный майоръ Раевскій, сынъ знаменитаго генерала освободительной войны.

лись со службы; возстановленіе враждебной намъ Польши, усиленное взиманіе недоимокъ, накопившихся за время войны, строгость цензуры, новые рекрутскіе наборы, и т. д., вызывали глухой ропотъ. Аракчеевъ былъ въ силѣ, а Сперанскій—въ ссылкѣ. Невниманіе къ знаменитымъ генераламъ и пренебреженіе къ такимъ государственнымъ людямъ, какъ Мордвиновъ и Трощинскій, раздражало и возмущало людей, ожидавшихъ нововведеній, реформъ, благодѣяній и исцѣленія тяжкихъ ранъ отечества... Таковы основанія, внушившія намъ столь рѣшительный и безстрашный языкъ, ибо дѣло шло о будущности Россіи и о томъ, чтобъ оживить и спасти нынѣшнюю Россію». Къ тому же офицерскіе круги сочувствовали какъ испанскому, такъ и итальянскому возстанію, а въ Тульчинѣ царило еще сильное возбужденіе по поводу греческой борьбы за свободу и турецкихъ ужасовъ, отголоски которыхъ были особенно ясно слышны на югѣ. Этимъ же впечатлѣніямъ поддался и Пушкинъ, который, не принадлежа къ Южному обществу, вращался въ кругу Тульчинской главной квартиры и въ Кишиневѣ [1]). Въ 1821—1823 гг. это настроеніе поглощало все остальное. Когда же стало выясняться, что Александръ даетъ Западу свои силы для подавленія всѣхъ освободительныхъ движеній и что онъ не объявитъ туркамъ войны, то негодованіе обратилось противъ самого императора. Быть можетъ этому помогло еще и то, что Александръ изъ недовѣрія приказалъ 6-го февраля 1826 г. арестовать одного изъ любимѣйшихъ офицеровъ, майора Раевскаго изъ 32-го егерскаго полка, и держалъ его въ заключеніи много лѣтъ, хотя противъ него ничего не удалось доказать, да и самъ Раевскій не давалъ никакихъ компрометирующихъ показаній [2]).

Если въ то время не всѣ члены Южнаго союза попали въ руки правительства, то этимъ они были обязаны генералу Киселеву, который далъ возможность одному изъ своихъ адъютантовъ, принадлежавшему также къ союзу, уничтожить найденный у Раевскаго списокъ всѣхъ членовъ. Это показываетъ, что Киселевъ, который былъ безусловно преданъ царю и царскому дому и хорошо зналъ духъ русскаго офицерства, не придавалъ никакого практическаго значенія ихъ разнузданнымъ рѣчамъ.

---

[1]) Революціонный комитетъ гетеристовъ дѣйствовалъ въ Кишиневѣ.

[2]) Раевскій—одна изъ самихъ симпатичныхъ личностей среди заговорщиковъ, поэтъ и пламенный патріотъ, одинъ изъ немногихъ, кто умѣлъ хранить тайну, которая могла другихъ погубить. Онъ провелъ 6 лѣтъ въ заключеніи въ крѣпости, а потомъ былъ сосланъ въ Сибирь,—единственно за подозрительный образъ мыслей.

Онъ даже долго защищалъ Пестеля и повышалъ его по службѣ, хотя отлично зналъ, что Александръ считалъ этого человѣка опаснымъ.

Въ близкихъ отношеніяхъ къ Пестелю стояли генералъ-адъютантъ 2-й арміи Юшевскій, поручикъ Бестужевъ-Рюминъ, князь Барятинскій, штабсъ-ротмистръ и адъютантъ Витгенштейна, генералъ-майоръ князь Сергѣй Волконскій, отставной майоръ Поджіо, а также отставные полковникъ Давыдовъ и майоръ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Шестеро послѣднихъ были посланы въ іюнѣ 1823 г. въ Петербургъ, чтобы снова завязать связи съ Сѣвернымъ обществомъ, о существованіи котораго знали. Какъ разъ въ это время оно оживилось со вступленіемъ поэта Рылѣева, но, какъ раньше, такъ и теперь, держалось конституціоннаго направленія. Такъ какъ Пестель убѣдилъ своихъ сторонниковъ въ необходимости республиканской формы правленія, то для соглашенія долго невозможно было найти почву. Рылѣевъ былъ убѣжденъ, что Россія не созрѣла для республиканскаго правленія, и считалъ достаточнымъ ограничить царскую власть настолько, чтобы она равнялась хотя бы власти президента Сѣверо-Американскихъ Соединеныхъ Штатовъ. Въ концѣ концовъ, рѣшеніе принципіальнаго вопроса было отложено и рѣшено обмѣняться проектами конституціи; затѣмъ обѣ группы разстались. Въ началѣ 1824 г. Пестель самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но и тогда не удалось достигнуть соглашенія. Онъ оставилъ въ Петербургѣ Матвѣя Муравьева съ порученіемъ вербовать сторонниковъ своихъ идей внутри самаго общества. Такъ оно и случилось, и такимъ именно образомъ радикальныя идеи юга, повидимому, укрѣпились на сѣверѣ.

Проклятый вопросъ заключался въ томъ, чтобы рѣшить, что дѣлать, если царь откажетъ дать требуемую конституцію и созвать Земскій соборъ. По этому поводу дѣлались самыя крайнія предложенія, но рѣшенія не было принято никакого. Общество ограничивалось тѣмъ, что рѣшило вести болѣе широкую пропаганду среди офицеровъ. Между обоими обществами до послѣдняго времени не было особенно оживленныхъ сношеній. Не было странствующихъ членовъ, а рѣдкихъ случайныхъ встрѣчъ было недостаточно для поддержанія связи. Весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ членовъ обоихъ обществъ, какъ и думалъ Пестель, не могъ обнять всего движенія въ его цѣломъ. На сѣверѣ агитація перешла на гардемариновъ, на югѣ же она приняла такой оборотъ, который уже не вязался съ первоначальными патріотическими стремленіями.

Въ 1822 г. польскій заговоръ разстроился, но вполнѣ еще не заглохъ. Участники его стали очень осторожны, но глядѣли въ оба. На кіевскихъ контрактахъ, происходящихъ всегда въ началѣ года, русскіе и польскіе заговорщики замѣтили другъ друга и вскорѣ же сдѣлали осторожныя попытки къ сближенію. Первая встрѣча произошла въ январѣ 1824 г. между Кржижановскимъ и главарями одной вѣтви Пестельской организаціи—Бестужевымъ-Рюминымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ, резиденціей которыхъ былъ Васильковъ. Обѣ стороны старались возможно больше узнать и возможно меньше сообщить. Въ результатѣ обо всемъ этомъ узналъ глава поляковъ графъ Солтыкъ, а въ маѣ и октябрѣ произошли встрѣчи обоихъ русскихъ делегатовъ съ полякомъ Гродецкимъ, который при этомъ случаѣ посѣтилъ также князя Волконскаго и обѣщалъ ему, что на будущій годъ изъ Варшавы пріѣдетъ кто-нибудь на контракты для окончательнаго объединенія.

И дѣйствительно, въ началѣ 1825 г. явился, въ качествѣ представителя поляковъ, князь Яблоновскій, а съ русской стороны пріѣхали Пестель и князь Волконскій. Въ концѣ концовъ, оба общества сошлись на томъ, что поляки приняли на себя обязательство, въ случаѣ взрыва революціи въ Россіи, дѣйствовать сообща съ Южнымъ обществомъ и помогать ему въ достиженіи его цѣлей; русскіе же обѣщали оказать помощь полякамъ въ дѣлѣ возвращенія отнятыхъ Австріей и Пруссіей провинцій. Но Польша должна была дать обязательство, что въ теченіе перваго года своего самостоятельнаго существованія введетъ у себя такое же правленіе, какъ тогда будетъ въ Россіи. Впослѣдствіи же она можетъ ввести у себя конституцію по собственному усмотрѣнію; затѣмъ условились назначить съ обѣихъ сторонъ уважаемыхъ лицъ для заключенія окончательнаго договора. До сихъ поръ сношенія должны были поддерживаться, съ русской стороны, черезъ полковника Швейковскаго и поручика Лунина, а съ польской—черезъ графа Мощинскаго и князя Яблоновскаго. Какъ Пестель, такъ и Яблоновскій старались внушить другъ другу представленіе о стоящей за ними огромной силѣ: поляки хвастали связями съ прусскими, итальянскими и венгерскими обществами, даже съ самимъ англійскимъ правительствомъ, говорили о дрезденскомъ главномъ правленіи ихъ Союза. Русскіе не отставали въ преувеличеніяхъ, но, въ сущности, обѣ стороны не довѣряли другъ другу.

Вскорѣ Южный союзъ получилъ подкрѣпленіе. Ему удалось привлечь на свою сторону другое тайное общество, которое до тѣхъ поръ было самостоятельно, а именно «Союзъ Соединен-

ныхъ Славянъ», состоявшій также изъ офицеровъ. Это малочисленное общество, подъ руководствомъ двухъ энтузіастовъ панславизма, Борисова и Горбачевскаго, ставило себѣ цѣлью то, что еще и теперь защищается, хотя и подъ другимъ флагомъ: освобожденіе всѣхъ славянъ, находящихся подъ чужимъ владычествомъ, устраненіе всѣхъ раздоровъ между ними и объединеніе всѣхъ населенныхъ ими странъ въ большую федерацію. Каждое изъ этихъ строго ограниченныхъ федеративныхъ государствъ должно было получить демократическое представительство, съ правомъ рѣшать внутреннія дѣла по своему усмотрѣнію. При этомъ обѣщалось покровительство промышленности, устраненіе бѣдности и нужды и поднятіе нравственности и просвѣщенія. Обѣщалось также, что предразсудки и порочныя наклонности будутъ по возможности устранены, уничтожены всѣ сословныя различія и прекращена религіозная нетерпимость.

Но такъ какъ революція можетъ имѣть успѣхъ только при единодушіи всего народа, то необходимо прежде всего подготовить народъ къ перевороту; свободнымъ же онъ можетъ сдѣлаться только тогда, когда сначала станетъ нравственнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ. Слѣдовательно дѣло не въ населеніи, не въ военномъ вмѣшательствѣ,—оно погубило бы всякую свободу,—а въ медленной и терпѣливой работѣ. На средства союзной кассы [1]) нужно выкупить крѣпостныхъ и основать школы, а пропаганду нужно вести такъ, чтобы убѣдить крестьянъ и солдатъ исполнять свои гражданскія обязанности по любви и справедливости. Во внутреннихъ противорѣчіяхъ недостатка тутъ не было; несмотря на миролюбивое направленіе, «соединенные славяне» давали страшную клятву и опредѣленно твердили, что свобода можетъ быть добыта только кровью, а не слезами и деньгами.

Не трудно замѣтить огромную пропасть, отдѣлявшую подобные взгляды отъ убѣжденій Пестеля. Если же черезъ нее все-таки удалось перекинуть мостъ и «соединенные славяне» примкнули къ Южному союзу, то это объясняется скорѣе всего тѣмъ нетерпѣніемъ, съ которымъ эти мечтатели относились къ исполненію своихъ идеаловъ, а также краснорѣчіемъ Бестужева-Рюмина, который и привелъ переговоры съ ними къ концу въ въ теченіе сентября 1825 г. При этомъ онъ, конечно, не остановился передъ огромными преувеличеніями. Онъ нарисовалъ передъ ними обманчивую картину могущества общества, изобра-

---

[1]) Ея пока еще не существовало.

̵ылъ однообразное руководство со стороны Верховной Думы, и сослался на готовность Петербурга и Москвы свергнуть нынѣшнее правительство. Вся вторая армія, гвардія и много полковъ 3-го и 4-го корпусовъ стали, по его словамъ, на ихъ сторону. Конституція для россійской республики получила одобреніе знаменитыхъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ публицистовъ. Онъ сообщилъ имъ также въ извлеченіи конституцію Пестеля «Русскую правду», а соединеніе поляковъ съ Южнымъ союзомъ онъ представилъ, какъ совершившійся фактъ.

Этимъ онъ увлекъ слушателей, несмотря на возраженія Борисова. Соединеніе обоихъ обществъ совершилось. 13-го сентября они дали клятвенное обѣщаніе явиться по данному сигналу туда, куда ихъ позовутъ, и употребить всѣ средства, чтобы увлечь за собою солдатъ. Цѣловали образъ, снятый Бестужевымъ со своей груди и переходившій изъ рукъ въ руки, и кричали вмѣстѣ съ нимъ: «Да здравствуетъ конституція, республика, народъ! Долой разницу сословій, дворянство и царское достоинство!» [1]).

Когда князь Трубецкой, назначенный въ декабрѣ 1824 г. дежурнымъ офицеромъ при 4-мъ корпусѣ и жившій въ то время въ Кіевѣ, возвратился въ Петербургъ въ началѣ ноября 1825 г., то могъ сообщить о непрерывномъ ростѣ Южнаго союза. Кромѣ того, онъ разсказалъ, что рѣшено произвести возстаніе въ маѣ 1826 г.

Будутъ образованы два лагеря—одинъ въ Кіевѣ, другой въ Москвѣ, а Сергѣй Муравьевъ своевременно явится въ Петербургъ, чтобы согласовать дѣйствія Сѣвера и Юга. Если князь Трубецкой могъ взять на себя передачу подобныхъ извѣстій, то это доказываетъ, что и на него сильно повліяло возбужденное настроеніе Юга. Онъ нашелъ, что Сѣверное общество выросло и измѣнило свой характеръ. Самъ Рылѣевъ, избранный въ отсутствіе Трубецкого въ Думу общества, сталъ гораздо радикальнѣе, а въ іюлѣ 1825 г. въ общество проникъ элементъ грубаго насилія, въ

---

[1]) Если принять во вниманіе, что, въ противоположность «соединеннымъ славянамъ», членами Южнаго союза и Сѣвернаго общества были почти исключительно дворяне изъ богатыхъ фамилій, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть замѣчательное доказательство того, насколько сильно было демократизирующее вліяніе самодержавія въ Россіи. Ростопчинъ отлично характеризуетъ это обстоятельство слѣдующими стихами:

«Обычно сапожникъ, чтобъ бариномъ стать,
Бунтуетъ,—понятное дѣло,
У насъ революцію сдѣлала знать...
Въ сапожники, чтоль, захотѣла?»

лицѣ переведеннаго съ Кавказа капитана Якубовича, имѣвшаго, говорятъ, губительнѣйшее вліяніе. Этотъ человѣкъ, прославившійся своею безумной отвагой, заявилъ, что онъ уже 8 лѣтъ какъ рѣшилъ отмстить императору Александру и убить его за переводъ изъ гвардіи въ армію. Теперь онъ желаетъ выполнить свое намѣреніе. Все это было высказано въ заносчивомъ тонѣ и съ массой громкихъ фразъ. Хотя въ петербургскихъ кружкахъ также обсуждался вопросъ о томъ, какъ устранить царскую фамилію при введеніи новаго государственнаго строя, хотя (что не вполнѣ доказано) здѣсь говорилось, наряду съ заключеніемъ въ Шлиссельбургъ и отправкой заграницу, также и объ истребленіи царскаго дома, тѣмъ не менѣе Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, Оболенскій и Никита Муравьевъ употребляли всѣ усилія, чтобы отвести Якубовича отъ этихъ мыслей. Говорятъ, Рылѣевъ умолялъ его на колѣняхъ отказаться отъ своего плана и, въ концѣ концовъ, пригрозилъ, что донесетъ на него. Якубовичъ долго не сдавался, но, наконецъ, уступилъ. Сначала онъ обѣщалъ подождать годъ, а потомъ отложилъ исполненіе на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе, въ высшей степени вѣроятно, что онъ никогда не думалъ серіозно объ этомъ убійствѣ [1]). Ему нравилось играть роль смѣлаго кавказскаго героя и пугать другихъ угрозой дать все-таки волю своей мести.

Когда императоръ Александръ уѣхалъ 1-го сентября 1825 г. изъ Петербурга цѣлъ и невредимъ, то въ кружкахъ Рылѣева и Муравьева вздохнули свободно. Теперь можно было не обращать вниманія на дикія предложенія Якубовича. Дѣяніе, страшившее, въ сущности, всѣхъ, не могло быть совершено. Все пошло постарому: спорили, принимали новыхъ членовъ и ничего не дѣлали. На этотъ счетъ руководители не заблуждались. Когда Трубецкой однажды спросилъ Рылѣева, что станетъ дѣлать Сѣверъ, если Югъ поднимется, то получилъ отвѣтъ: «Ровно ничего, если прежніе члены Думы будутъ продолжать такъ, какъ до сихъ поръ». Самъ онъ со своимъ отдѣломъ готовъ возстать, но они навѣрно окажутся безплодными жертвами. Въ сущности, эта фраза вѣрна для всего заговора, впослѣдствіи чудовищно раздутаго. Сѣверный и Южный союзы, «соединенные славяне» и всѣ другія организаціи недовольныхъ, по всей вѣроятности, разло-

---

[1]) Впослѣдствіи онъ показалъ передъ слѣдственной комиссіей, что все это онъ говорилъ только въ возбужденномъ состояніи; на Кавказѣ же онъ такъ не говорилъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ, чтобы выпросить себѣ награду (за кавказскія дѣла). Его-де погубило тщеславіе и желаніе играть роль.

жились и распались бы постепенно сами собою, или же, ставши жертвой собственной неосторожности, попали бы въ руки военной тайной полиціи, которая уже успѣла ихъ опутать,—если бы совершенно исключительныя и неожиданныя событія не придали имъ на короткое время такую энергію, какая была свойственна лишь очень немногимъ изъ заговорщиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

